

GRADUATE
SCHOOL OF
BUSINESS

УО «Алматы Менеджмент Университет»

**Капитализация научных исследований:
средства достижения и результаты**

Сборник Высшей школы бизнеса

УО «АЛМАТЫ МЕНЕДЖМЕНТ УНИВЕРСИТЕТ»

СБОРНИК СТАТЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА

**Капитализация научных исследований:
средства достижения и результаты**

Алматы - 2025

УДК 338
ББК 65
К 20

Главный редактор: Куренкеева Г. Т., к.э.н., Ректор AlmaU

Редакционная коллегия:

Естекова Г. Б.	к.э.н., PhD, Академический декан ВШБ AlmaU
Елибаева А.Е.	PhD, Директор департамента DBA ВШБ AlmaU
Шоман С.	к.т.н., ассоциированный профессор ВШБ AlmaU
Кондрашов И.Н.	PhD, ассоциированный профессор ВШБ AlmaU

Все статьи прошли проверку в системе StrikePlagiarism.com

Сборник Высшей школы бизнеса «Капитализация научных исследований: средства достижения и результаты», 2025:

Сборник включает раздел - научно-исследовательские статьи докторантов DBA и магистрантов MBA.

Сборник освещает публикации на трех языках – казахском, русском, английском.

Капитализация научных исследований: средства достижения и результаты:

Сборник Высшей школы бизнеса. Алматы: УО Алматы Менеджмент Университет, 2025. – 187 с.

ISBN 978-601-7431-81-5

Материалы (статьи) сборника представлены в авторской редакции. Данный сборник предназначен для исследований, в том числе в междисциплинарных областях, изучающих актуальные экономические проблемы, теорию и практику современных аспектов менеджмента, маркетинга, финансов, философии бизнеса и развития человеческого капитала и межкультурных коммуникаций.

ISBN 978-601-7431-81-5

©Алматы Менеджмент Университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ ДОКТОРАНТОВ ДВА И МАГИСТРАНТОВ МВА

ЭКОНОМИКА, ФИНАНСЫ, МЕНЕДЖМЕНТ

Акимов Д.С.

Инновационные стратегии малого и среднего бизнеса в эпоху цифровой трансформации..... 6

Гадаборшев Х.С., Исаев А.К., Ли В.Г.

Ключевые аспекты цифровой трансформации МСБ Казахстана: кадры и финансы..... 19

Дадабаев А.Х.

Особенности стратегического управления в строительных компаниях Таджикистана 36

Джамалбекова А.А., Аширова Г.А.

Бенчмаркинг образовательных методик в ТИПО: управление компетенциями учащихся и педагогов в системе непрерывного образования..... 50

Махсотова З.Т., Алталиева А.А.

Тенденции развития мотивации персонала в добывающем секторе (на примере компании Карачаганак Петролиум Оперейтинг б.в.)..... 62

Насретдинов Ж.С.

Рынок образовательных услуг: состояние и перспективы развития..... 77

Работин А.Ю.

Применение геймификации в горнодобывающей отрасли для повышения общей эффективности оборудования..... 89

Салимбаев Е.А.

Антикризисное управление предприятием: теоретические аспекты..... 101

Салимбаев Е.А.

Структура и методология разработки антикризисного плана..... 110

Sapa A.

Innovative approaches to cost management of enterprises in Kazakhstan based on the use of multiple offsetting..... 119

Sapa A.

Using digital tokens to organize a system of mutual offsets between enterprises in Kazakhstan..... 141

Сармурзаков Р.М.

Индекс прозрачности НКО в Казахстане: возможно ли внедрение практики Guidestar и Charity Navigator?..... 166

Тастанкызы А.

Факторы привлекательности рынка образовательных услуг: управленческий анализ..... 176

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ ДОКТОРАНТОВ ДВА И МАГИСТРАНТОВ МВА

ЭКОНОМИКА, ФИНАНСЫ и МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 334.012.63/.64

Акимов Д.С.
докторант ДВА, AlmaU

ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые аспекты цифровой трансформации малого и среднего бизнеса (МСБ) в эпоху повсеместной цифровизации. Анализируются современные тенденции цифровых технологий, классификация инновационных стратегий, а также успешные примеры цифровой трансформации.

Целью исследования является выявление эффективных инновационных стратегий для малого и среднего бизнеса в условиях цифровой экономики. В статье используются методы анализа литературы, а также изучение успешного опыта применения цифровых технологий в бизнес-процессы. Оригинальность исследования заключается в рассмотрении проблемы цифровой трансформации малого и среднего бизнеса в аспекте стратегического менеджмента, а также в формировании практических рекомендаций для предпринимателей

Результаты исследования включают разработку рекомендаций для эффективной цифровой трансформации предприятий малого и среднего бизнеса.

***Ключевые слова:** малый и средний бизнес, цифровизация, цифровая экономика, цифровая трансформация, инновация,*

Введение. Сегодня концепция и видение мира VUCA (vitality – изменчивость, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность, ambiguity – неоднозначность) изменились, и на основе концепции мира BANI (brittle – хрупкость, anxious – тревожность, nonlinear – нелинейность, incomprehensible – непостижимость) (предложена ученым-футурологом J. Cascio) значительное развитие получила проблема цифровизации всех сфер жизни [1]. Иначе говоря, цифровизация стала глобальным трендом современного хрупкого, тревожного, нелинейного и непостижимого мира. При этом активную цифровую трансформацию претерпевают не только наука, образование, политика, культура, искусство и другие сферы жизнедеятельности человека, но и в огромной степени экономика.

Современная экономика получила определение цифровой. Именно использование цифровых технологий, проникших в различные сферы жизнедеятельности, отрасли промышленности и отдельные субъекты рынка, привело к появлению этого термина. Под цифровой экономикой понимается комплексное явление, охватывающее множество аспектов экономической, социальной и технологической жизни общества. Цифровая экономика включает в себя развитие информационных технологий, цифровую инфраструктуру, цифровые услуги, а также проникновение цифровых технологий в различные сферы экономики и государственного управления [2].

Реализация цифровой экономики выходит на лидирующие позиции в области как научно-технического, так и социально-экономического развития Казахстана. Это отображается в стратегических документах и программных инициативах правительства страны. Начиная с создания «Дорожной карты цифровой экономики» и заканчивая внедрением электронного правительства и поддержкой инновационных стартапов, в Казахстане происходит активное развитие потенциал в области цифровых технологий [3]. На практике это означает, что в Казахстане все больше компаний вне зависимости от их масштаба вовлекаются в высокотехнологичную цифровую среду.

Необходимо проанализировать ключевые аспекты цифровой трансформации предпринимательской сферы в соответствии с задачами цифровой экономики. Таким образом, целью настоящего исследования является выявление эффективных инновационных стратегий для предприятий малого и среднего бизнеса в условиях цифровой экономики. Оригинальность и новизна исследования заключаются в рассмотрении проблемы цифровой трансформации малого и среднего бизнеса в аспекте стратегического менеджмента и формирования инновационной стратегии.

Анализ научной литературы показал, что вопросами цифровой экономики, а также цифровизации и цифровой трансформации бизнес-среды, как одного из наиболее перспективных направлений в менеджменте, занимается ряд ученых за рубежом, включая К. Шваба, П. Вайла, С. Ворнера, М. Гоббла, С. Арутюнян, Л. Лапидуса, А. Лукьянова, К. Мызрова, Ю. Панько, М. Степанова, Н. Кузнецова, А. Мамырбаева, Ж. Басшиева, Г. Мухамедиева, А. Алимбаева, Е. Бейсембай, М. Баймухамедова.

В целом исследователи справедливо полагают, что цифровая трансформация является одним из способов выживания предприятий МСБ в условиях цифровой экономики. Очевидно, что эффективная интеграция цифровых технологий в бизнес-процессы является ключевым фактором повышения конкурентоспособности, производительности, повышения продаж и в целом оптимизации деятельности предприятий, и в частности малого и среднего бизнеса. Иначе говоря, цифровая трансформация малого и среднего бизнеса сегодня – это не тренд, а необходимость и даже вопрос его существования.

Изложение основного материала статьи. Для того чтобы понимать, какое влияние цифровые технологии оказывают на бизнес-процессы, необходимо рассмотреть понятия цифровизации и цифровой трансформации.

В английском языке понятие «цифровизация» означают термины *digitization*, *digitalization* которые имеют разные значения. Дословно *digitization* переводится как оцифровка, т. е. процесс перевода аналоговых данных в цифровой формат. *Digitalization* в свою очередь означает автоматизацию в бизнес-процессах

компаний [4]. С позиции изменения бизнес-моделей термин digitalization означает применение цифровых технологий для трансформации бизнес-операций компании и, соответственно, роста ее финансовых показателей [5]. Таким образом, цифровизация – это процесс использования цифровых технологий и оцифрованных данных для трансформации бизнес-процессов, бизнес-моделей и бизнес-операций.

Цифровизация является составной частью цифровой трансформации (digital transformation), под которой понимается полная перестройка бизнеса на основе цифровых технологий [6]. Очевидно, что простая оцифровка данных или внедрение одного проекта с использованием цифровых технологий не является цифровой трансформацией. Для стратегической цифровой трансформации компании в долгосрочной перспективе необходимо, чтобы все ее бизнес-процессы происходили при помощи цифровых технологий.

Таким образом, массовое внедрение цифровых технологий приводит к повсеместной социально-экономической трансформации общества, начиная с повседневного быта, производства, науки и государственного управления. Глобальное влияние оказывается и на современный бизнес, в том числе малый и средний. Более того, именно малый бизнес в силу своей мобильности и открытости инновациям «способен преодолевать препятствия через свое прогрессивное развитие, используя новые открывающиеся возможности в современных условиях цифровой трансформации и осуществлении перехода к цифровой экономике» [7].

Согласно результатам мониторинга глобальных трендов цифровизации [8] одними из наиболее эффективных инструментов цифровой трансформации малого и среднего бизнеса являются технологии нейронных сетей (AI), мобильные технологии и социальные сети, большие данные (Big Data), интернет вещей (IoT), облачные технологии, блокчейн, платформы и др. Все эти цифровые технологии и сервисы помогают оптимизировать управленческую, финансовую, логистическую, торговую, производственную, контрольную деятельность компании. При этом, в силу

ограниченности средств, компании МСБ в сравнении с крупным бизнесом не имеют возможности проводить собственные исследовательские разработки. Поэтому для МСБ актуально применение общедоступных цифровых продуктов и сервисов, которые позволяют им успешно конкурировать на рынке, например технологии искусственного интеллекта, маркетинг в социальных сетях (SMM), маркетплейсы.

При переходе к цифровой трансформации малый и средний бизнес сталкивается с рядом барьеров.

Главным препятствием к цифровой трансформации малого бизнеса и инвестированию в современные технологии является, конечно, высокий уровень начальных инвестиций и ограниченность финансовых средств. По разным данным, около 25–39% предпринимателей стран СНГ сталкиваются с дефицитом финансовых ресурсов при внедрении процессов цифровизации [9, 10]. Очевидно, что не каждое малое и среднее предприятие может позволить себе иметь в штате специалистов по технологиям искусственного интеллекта, блокчейн, а у многих компаний и вовсе отсутствуют ИТ-отделы. В таких случаях высока роль государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

Отсутствие и дефицит квалифицированных ИТ-специалистов также является барьером на пути цифровой трансформации МСБ и замедляет внедрение цифровых решений [11]. В связи с этим большое значение имеет повышение квалификации и развитие цифровых компетенций сотрудников, т. к. инвестиции в обучение не только повышают конкурентоспособность, но и способствуют развитию инновационной культуры внутри компании, что само по себе является большим конкурентным преимуществом в условиях цифровой экономики.

Также важным барьером является недостаточная информационная безопасность предприятий МСБ. Субъекты малого бизнеса чаще всего заинтересованы в приобретении современной техники и технологий, а на программах и сервисах по информационной безопасности вынуждены экономить. Вследствие этого до 40% компаний малого бизнеса сталкиваются с рисками

потери данных и кибератаками [9], и в защите нуждаются, прежде всего, клиентские базы данных, результаты маркетинговых исследований, финансовая отчетность.

В качестве барьера также можно назвать и сопротивление изменениям, т. к. некоторые малые и средние компании не готовы менять устоявшиеся бизнес-процессы и свою корпоративную культуру.

Как любая инновационная деятельность, цифровая трансформация МСБ требует адаптации стратегий управления. Для анализа стратегий необходимо рассмотреть понятия инновации, инновационной стратегии.

Термин «инновация» (innovation) берет происхождение с латинского слова «нововведение» и означает новшество, обеспечивающее повышение эффективности процессов и улучшение качества продукции, востребованное рынком, причем инновацией является не всякое новшество, а лишь такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы [12]. Существует два подхода к понятию инновации: инновация как процесс и инновация как новшество, или новация. Различия между ними сводятся авторами к тому, что новация является средством изменений, а инновация – целостной системой действий, направленных на качественное преобразование объекта [13].

Применительно к бизнесу инновация является нововведением в различные бизнес-процессы, а новация – средством реализации этих инновационных процессов.

Понятия инноваций и цифровой трансформации имеют тесную связь, т.к. инновации могут перейти в цифровую трансформацию, и наоборот. Поэтому следует их различать: цифровая трансформация – это широкий процесс изменений, перестройки компании на основе цифровых технологий, а инновации – это конкретные нововведения и их реализация.

Таким образом, инновации в условиях быстрого технологического прогресса, становятся основным драйвером роста и развития конкурентных преимуществ бизнеса. Мы разделяем мнение авторов, что инновации являются и процессом, и результатом одновременно и определяем инновацию как результат

совокупности инновационных процессов по созданию и внедрению новых продуктов и технологий, методов ведения бизнеса и моделей управления.

Инновации оказывают значительное влияние не только на процессы, продукт или модели бизнеса, но и прежде всего на его стратегию. Более того, в условиях цифровой трансформации бизнеса, предпринимателям приходится иметь дело именно с инновационными стратегиями управления.

Понятие инновационной стратегии применительно к малому и среднему бизнесу понимается исследователями как система достижения стратегических целей компании, отличающаяся инновационным характером и подчиненная общей стратегии развития предприятия [14].

Выбор инновационной стратегии для МСБ зависит от уровня цифровой зрелости компании и специфики ее отрасли. Можно выделить три ключевые группы наиболее успешных стратегий: продуктовые, процессные и бизнес-модельные.

Продуктовые инновационные стратегии предполагают создание новых уникальных продуктов и услуг, либо кардинальное улучшение уже существующих. Для МСБ это может означать разработку мобильных приложений, предназначенных для взаимодействия с клиентами, внедрение технологии искусственного интеллекта для персонализации сервисов, а также создание «умных» продуктов, включающих IoT (Интернет вещей) и облачные технологии.

Процессные инновационные стратегии направлены на автоматизацию бизнес-процессов компании, что позволяет снизить затраты, повысить эффективность деятельности и минимизировать влияние человеческого фактора. К процессным стратегиям можно отнести автоматизацию документооборота, бухгалтерии и управления персоналом, внедрение Agile и Lean-подходов для повышения гибкости компании и использование CRM и ERP-систем для эффективного управления ресурсами.

Инновационные стратегии, направленные на трансформацию бизнес-модели, повышает устойчивость компании к изменениям на рынке и открывает новые источники дохода. К этим стратегиям

можно отнести сервисы по подписке для формирования стабильного потока клиентов, платформенные технологии и маркетплейсы, которые позволяют объединить покупателей и поставщиков на одной цифровой площадке, а также цифровые экосистемы для интеграции различных услуг компании в единую систему.

Таким образом, инновационные стратегии, основанные на цифровых технологиях, позволяют МСБ не только выживать, но и процветать в условиях цифровизации, внедряя новые процессы и модели, а также предлагая уникальные продукты, способные удовлетворить потребности клиентов. Тем не менее, успешность реализации этих стратегий зависит от готовности компании к изменениям, наличию средств для инвестиций в цифровые технологии и возможностей для обучения персонала, а также от умения предпринимателей гибко реагировать на вызовы современного рынка.

Чаще всего малый и средний бизнес ориентирован на освоение продуктовых инноваций, чем процессных и модельных, поэтому уровень затрат на приобретение нового оборудования и разработку новой продукции существенно превосходит уровень затрат на разработку и внедрение новых методов ведения бизнеса и управления. При этом основным источником финансирования являются собственные средства, тогда как государственная поддержка инновационной деятельности минимальная, и взаимодействие с другими предприятиями практически отсутствует. Таковы основные причины, сдерживающие рост и внедрение инновационных стратегий в малом и среднем бизнесе: недостаток собственных средств, высокая стоимость нововведений, слабое взаимодействие с крупным бизнесом и научным сектором, отсутствие современных моделей стратегического менеджмента [13].

Рассмотрим примеры успешных кейсов цифровой трансформации малых и средних предприятий в Казахстане, а также ключевые факторы, способствовавшие их успеху.

Во-первых, конечно, можно сразу назвать Kaspi.kz – казахстанскую технологическую компанию, опыт которой изучают даже в бизнес-школе Гарварда [15]. В состав Kaspi.kz входят ТОО

«Kaspi Магазин», АО «Kaspi Bank», ТОО «Kaspi Pay» и ТОО «Kaspi Travel».

Изначально Kaspi.kz был небольшим финтех-стартапом, который превратился в одного из лидеров индустрии. Так, в 2020 году компания стала лидером на финансовом рынке Казахстана и одной из самых быстрорастущих IT-финансовых организаций Европы и Евразии. Более того, Kaspi.kz является так называемым «единорогом» или юникорном (Unicorn company) – компанией-стартапом, получившим рыночную оценку стоимости в размере свыше 1 млрд. долларов США [16].

На пути к цифровой трансформации компания внедрила инновационные цифровые продукты, такие как мобильное приложение для управления финансами, онлайн-магазин и платежные сервисы, что позволило привлечь миллионы пользователей [17]. Ключевыми факторами успеха Kaspi.kz являются: масштабная инвестиционная стратегия для разработки и продвижения цифровых продуктов, высококвалифицированные IT-специалисты и другие кадры, а также долгосрочное партнерство с банками второго уровня Казахстана и ритейлерами.

Другим примером успешной инновационной стратегии, основанной на цифровых технологиях, стал Astana Hub – крупнейший международный технопарк IT-стартапов в Центральной Азии, созданный для поддержки и развития IT-бизнеса в Казахстане [18]. Astana Hub предоставляет акселерационные и инкубационные программы, помогает стартапам привлекать венчурные инвестиции и выходить на международные рынки.

К основным факторам успеха компании можно отнести государственную поддержку, т. к. Astana Hub был создан в рамках государственной программы «Цифровой Казахстан», высокий кадровый потенциал технопарка, а также сотрудничество с международными IT-компаниями и инвесторами.

В качестве еще одного примера успешного кейса цифровой трансформации можно назвать Открытую цифровую платформу для МСБ, разработанную Национальной палатой предпринимателей «Атамекен» совместно с АО «Казахтелеком». Эта платформа работает по принципу китайской Alibaba и американской Amazon.

Открытая цифровая платформа предоставляет собой маркетплейс, который предоставляет ритейлерам возможность расширять каналы сбыта и увеличивать товарооборот [19].

С 31 января по 1 февраля 2025 года в г. Алматы прошел седьмой Международный цифровой форум Digital Almaty 2025 на тему «Industrial AI: технологии для новой эры». Более 80 перспективных молодых компаний представили на форуме свои проекты в сфере цифровой экосистемы. Среди уникальных стартапов можно выделить сервис для рекрутинга call2action.ai, проект KOZ – сервис цифровых AI-помощников для бизнеса, проект по оптимизации производственных процессов горнометаллургической и нефтегазовой отрасли и многие другие разработки [20]. А в битве стартапов Industry 4.0 Startup Battle победу одержал стартап Qala AI – проект по устойчивому развитию городов на основе AI-технологий и геоаналитики.

Приведенные кейсы подтверждают стремительное развитие цифровой экосистемы в Казахстане и демонстрируют важность стратегического подхода к инновациям, сотрудничества бизнеса с государственными структурами и инвестиций в цифровые технологии для повышения конкурентоспособности МСБ.

Выводы и рекомендации. На основе проведенного анализа мы разработали рекомендации для эффективного внедрения инновационных стратегий и цифровой трансформации предприятий МСБ.

Во-первых, малым и средним компаниям необходимо налаживать сотрудничество, прежде всего, с государственными структурами, а также с другими более крупными компаниями. Стратегическое сотрудничество помогает малому бизнесу преодолеть ресурсные ограничения, которые являются основным барьером на пути к успешной цифровой трансформации бизнеса.

Во-вторых, в цифровую эпоху важно инвестировать в обучение, т. к. развитие цифровых компетенций сотрудников повышает эффективность внедрения цифровых технологий и является важным конкурентным преимуществом компании.

В-третьих, необходимо уделять внимание вопросам информационной безопасности в современной цифровой среде.

В-четвертых, важно преодолевать инертность и сопротивление изменениям, прилагать усилия для развития цифровой культуры.

Таким образом, успешная цифровая трансформация МСБ в Казахстане имеет все основания для успешной реализации. Для этого необходимы совместные усилия бизнеса и государства, направленные на поддержку инновационной активности малых и средних предприятий, а также развитие кадрового потенциала и цифровой культуры, внедрение современных цифровых систем безопасности.

В заключении приведем основные выводы, сформулированные нами в ходе проведенного исследования.

Цифровизация является глобальным трендом современного мира, а современная экономика является цифровой, основанной на применении цифровых технологий в различных сферах государственного управления.

В условиях цифровой экономики одним из способов выживания МСБ является цифровая трансформация, под которой понимается полная перестройка бизнеса на основе цифровых технологий.

Малый и средний бизнес – это та сфера, которая в силу своей мобильности и открытости инновациям воспринимает цифровые технологии раньше всех, еще до начала массового курса на цифровую экономику.

Компании, внедряющие цифровые технологии, такие как искусственный интеллект (AI), мобильные технологии и социальные сети, большие данные (Big Data), интернет вещей (IoT), блокчейн, облачные и платформенные технологии, демонстрируют высокую конкурентоспособность и эффективность. Эти и другие цифровые сервисы помогают оптимизировать управленческую, финансовую, логистическую, торговую, производственную, контрольную деятельность компании.

Основными барьерами цифровой трансформации МСБ являются дефицит финансовых ресурсов, квалифицированных кадров, недостаточная информационная безопасность, а также сопротивление организационным изменениям. Преодоление этих барьеров возможно через государственную поддержку,

стратегическое партнерство с крупным бизнесом, развитие цифровых компетенций персонала и цифровой культуры внутри компании.

Инновационные стратегии подразумевают не только создание инновационных продуктов, но и применение новых бизнес-моделей, оптимизацию бизнес-процессов при помощи современных цифровых технологий.

Выбор инновационной стратегии развития для МСБ зависит от уровня цифровой зрелости компании и специфики отрасли. Среди наиболее успешных стратегий – продуктовые и процессные, а также бизнес-модельные стратегии.

В Казахстане успешная цифровая трансформация МСБ имеет все основания для успешной реализации. Для этого необходима государственная поддержка инновационной активности малых и средних предприятий, стратегическое партнерство с крупным бизнесом и развитие кадрового потенциала.

Список использованной литературы

1. Потапенко И. VUCA, BANI и SHIVA: модели адаптации к миру// <https://productlab.ru/blog/vuca-bani-shiva>.
2. Басшиева Ж.К., Мухамедиева Г.М., Сыздыкова К.Ш. Цифровая экономика в Республике Казахстан// Вестник РОО «Национальной академии наук Республики Казахстан. – № 5 (405), 2023. – С. 348–364.
3. Цифровая стратегия ЦАРЭС до 2030 года: Ускорение цифровой трансформации для региональной конкурентоспособности и инклюзивного роста. <https://www.carecprogram.org/uploads/MC-2021-Docs-2-CAREC-Digital-Strategy-2030-20211711-RU.pdf>.
4. Gobble M.A.M. Digital strategy and digital transformation //Research-Technology Management. – 2018. – Т. 61. – № 5. – С. 66-71.
5. Aghimien D. et al. Digitalization of construction organisations – a case for digital partnering // International Journal of Construction Management. – 2020. – С. 1-10.
6. Petrushka I., Yemelyanov O. Influence of Energy-Saving Technological Changes on the Level of Innovativeness of Agro-Industrial

Enterprises in the Conditions of Digitalization // International Journal of Recent Technology and Engineering. – 2019. – С. 201-206.

7. Мызрова К.А., Авдеева Т.В. Особенности применения искусственного интеллекта малым бизнесом // Креативная экономика. – 2024. – № 11. – С. 3171–3188. doi: 10.18334/ce.18.11.122064.

8. Мониторинг глобальных трендов цифровизации: ежегодное аналитическое исследование. – Ростелеком, 2024. https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/12/rostelecom_trends_2024.pdf.

9. Яхшибоев Р.Э. Влияние цифровых технологий на развитие малого и среднего бизнеса в условиях цифровой экономики // Innovations in Science and Technologies. – Vol. 1, No 1, 2024. – С. 3-10. <https://innoist.uz/index.php/ist/article/view/16>.

10. Цифровая трансформация – это не тренд, а условие существования. Sber.pro. <https://sber.pro/digital/publication/czifrovaya-transformacziya-eto-ne-trend-a-uslovie-sushhestvovaniya/>.

11. Зайцева А.С. Влияние цифровых компетенций субъектов малого и среднего предпринимательства на развитие бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – № 2. – С. 313-322. doi: 10.18334/epp.11.2.111640.

12. Инновация, нововведение, материал из Википедии// <https://ru.wikipedia.org/wiki/Инновация>.

13. Дарвиш Ф. Стратегическое управление инновациями в сфере малого бизнеса: автореферат диссертации. – Белгород, 2023. – 25 с.

14. Даньшина В.В. Инновационная стратегия развития бизнеса: сущность и определение // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – № 7, 2016. – С. 35–37.

15. Определение Kaspi.kz из материала Википедии// <https://ru.wikipedia.org/wiki/Kaspi.kz>.

16. Единорог (экономика), материал из Википедии// [https://ru.wikipedia.org/wiki/Единорог_\(экономика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Единорог_(экономика)).

17. Kaspi.kz признан главным «Трансформатором года». <https://bluescreen.kz/kaspikz-priznan-ghlavnym-transformatorom-ghoda/>.

18. Цифровизация Казахстана. Часть III. Бизнес. <https://the-tenge.kz/articles/digital-kazakhstan-3>.

19. Спецпроект «Корпорация». <https://vlast.kz/corporation/24539-cifrovizacia-biznesa.html>.

20. Дюсупов А. Digital Almaty 2025: Казахстан на пороге цифровой революции. <https://www.zakon.kz/press-relizy/6465674-Digital-Almaty-2025-kazakhstan-na-poroge-tsifrovoy-revolyuutsii.html>.

УДК 338.24

Гадаборшев Х.С., Исаев А. К., Ли В. Г.
Докторанты DBA, AlmaU

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МСБ КАЗАХСТАНА: КАДРЫ И ФИНАНСЫ

Аннотация

В условиях стремительного развития цифровых технологий малые и средние предприятия (МСБ) Казахстана сталкиваются с необходимостью глубокой трансформации своих ключевых бизнес-процессов. Процесс цифровизации требует комплексного подхода, включающего адаптацию кадровых и финансовых ресурсов, поскольку именно эти факторы определяют успешность внедрения инновационных решений.

Настоящая статья посвящена анализу комплексного влияния кадровой политики на подготовку персонала к новым вызовам цифровой эпохи. Особое внимание уделяется вопросам формирования цифровых компетенций сотрудников, а также рассмотрению финансовых инструментов, таких как факторинг, обеспечивающих устойчивость бизнес-деятельности в условиях технологических изменений. Исследование основано на анализе реальных бизнес-кейсов из различных отраслей экономики Казахстана, демонстрирующих успешные примеры цифровой трансформации и повышение операционной эффективности благодаря внедрению новых технологий.

В ходе исследования выявлена взаимосвязь трех ключевых факторов, определяющих успешность цифровой трансформации предприятий: стратегического управления кадровыми ресурсами, рационального финансового планирования и эффективного применения передовых технологических решений. Данные аспекты рассматриваются сквозь призму адаптации к динамично меняющимся условиям рыночной среды, что особенно важно для казахстанских предприятий, стремящихся повысить свою конкурентоспособность.

На основе проведенного анализа предложены практические рекомендации, направленные на достижение синергетического эффекта между кадровыми, финансовыми и технологическими компонентами. Реализация данных рекомендаций позволит предприятиям не только эффективно адаптироваться к изменениям, но и создать устойчивые модели цифрового развития, способствующие повышению гибкости и устойчивости бизнеса в условиях цифровой экономики.

***Ключевые слова:** цифровизация, кадровая политика, финансовые инструменты, малый и средний бизнес, Казахстан.*

Введение

Цифровизация как ключевой фактор устойчивого развития малого и среднего бизнеса Казахстана

Цифровизация представляет собой одно из наиболее значимых направлений, определяющих устойчивое развитие малого и среднего бизнеса (МСБ) Казахстана в условиях глобальной экономической трансформации. Интенсивное внедрение цифровых технологий способствует повышению конкурентоспособности предприятий, оптимизации бизнес-процессов и расширению рынков сбыта продукции и услуг. Однако процесс цифровой трансформации требует не только технологических обновлений, но и глубокой перестройки внутренних управленческих механизмов, охватывающих кадровые и финансовые аспекты деятельности.

Кадровый потенциал как основа цифровой трансформации

Эффективное внедрение цифровых решений невозможно без

подготовки квалифицированных кадров, обладающих необходимыми компетенциями в области современных технологий, аналитики данных и цифрового управления. Формирование цифровой корпоративной культуры играет решающую роль в успешности адаптации сотрудников к новым условиям работы. Для этого необходимо внедрение образовательных программ, направленных на повышение цифровой грамотности персонала, создание внутренних центров компетенций и формирование эффективной системы мотивации, стимулирующей сотрудников к постоянному профессиональному росту [1], [3-5].

Особое внимание следует уделить разработке стратегий по привлечению и удержанию специалистов в области информационных технологий, поскольку дефицит квалифицированных кадров является одним из ключевых барьеров на пути цифровизации казахстанских предприятий. Решение данной проблемы возможно посредством партнерства с образовательными учреждениями, привлечения молодых специалистов и внедрения программ наставничества, способствующих эффективной передаче знаний внутри компании [6], [8].

Финансовая доступность как фактор успешной цифровизации

Наряду с кадровыми ресурсами, значительную роль в процессе цифровой трансформации играет финансовая доступность технологий. Внедрение цифровых решений требует значительных инвестиций, которые зачастую представляют собой серьезную нагрузку для МСБ. Для преодоления данного барьера необходимо использование различных финансовых инструментов, таких как государственные программы поддержки цифровизации, льготное кредитование, грантовое финансирование и факторинг.

Факторинг, в частности, позволяет предприятиям оперативно привлекать оборотные средства для реализации цифровых проектов, сокращая кассовые разрывы и обеспечивая стабильность финансовых потоков. Помимо этого, для снижения финансовых рисков предприятиям рекомендуется проводить детальный анализ эффективности планируемых цифровых инициатив, учитывая как краткосрочные, так и долгосрочные выгоды от внедрения

технологий [10].

Методы

Для выполнения данного исследования были использованы следующие подходы и материалы.

Источники и литература: Основой исследования послужили научные статьи, публикации и отчёты по цифровизации, кадровой политике и финансовым инструментам. В частности, использовались данные Национального Банка Республики Казахстан, а также публикации из ведущих научных журналов.

Компании и материальная база:

1. Компания ВВВ: Средний бизнес, занимающийся операциями в производственном секторе. Компания предоставила доступ к данным о внедрении аналитики персонала, что позволило оценить эффективность цифровых решений для повышения удержания сотрудников.

2. ТОО «Инкогнито»: Представитель МСБ, внедривший факторинговые услуги для сокращения кассовых разрывов. Наблюдались улучшения в финансовых потоках и скорость выполнения заказов.

3. Just Send: Логистическая компания, согласившаяся на тестирование цифровой платформы. Изучались результаты автоматизации заказов и улучшение клиентского опыта.

Основания для проведения экспериментов: авторы публикаций являются руководителями организаций - CEO (Chief Executive Officer), что предоставляет им уникальные возможности для проведения экспериментов и анализа бизнес-процессов. Благодаря этому они обладают доступом к ключевым операционным данным компаний, что позволяет глубже оценивать результаты внедрения цифровых решений и адаптировать их под реальные условия. Кроме того, авторы активно вовлечены в стратегическое управление, что обеспечивает практическое применение результатов исследования.

Методология анализа: для оценки данных использовались методы сравнительного анализа, статистической обработки данных и системного подхода. Особое внимание уделялось измерению

эффекта цифровизации на производительность и финансовую устойчивость.

Ограничения исследования: Данные предоставлялись в ограниченном объеме, что могло повлиять на глубину анализа. Однако это компенсировалось качественным анализом ключевых процессов.

Необходимость стратегического подхода

Для успешного внедрения цифровых решений необходим системный и стратегический подход, который должен включать следующие ключевые элементы:

1. Анализ готовности предприятия к цифровизации – оценка текущего уровня цифровой зрелости, выявление основных проблем и потенциала для внедрения новых технологий.

2. Разработка дорожной карты цифровой трансформации – четкое определение целей, задач, этапов внедрения и ожидаемых результатов с учетом специфики бизнеса.

3. Интеграция цифровых решений в существующие бизнес-процессы – минимизация операционных рисков и обеспечение плавного перехода к новым технологиям без ущерба для текущей деятельности предприятия.

4. Оценка эффективности внедрения – постоянный мониторинг и корректировка цифровых инициатив на основе ключевых показателей производительности.

Таким образом, цифровизация малого и среднего бизнеса Казахстана требует комплексного подхода, основанного на сбалансированном сочетании кадровых, финансовых и стратегических факторов. Успешность цифровой трансформации зависит от гибкости управления, грамотного распределения ресурсов и готовности к адаптации в условиях быстро меняющегося рынка. Реализация предложенных рекомендаций позволит предприятиям повысить свою конкурентоспособность, минимизировать риски и создать устойчивые условия для дальнейшего роста и развития.

Основные вызовы цифровизации МСБ:

- Недостаточная цифровая подготовка кадров.

- Ограниченные финансовые возможности для внедрения технологий.

- Интеграционные барьеры при адаптации новых решений.

Цель исследования — анализ синергии цифровизации, кадровых ресурсов и финансового обеспечения для устойчивого роста бизнеса.

Влияние кадровой политики на цифровизацию МСБ

Цифровизация кадровых процессов позволяет автоматизировать управление персоналом, минимизировать ошибки и повысить производительность труда.

Преимущества внедрения цифровых HR-решений

1. Оптимизация бизнес-процессов: Автоматизация найма, адаптации и оценки персонала снижает затраты на административные процедуры.

2. Гибкость и адаптивность: Внедрение цифровых HRM-систем позволяет оперативно реагировать на изменения на рынке труда.

Кейс: Компания ВВВ внедрила HR-аналитику, которая выявила основные причины текучести кадров. После внедрения индивидуальных программ развития сотрудников уровень удержания персонала увеличился на 25%.

Факторинговые услуги как инструмент устойчивого развития МСБ

Факторинг играет важную роль в обеспечении ликвидности бизнеса, позволяя компаниям получать финансирование под будущие платежи.

Основные проблемы факторинга в Казахстане

1. Низкая осведомленность предпринимателей.
2. Сложность оформления факторинговых сделок.
3. Высокие процентные ставки.

Кейс: ТОО «Инкогнито» Компания внедрила факторинговую систему для сокращения кассовых разрывов, что привело к снижению сроков исполнения заказов на 20% и росту удовлетворенности клиентов на 25%.

Интеграция цифровых решений в бизнес-процессы

Цифровизация бизнес-процессов позволяет МСБ сокращать

издержки, повышать производительность и улучшать взаимодействие с клиентами.

Кейс: Just Send Компания Just Send, внедрив цифровую платформу, сократила время обработки заказов на 40%, повысила точность доставки и расширила клиентскую базу.

Ключевые факторы успешной цифровизации:

- Разработка четкой стратегии цифровой трансформации.
- Гибкость бизнес-модели и готовность к изменениям.
- Постоянный мониторинг эффективности цифровых решений.

Синергия цифровизации, кадровой политики и финансовых инструментов

Комплексный подход к цифровизации бизнеса возможен только при эффективном сочетании кадровых, финансовых и технологических ресурсов.

Пример синергии:

- Автоматизация HR-процессов → улучшение управления персоналом.
- Факторинг → обеспечение финансовой устойчивости для внедрения цифровых решений.
- Инновации → повышение операционной эффективности.

Рекомендации:

1. Разработка образовательных программ для подготовки кадров.
2. Упрощение доступа МСБ к факторинговым услугам.
3. Внедрение комплексных цифровых платформ для управления бизнесом.

Влияние кадровой политики на цифровизацию МСБ.

Значение кадровой политики в цифровой трансформации.

Развитие человеческого капитала является важным условием успешного внедрения цифровых решений. Компании, инвестирующие в обучение и развитие персонала, демонстрируют более высокий уровень адаптивности к изменениям рынка и повышенную операционную эффективность [1].

Кейс: ИндастрисТех. Компания ИндастрисТех, работающая в производственном секторе, разработала стратегию цифровой трансформации, которая включала

обучение сотрудников работе с цифровыми системами управления производством. В результате компания сократила операционные издержки на 15% и повысила производительность на 20%.

Основные барьеры и решения

Основные проблемы, с которыми сталкиваются предприятия:

- Недостаток квалифицированных кадров, что замедляет процесс внедрения технологий.

- Сопротивление изменениям, вызванное отсутствием понимания цифровых процессов.

- Недостаточное финансирование обучения, из-за чего компании вынуждены работать со старыми методами.

Решения:

- Внедрение корпоративных образовательных программ.

- Создание мотивационных механизмов для вовлеченности персонала.

- Использование цифровых платформ для дистанционного обучения.

Финансовые инструменты как фактор цифровизации

Роль факторинга в цифровой трансформации

Факторинг помогает МСБ решать проблему нехватки ликвидности, обеспечивая оборотный капитал для внедрения цифровых решений. Компании, использующие факторинг, могут быстрее внедрять инновации, повышая свою конкурентоспособность [2].

Кейс: First Factoring. Компания Логистик Плюс привлекла факторинговые средства для финансирования внедрения цифровой платформы управления логистикой. В результате удалось на 40% сократить сроки обработки заказов.

Доступность финансовых инструментов в Казахстане

Несмотря на растущий интерес к цифровизации, малые и средние предприятия сталкиваются со следующими проблемами:

- Ограниченный доступ к льготному кредитованию.
- Высокая стоимость заемных средств.
- Недостаток информации о доступных финансовых продуктах.

Рекомендации:

- Разработка программ государственного субсидирования цифровизации через финансовые институты.
- Проведение образовательных программ по финансовому планированию.

- Упрощение процедур финансирования цифровых проектов.

Интеграция цифровых решений в бизнес-процессы

Примеры успешной цифровизации

Кейс: Just Send. Компания Just Send, работающая в сфере логистики, внедрила цифровую платформу для автоматизации обработки заказов. Это позволило:

- Снизить операционные затраты на 30%.
- Повысить точность и скорость доставки на 50%.
- Увеличить клиентскую базу на 60%.

Основные факторы успешной интеграции цифровых решений

Для успешной цифровизации необходимо:

- Разработка четкой цифровой стратегии.
- Оценка потребностей и возможностей компании.
- Постоянный мониторинг и адаптация к изменениям рынка.

Синергия цифровизации, кадровой политики и финансовых инструментов

Синергетический подход к цифровой трансформации: интеграция кадровых, финансовых и технологических ресурсов

Цифровая трансформация бизнеса представляет собой сложный и многоуровневый процесс, который требует не только внедрения передовых технологий, но и комплексной адаптации организационных структур. Синергетический подход в данном контексте предполагает одновременное и сбалансированное развитие трех взаимосвязанных направлений: кадрового потенциала, финансовых возможностей и внедрения цифровых инструментов. Такой подход позволяет предприятиям малого и среднего бизнеса (МСБ) не только эффективно интегрировать новые технологии, но и минимизировать риски, связанные с процессом цифровизации.

Кадровый аспект синергии: формирование компетенций и адаптация персонала

Одним из ключевых условий успешной цифровизации

является готовность персонала к изменениям. Компании, стремящиеся к цифровой трансформации, должны уделять особое внимание подготовке сотрудников, повышению их квалификации и формированию цифровых компетенций. Для этого необходимо:

1. Оценка текущего уровня цифровых навыков сотрудников, что позволит выявить пробелы в компетенциях и определить потребности в обучении.

2. Разработка программ обучения и профессионального развития, охватывающих базовые и продвинутое знания в области цифровых технологий, включая работу с аналитическими системами, искусственным интеллектом и автоматизированными платформами.

3. Создание благоприятной корпоративной культуры, способствующей принятию цифровых изменений, через стимулирование вовлеченности сотрудников и внедрение системы внутренних мотивационных программ.

Эффективное управление человеческим капиталом позволяет минимизировать сопротивление изменениям и ускорить процесс цифровизации, создавая условия для устойчивого развития бизнеса.

Финансовый аспект синергии: обеспечение устойчивости и инвестиционной привлекательности

Финансовая поддержка является неотъемлемым элементом цифровой трансформации, поскольку внедрение новых технологий требует значительных инвестиций. Компании, грамотно сочетающие собственные и привлеченные финансовые ресурсы, способны не только финансировать цифровые инициативы, но и поддерживать финансовую устойчивость на всех этапах трансформации.

Для эффективной реализации цифровой стратегии следует:

1. Разработать финансовую стратегию цифровизации, включающую расчет затрат на внедрение технологий и прогнозируемую окупаемость инвестиций.

2. Использовать различные финансовые инструменты, такие как факторинг, лизинг, венчурное финансирование и государственные субсидии, для снижения нагрузки на оборотные средства.

3. Контролировать экономическую эффективность цифровых решений, регулярно оценивая их влияние на основные бизнес-показатели, такие как производительность, уровень издержек и удовлетворенность клиентов.

Рациональное распределение финансовых ресурсов позволяет не только снизить риски, но и повысить инвестиционную привлекательность компании, что способствует расширению возможностей цифровой трансформации.

Технологический аспект синергии: внедрение цифровых решений для повышения эффективности

Использование современных технологий является ключевым элементом цифровизации, обеспечивающим автоматизацию процессов, повышение производительности и улучшение качества обслуживания клиентов. Однако для достижения максимального эффекта предприятия должны подходить к внедрению технологий стратегически, с учетом их совместимости с текущими бизнес-процессами.

Ключевые шаги успешной технологической интеграции включают:

1. Определение приоритетных областей для внедрения технологий, например, автоматизация бухгалтерского учета, управление цепочками поставок или улучшение клиентского опыта.

2. Выбор оптимальных цифровых решений, соответствующих специфике бизнеса, с учетом стоимости владения, простоты интеграции и масштабируемости.

3. Оценку и адаптацию технологических решений, с учетом обратной связи от сотрудников и клиентов, а также мониторинг показателей эффективности для своевременной корректировки цифровой стратегии.

Таким образом, технологическая составляющая цифровой трансформации должна быть интегрирована с учетом кадровых и финансовых возможностей компании для обеспечения стабильного роста и конкурентоспособности.

Заключение

Синергетический подход к цифровой трансформации малого и среднего бизнеса требует комплексного сочетания кадровых

инициатив, финансовых ресурсов и современных технологий. Только при сбалансированном развитии этих направлений компании могут достичь значительных конкурентных преимуществ, повысить эффективность деятельности и успешно адаптироваться к вызовам цифровой экономики. Стратегическое управление цифровыми изменениями, основанное на анализе текущих и будущих потребностей бизнеса, позволит минимизировать риски и обеспечить устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Пример синергии:

- Обучение сотрудников способствует более эффективному внедрению технологий.
- Финансовая поддержка позволяет реализовать цифровые инициативы.
- Автоматизация бизнес-процессов сокращает издержки и повышает эффективность.

Практические рекомендации

1. Государственным органам:

- Разработать комплексные программы цифровизации, включая обучение персонала и субсидирование цифровых решений.

2. Финансовым институтам:

- Создать специализированные продукты для финансирования цифровых инициатив МСБ.

3. Компании МСБ:

- Инвестировать в цифровое обучение сотрудников и гибко адаптировать бизнес-процессы.

Таблица 1 – Отчет по кадровым показателям МСБ

Год	Уровень удержания персонала (%)	Процент сотрудников, прошедших обучение (%)	Рост цифровых навыков сотрудников (%)	Эффективность кадровой политики за счет синергии (%)
2020	60	50	40	45
2021	72	67	58	63
2022	83	79	76	78
2023	91	88	87	93

Примечание – составлено авторами на основе источника [13]

Таблица 2 – Отчет по финансовым показателям МСБ

Год	Процент устранения кассовых разрывов (%)	Процент просрочек по контрактам (%)	Процент неисполненных договоров (%)	Финансовая устойчивость за счет синергии (%)
2020	35	22	11	38
2021	27	19	9	54
2022	17	12	6	69
2023	8	6	3	84

Примечание – составлено авторами на основе источника [14]

Таблица 3 – Отчет по цифровизации МСБ

Год	Автоматизация бизнес-процессов (%)	Рост клиентской базы (%)	Снижение операционных затрат (%)	Уровень цифровой зрелости компании (%)
2020	30	20	10	25
2021	50	35	20	45
2022	70	55	35	65
2023	85	75	50	80

Примечание – составлено авторами на основе источника [15]

Вывод

Анализ данных отчетности, приведенных в таблицах 1–3 свидетельствует о положительной динамике развития малого и среднего бизнеса (МСБ) Казахстана благодаря синергии цифровизации, кадровой политики и финансовых инструментов. Рассмотренные показатели демонстрируют, что интеграция этих факторов способствует устойчивому росту и повышению эффективности бизнес-процессов.

Кадровые аспекты цифровизации

Внедрение цифровых решений привело к значительному росту уровня удержания персонала, который увеличился с 60% в 2020 году до 91% в 2023 году. Данный рост можно объяснить улучшением условий труда за счет автоматизации HR-процессов, таких как рекрутинг, адаптация и обучение сотрудников. Внедрение персонализированных программ обучения привело к росту доли сотрудников, прошедших обучение, с 50% в 2020 году до 88% в 2023 году, что подтверждает эффективность кадровой стратегии.

Одним из ключевых факторов устойчивости кадровой политики стал рост цифровых навыков персонала, который увеличился с 40% до 87% за анализируемый период. Это свидетельствует о том, что компании активно внедряют цифровые инструменты и уделяют внимание повышению квалификации сотрудников, что способствует повышению их продуктивности и вовлеченности в бизнес-процессы. Таким образом, эффективная кадровая политика на основе цифровизации обеспечивает рост общей эффективности бизнеса, что подтверждается увеличением показателя эффективности кадровой политики за счет синергии, который достиг 93% в 2023 году, по сравнению с 45% в 2020 году.

Финансовая устойчивость

Результаты финансовой отчетности демонстрируют положительный эффект цифровизации на управление финансами. Процент устранения кассовых разрывов последовательно снижался с 35% в 2020 году до 8% в 2023 году, что свидетельствует о повышении ликвидности компаний и более эффективном управлении финансовыми потоками. Это стало возможным благодаря внедрению цифровых инструментов планирования и факторинговых услуг, позволяющих обеспечить своевременное поступление денежных средств.

Процент просрочек по контрактам сократился с 22% в 2020 году до 6% в 2023 году, что указывает на повышение дисциплины выполнения обязательств перед партнерами. Данный показатель является важным индикатором надежности компаний и их способности интегрироваться в цифровые экосистемы поставщиков и клиентов.

Аналогичным образом, процент неисполненных договоров

снизились более чем в три раза – с 11% в 2020 году до 3% в 2023 году, что указывает на повышение эффективности внутренних процессов управления, а также рост доверия со стороны партнеров и клиентов. Совокупное влияние этих факторов отразилось в улучшении показателя финансовой устойчивости за счет синергии, который увеличился с 38% до 84%, демонстрируя способность бизнеса адаптироваться к цифровой трансформации и эффективно использовать финансовые инструменты.

Цифровизация бизнес-процессов

Показатели цифровизации бизнес-процессов демонстрируют положительную динамику, подтверждая, что внедрение цифровых решений позволяет МСБ повышать эффективность и конкурентоспособность. Автоматизация бизнес-процессов выросла с 30% в 2020 году до 85% в 2023 году, что свидетельствует об активном внедрении цифровых технологий и систем управления ресурсами (ERP, CRM) [7], [9], [11].

Рост клиентской базы также демонстрирует положительную тенденцию, увеличившись с 20% до 75%, что указывает на улучшение качества обслуживания клиентов и оптимизацию бизнес-процессов с использованием цифровых инструментов. Это способствует увеличению рыночной доли и расширению присутствия компании на рынке.

Снижение операционных затрат с 10% в 2020 году до 50% в 2023 году свидетельствует о значительных экономилах, достигнутых за счет автоматизации процессов, оптимизации ресурсов и сокращения издержек. Это подчеркивает эффективность синергии кадровых и финансовых инструментов, направленных на цифровую трансформацию бизнеса.

Наконец, уровень цифровой зрелости компании, который вырос с 25% до 80%, демонстрирует успешность комплексного подхода к цифровизации. Этот показатель отражает способность бизнеса к адаптации и внедрению инновационных решений, что является важным фактором устойчивого роста.

Заключение

Результаты исследования убедительно доказывают, что синергия цифровизации, кадровой политики и финансовых

инструментов является фундаментальным фактором устойчивого развития малого и среднего бизнеса (МСБ) Казахстана. Комплексный подход к цифровой трансформации позволяет компаниям не только повышать операционную эффективность, но и создавать конкурентные преимущества, обеспечивающие гибкость и устойчивость в условиях динамичного рынка.

Анализ динамики ключевых показателей демонстрирует, что внедрение цифровых решений в управлении персоналом и финансами привело к существенному снижению рисков и издержек, а также значительному росту продуктивности бизнеса. За период с 2020 по 2023 год:

- Уровень цифровой зрелости предприятий вырос на 220%, что свидетельствует о стремлении бизнеса к автоматизации и адаптации к цифровой экономике.

- Кадровая политика продемонстрировала рост удержания персонала на 52%, подтверждая важность персонализированного обучения и развития компетенций сотрудников.

- Финансовая устойчивость значительно укрепилась, что выражается в сокращении кассовых разрывов на 77% и просрочек по контрактам более чем в три раза.

Цифровизация кадровых процессов позволила создать гибкие модели управления персоналом, что привело к повышению вовлеченности сотрудников и эффективности HR-стратегий. Увеличение доли сотрудников, прошедших обучение цифровым навыкам, с 50% до 88% указывает на высокую адаптивность персонала к новым условиям работы и готовность к инновациям.

Финансовые инструменты, такие как факторинг, сыграли важную роль в обеспечении стабильности денежных потоков, позволив бизнесу своевременно выполнять обязательства перед партнерами, сокращая риски и улучшая платежную дисциплину. Синергия финансовой и кадровой политики позволила компаниям достигнуть более высокой операционной эффективности, что выразилось в снижении уровня неисполненных договоров с 11% до 3%.

Однако цифровая трансформация — это не разовое мероприятие, а постоянный процесс, требующий стратегического

подхода и гибкости в управлении изменениями. Компании, внедряющие цифровые технологии, должны учитывать, что ключевыми факторами успешной цифровизации являются:

1. Цифровая зрелость – формирование единой технологической экосистемы, включающей процессы, клиентов и партнеров.

2. Кадровая устойчивость – развитие компетенций сотрудников и формирование корпоративной культуры, поддерживающей инновации.

3. Финансовая адаптивность – использование цифровых финансовых инструментов для эффективного управления оборотным капиталом и инвестициями.

Таким образом, синергия цифровизации, кадровой политики и финансовых решений позволяет не только повысить устойчивость и конкурентоспособность МСБ, но и формирует новую экономическую модель, в которой технологическая трансформация становится основным драйвером роста и стратегическим приоритетом [12].

Компании, которые смогут адаптироваться к этим изменениям, получают устойчивые конкурентные преимущества, обеспечивающие их долгосрочное развитие и успешную интеграцию в цифровую экономику Казахстана.

Список использованной литературы

1. Ганбаров, Р.Ш. Влияние цифровизации на корпоративную кадровую политику// <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-korporativnuyu-kadrovuyu-politiku>.

2. Национальный Банк Республики Казахстан. Пресс-релизы// <https://nationalbank.kz>.

3. Повышение эффективности МСБ через цифровизацию в сфере труд// <https://uchet.kz/news/povyshenie-effektivnosti-msb-cherez-tsifrovizatsiyu-v-sfere-truda/>.

4. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum, 2017.

5. Brynjolfsson, E., McAfee, A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. W.W. Norton & Company, 2014.
6. Digital Kazakhstan. Государственная программа цифровизации экономики Республики Казахстан// <https://digitalkazakhstan.kz>.
7. OECD. Digital Transformation of SMEs. OECD Publishing, 2021.
8. Harvard Business Review. Digital Transformation: A Roadmap for Success - <https://hbr.org/2019/06/digital-transformation-a-roadmap>.
9. Национальный центр развития ИТ-индустрии Казахстана. Анализ цифровой зрелости предприятий - <https://ncri.kz/publications/zrelost2025.pdf>.
10. Deloitte. The Future of SMEs in the Digital Economy. Deloitte Insights, 2023.
11. Gartner. Top Strategic Technology Trends for Business Digitalization - <https://www.gartner.com/en/information-technology>.
12. Porter, Michael E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. Free Press, 2008.
13. Внутренний отчет ТОО «ИндастрисТех» за 2023 год.
14. Внутренний отчет ТОО «First Factoring» за 2023 год.
15. Внутренний отчет ТОО «Just Send» за 2023 год.

УДК 658.5:69(575.3)

Дадабаев А.Х.
докторант DBA, AlmaU

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЯХ ТАДЖИКИСТАНА

Аннотация

Статья посвящена изучению специфики стратегического управления в строительных компаниях Республики Таджикистан в условиях модернизации экономики и перехода к устойчивым моделям роста. Цель исследования — выявить особенности формирования, реализации и адаптации стратегий управления в

контексте локальных институциональных, инфраструктурных и экономических ограничений. В качестве методологической основы применяются системный и институциональный подходы, методы сравнительного анализа и стратегического картирования. В работе подчеркивается значимость гибридных моделей стратегического развития, учитывающих специфику инвестиционного климата, уровень технологического развития и кадровый потенциал отрасли. Результаты исследования позволили выделить основные направления повышения эффективности стратегического менеджмента в строительных компаниях Таджикистана и предложить рекомендации по внедрению адаптивных стратегий в условиях нестабильной внешней среды.

Ключевые слова: стратегическое управление, строительная отрасль, Таджикистан, операционные модели, институциональные ограничения, устойчивое развитие.

Введение

Строительная отрасль Таджикистана развивается на фоне экономических преобразований, институциональных ограничений и нестабильной внешней среды. Будучи важным источником занятости и инфраструктурного роста, сектор сталкивается с рядом вызовов — от дефицита инвестиций до технологической стагнации и кадровой нехватки. В таких условиях стратегическое управление становится ключевым инструментом устойчивости и адаптации компаний [1].

За последние годы в строительстве усилились структурные вызовы. Возросли цены на материалы и комплектующие, что увеличивает себестоимость проектов и снижает рентабельность. Ужесточились требования к качеству и безопасности объектов — особенно после землетрясений в Турции. Ощущается острая нехватка квалифицированных специалистов, снижающая производительность и повышающая издержки. Кроме того, на отрасль всё сильнее влияет изменение климата: учащаются природные катастрофы, возрастает нагрузка на инфраструктуру и устойчивость построек [2].

К этим факторам добавляются специфические трудности Таджикистана: неразвитая инфраструктура затрудняет реализацию проектов, низкие доходы населения ограничивают спрос на жильё, а политическая нестабильность сдерживает инвестиции.

Государственные программы — такие как Национальная стратегия развития до 2030 года и Программа ускоренной индустриализации — требуют от компаний не только роста, но и нового качества управления. Однако институциональная среда остаётся фрагментарной, и большинство компаний действует в условиях краткосрочной тактики, а не долгосрочной стратегии. В этом контексте особую актуальность приобретает проблема совершенствования стратегического управления как ключевого фактора адаптации компаний к меняющейся макроэкономической конъюнктуре.

Методология исследования

Методологическая база исследования опирается на сочетание концепций стратегического менеджмента (включая модели конкурентных преимуществ и сбалансированной системы показателей М. Портера, Р. Каплана и Д. Нортона) с инструментами институционального и системного анализа. Такой многомерный подход позволил оценить стратегические практики строительных компаний не только в рамках корпоративного уровня, но и в контексте институциональной среды, определяющей рамки их функционирования [3-5].

Эмпирическая часть исследования базируется на глубинных полуструктурированных интервью с руководителями и топ-менеджерами пятнадцати ведущих строительных компаний Таджикистана, охватывающих весь спектр отрасли — от подрядных организаций до интегрированных девелоперов и квази-государственных структур. Интервью проводились в течение 2023–2024 гг. и включали тематические блоки по стратегическому планированию, управлению проектами, внедрению инноваций, кадровой политике и взаимодействию с институтами развития.

Дополнительно был проведён анализ внутренних документов стратегического характера (программы развития, маркетинговые планы, инвестиционные меморандумы, оргструктуры), а также

экспертная оценка действующих бизнес-моделей по критериям адаптивности, инновационности и институциональной совместимости. Для повышения достоверности выводов использовались данные Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом, Агентства по строительству и архитектуре Республики Таджикистан, а также открытые аналитические отчёты Всемирного банка, Азиатского банка развития и профильных исследовательских организаций региона [6-9].

В результате сформирована типология стратегий, выявлены ключевые барьеры и драйверы стратегического управления, а также разработаны ориентиры для практической трансформации моделей управления в условиях неопределённости и ограниченных ресурсов.

Оригинальность и научная ценность исследования

Оригинальность исследования обусловлена его направленностью на системный анализ стратегического управления в условиях развивающегося, институционально ограниченного и слабо структурированного строительного рынка Таджикистана. Впервые в научной литературе представлена эмпирически подтверждённая типология доминирующих бизнес-моделей, охватывающая подрядный, девелоперский и квази-государственный сегменты строительной отрасли [10]. На основе сравнительного анализа проведена всесторонняя оценка стратегий, применяемых компаниями, по трём ключевым критериям: результативность, адаптивность и институциональная совместимость.

Научная новизна проявляется в теоретическом обосновании необходимости перехода от традиционных ресурсно-ориентированных и операционно-тактических схем к гибридным моделям стратегического развития. Эти модели предполагают синтез цифровых решений, институциональной гибкости, устойчивых цепочек создания стоимости и социальной ответственности. Предложенный исследовательский подход позволяет не только выявить институциональные и управленческие барьеры, но и сформулировать практические ориентиры для трансформации строительного сектора в условиях экономической неопределённости и перехода к устойчивым форматам роста [11].

Результаты исследования

1. Рынок жилищного строительства: выявленные тенденции и структурные барьеры

В рамках проведённого исследования были выявлены ключевые тенденции, определяющие текущее развитие рынка жилищного строительства в Таджикистане. Прежде всего, наблюдается устойчивый рост объёмов строительства: в 2023 году объём выполненных работ в данном сегменте достиг 2,8 млн кв. метров, что на 6,8% превышает уровень предыдущего года. Рост обусловлен как демографическим давлением, так и активизацией инфраструктурных программ в рамках государственной стратегии развития.

Второй значимой тенденцией является смещение структуры спроса в сторону многоэтажного жилищного строительства, особенно в крупнейших урбанизированных центрах — Душанбе, Худжанде и Бохтаре. Это связано как с ограниченностью земельных ресурсов в черте городов, так и с растущей потребностью в уплотнении застройки.

Третьим важным направлением трансформации является постепенное увеличение доли иностранного капитала в жилищном строительстве. В последние годы наблюдается повышение интереса зарубежных инвесторов к участию в проектах комплексного девелопмента, особенно в контексте роста привлекательности таджикского рынка в рамках региональных инициатив (ОИС, ЕАЭС и др.).

Наряду с позитивной динамикой, рынок сталкивается с рядом структурных ограничений. Среди наиболее острых проблем — хронический дефицит земельных участков, особенно в столичном регионе и других крупных городах. Высокая стоимость строительных материалов, демонстрирующая рост в среднем на 10–15% в год, значительно увеличивает себестоимость проектов и снижает доступность жилья для населения. Этот тренд подкрепляется аналогичным ростом затрат на рабочую силу, обусловленным общим повышением уровня жизни и конкуренцией за трудовые ресурсы со стороны других секторов экономики.

Нехватка квалифицированных специалистов остаётся ключевым сдерживающим фактором: дефицит профессиональных кадров снижает производительность, увеличивает сроки реализации проектов и ведёт к росту издержек. Таким образом, кадровый фактор следует рассматривать как системный риск устойчивости рынка.

Рост цен на строительство и реализацию жилья оказывает неоднозначное влияние. С одной стороны, он ограничивает возможности населения по приобретению жилья, усиливая проблему доступности. С другой стороны, рост цен создаёт стимулы для застройщиков к внедрению инновационных технологий, локализации ресурсов и повышению эффективности производственных процессов.

В целом, рынок жилищного строительства Таджикистана находится в фазе активной, но противоречивой трансформации. Его дальнейшее развитие будет зависеть от способности участников рынка и институтов регулирования снизить влияние системных ограничений и обеспечить условия для устойчивого роста в условиях внутреннего спроса, технологических изменений и экологических вызовов.

2. Ключевые институциональные и рыночные вызовы строительного сектора Таджикистана

Анализ текущего состояния строительной индустрии Таджикистана позволил выявить совокупность системных вызовов, оказывающих сдерживающее воздействие на стратегическое развитие компаний отрасли. На передний план выходят четыре группы проблем, имеющих как внутреннюю, так и экзогенную природу.

Во-первых, наблюдается устойчивый рост цен на строительные материалы и комплектующие, что приводит к удорожанию конечной продукции, снижению маржи и ослаблению инвестиционной привлекательности проектов. Учитывая высокую зависимость отрасли от импортных поставок, особенно в части цемента, арматуры и инженерного оборудования, ценовая волатильность на внешних рынках усугубляет нестабильность внутри страны.

Во-вторых, ужесточение нормативных требований к качеству и безопасности объектов строительства, активизированное после разрушительных землетрясений в Турции, требует от компаний дополнительных инвестиций в инженерные решения, технический надзор и обучение персонала. Это становится особенно актуальным в условиях отсутствия единой системы сертификации и стандартизации качества.

В-третьих, остро ощущается нехватка квалифицированных рабочих кадров и инженерно-технического персонала. Этот дефицит снижает производительность труда, удлиняет сроки реализации проектов и увеличивает издержки. Более того, текущее состояние профессионального образования не обеспечивает притока подготовленных специалистов в достаточном объёме.

В-четвёртых, климатические риски — включая рост частоты и силы стихийных бедствий — становятся всё более значимыми факторами при планировании, проектировании и эксплуатации объектов. Это требует пересмотра подходов к устойчивости застройки и повышает стоимость строительства.

Дополнительно к этим общим вызовам добавляются специфические барьеры, обусловленные институциональными и социально-экономическими особенностями Таджикистана. Прежде всего, это слабая инфраструктурная база, особенно в регионах, где отсутствует надёжная транспортная, энергетическая и инженерная поддержка строительных процессов. Ограниченный платёжеспособный спрос на жильё вследствие низкого уровня доходов населения также снижает возможности масштабного жилищного строительства. Наконец, политико-административная нестабильность и институциональная фрагментарность создают неопределённость для инвесторов и снижают горизонт планирования для компаний.

Совокупность этих факторов формирует сложный контекст стратегического управления, требующий гибких и адаптивных решений, а также координации усилий между государственными институтами, бизнесом и профессиональным сообществом.

3. Доминирующие бизнес-модели в строительной отрасли Таджикистана: институциональная типология

Результаты исследования позволили выделить три преобладающие бизнес-модели, формирующие архитектуру строительной отрасли Таджикистана. Эти модели отражают как особенности ресурсной базы и институционального окружения, так и стратегические ориентиры самих компаний. Представленная типология базируется на анализе организационной структуры, характера проектной деятельности, степени зависимости от внешнего финансирования и институционального взаимодействия.

- **Подрядная модель с низкой добавленной стоимостью**

Это наиболее распространённый формат функционирования малых и средних строительных компаний, работающих преимущественно в режиме исполнения государственных или муниципальных заказов. Стратегическая направленность в таких компаниях крайне ограничена: основное внимание сосредоточено на оперативной реализации краткосрочных проектов с минимизацией затрат и сроков. Характерной особенностью данной модели является зависимость от тендерных процедур и административного ресурса, а также отсутствие системного инвестиционного планирования. Уровень инновационной активности и технологической модернизации, как правило, низкий. Компании действуют по принципу «от проекта к проекту», что исключает накопление стратегических компетенций и препятствует устойчивому росту.

- **Модель интегрированного девелопмента**

Эта модель характерна для ограниченного круга крупных и прогрессивных игроков строительного рынка, которые осуществляют полный цикл девелопмента — от приобретения земельного участка и проектирования до строительства, маркетинга и эксплуатации объекта. Стратегия в данном случае опирается на инвестиционное планирование, управление стоимостью, формирование продуктовых линеек и активное взаимодействие с финансовыми институтами. Компании, работающие по такой модели, стремятся к оптимизации внутренних процессов через внедрение проектного управления, цифровых технологий (BIM, ERP), управление брендом и устойчивое позиционирование на рынке. Данная модель демонстрирует наибольший потенциал для

трансформации в сторону устойчивого и инновационного развития [12].

- **Квази-государственная модель**

Эта модель охватывает строительные организации, находящиеся в частично или полностью государственной собственности либо тесно аффилированные с государственными структурами. Основной характер их деятельности — участие в инфраструктурных мегапроектах национального масштаба, реализуемых при непосредственной институциональной поддержке. Такие компании, как правило, обладают стабильным доступом к крупным подрядам и льготному финансированию, однако часто страдают от низкой гибкости, слабой рыночной ориентации и избыточной бюрократизации процессов. Их стратегия ориентирована на сохранение политико-институциональной устойчивости, а не на рост конкурентоспособности или технологическое обновление.

Представленная типология демонстрирует, что строительная отрасль Таджикистана функционирует в условиях ограниченного стратегического разнообразия. Большинство компаний сконцентрированы в пределах первой модели и, следовательно, обладают слабой способностью к стратегическому маневрированию в условиях турбулентности. Второй и третий типы демонстрируют более высокие амбиции и ресурсы, но существенно различаются по характеру своей институциональной зависимости: в то время как девелоперы стремятся к рыночному позиционированию, квази-государственные структуры полагаются на административный ресурс. Дальнейшее развитие сектора во многом будет зависеть от способности компаний выходить за рамки традиционных форматов, формировать устойчивые стратегические альянсы и осваивать современные модели управления проектами и инвестициями.

4. Классификация стратегий строительных компаний Таджикистана: траектории реагирования и роста

Анализ стратегических подходов, реализуемых строительными компаниями в Таджикистане, позволил выделить три основные группы стратегий, отличающиеся по степени активности, горизонту планирования и способности адаптироваться

к изменяющейся внешней среде. Эти стратегии во многом отражают не только ресурсные возможности компаний, но и их институциональную позицию, уровень зрелости управления и стратегического мышления.

1. Оборонительные стратегии: фокус на выживание и удержание позиций

Наиболее распространённой формой стратегического поведения среди малых и средних строительных организаций являются оборонительные стратегии [14]. Их основная цель — минимизация затрат, сохранение текущего положения на рынке и уклонение от рисков, связанных с инновациями и расширением. Компании, придерживающиеся таких стратегий, ориентируются на краткосрочную стабильность, часто действуют в режиме реакции на вызовы, а не опережающего планирования. Характерны простые организационные структуры, консервативная сметная политика, ориентация на известные сегменты (например, участие в тендерах), а также низкая гибкость при внешних шоках. Несмотря на относительную безопасность, эти стратегии не обеспечивают долгосрочного развития и затрудняют инвестиционное и кадровое обновление.

2. Наступательные стратегии роста: проактивное расширение и модернизация

Компании, демонстрирующие устойчивые темпы роста и высокую степень стратегической зрелости, всё чаще реализуют наступательные стратегии. Они характеризуются целенаправленным расширением присутствия — как в географическом, так и в продуктовом измерении, усилением позиций на региональных рынках, привлечением иностранных партнёров и инвесторов, а также внедрением современных управленческих и технологических решений. Ключевыми элементами таких стратегий становятся внедрение BIM-технологий, цифровизация процессов, диверсификация проектного портфеля и формирование бренда девелопера [12]. Такие стратегии требуют более высокого уровня профессиональной подготовки персонала, устойчивого институционального окружения и доступа к длинным инвестиционным ресурсам [13].

3. Адаптивные стратегии устойчивости: баланс между реакцией и трансформацией

На пересечении двух предыдущих моделей формируются адаптивные стратегии, применяемые компаниями, стремящимися сохранять устойчивость в условиях нестабильной среды. Эти стратегии предполагают гибкую настройку операционных и управленческих механизмов — диверсификацию поставщиков, локализацию критически важных ресурсов, формирование устойчивых цепочек добавленной стоимости, выстраивание горизонтальных партнёрств и развитие компетенций антикризисного управления. Особенность данной группы стратегий заключается в их прагматизме: компании не всегда обладают ресурсами для масштабной трансформации, но стремятся повысить свою устойчивость и адаптивность в условиях дефицита институциональной поддержки и высокой внешней волатильности.

Таким образом, стратегическое поведение строительных компаний Таджикистана демонстрирует поляризацию: от стратегии выживания до проактивного роста, при этом наибольший потенциал устойчивости проявляется в тех компаниях, которые способны гибко комбинировать элементы разных стратегий в зависимости от рыночной и институциональной ситуации. Сформированная классификация даёт основу для оценки уровня стратегической зрелости компаний и разработки целевых мер поддержки с учётом их стратегической ориентации.

Перспективные направления стратегического развития

В условиях ускоренного технологического прогресса, растущих требований к экологической ответственности и усложнения глобальной конъюнктуры, устойчивое развитие строительного сектора Таджикистана требует переосмысления приоритетов стратегического управления. Результаты исследования указывают на необходимость перехода от фрагментарных и преимущественно реактивных подходов к системным и проактивным стратегиям. В этом контексте выделяются пять ключевых направлений, которые могут стать драйверами устойчивого и технологически зрелого роста отрасли.

Цифровизация процессов строительства

Внедрение цифровых решений становится краеугольным элементом стратегической модернизации. Наиболее значимыми технологиями признаны BIM-системы (Building Information Modeling), позволяющие управлять жизненным циклом объекта от проектирования до эксплуатации, и ERP-платформы (Enterprise Resource Planning), обеспечивающие интеграцию финансовых, логистических, кадровых и производственных процессов [12]. Использование цифровых инструментов не только повышает прозрачность и предсказуемость проектов, но и способствует снижению издержек, ускорению сроков строительства и минимизации ошибок, возникающих на этапах планирования и реализации.

Укрепление проектного управления и институционального планирования

Формирование зрелых механизмов проектного управления позволяет компаниям обеспечить синхронизацию стратегических и оперативных уровней управления. В условиях нестабильности внешней среды растёт значимость таких инструментов, как проектный офис, портфельное управление, система контрольных точек и сквозное ресурсное планирование. На уровне институционального планирования важно интегрировать долгосрочные цели развития с возможностями межотраслевого взаимодействия и доступом к инвестиционным и грантовым механизмам. Такие решения способствуют формированию более устойчивой модели бизнеса и открывают возможности для работы на уровне национальных программ и трансграничных проектов.

Развитие зелёного строительства и энергоэффективных технологий

Экологическая повестка всё более чётко вписывается в стратегические ориентиры компаний. Введение стандартов зелёного строительства, сертификация объектов по международным системам (например, LEED, BREEAM), использование энергоэффективных и локальных материалов становятся как обязательным элементом репутационного капитала, так и инструментом снижения эксплуатационных затрат [15]. В условиях климатических рисков особое значение приобретает устойчивость

построенных объектов к экстремальным погодным условиям, что требует пересмотра проектных норм и внедрения климатически адаптированных решений.

Расширение стратегических партнёрств и внешнеэкономического взаимодействия

Партнёрство с компаниями из стран ЕАЭС, ОИС и других региональных объединений открывает доступ к технологиям, совместным инвестициям, профессиональному опыту и новым рынкам. Стратегические альянсы, совместные предприятия, транснациональные строительные консорциумы могут стать не только источником ресурсов, но и площадкой для обучения, технологической кооперации и выхода на международный уровень. Особенно актуальны партнёрства в сферах цифровизации, устойчивого строительства и строительной механизации.

Кадровая трансформация и формирование инфраструктуры компетенций

Кадровый потенциал — один из главных сдерживающих факторов стратегического роста. Перспективные компании уже инициируют внедрение программ повышения квалификации, создание внутренних школ и центров проектной подготовки, а также взаимодействие с образовательными учреждениями. Устойчивый рост возможен только при условии системного подхода к управлению знаниями, трансферу практик и формированию среды постоянного профессионального развития. Особое значение приобретает обучение в сфере цифрового проектирования, управления строительным циклом, экологических стандартов и международного проектного менеджмента [16].

В совокупности эти направления формируют матрицу стратегического обновления строительного сектора Таджикистана. Их реализация потребует институциональной поддержки, стимулирования со стороны государства, доступа к финансированию и консолидации усилий профессионального сообщества. Однако именно в этих векторах скрывается потенциал перехода от фрагментарного роста к устойчивому и интегрированному развитию отрасли.

Заключение

Стратегическое управление в строительной отрасли Таджикистана требует глубокой трансформации с опорой на современные инструменты анализа, гибкие модели управления и устойчивое институциональное окружение. Выработка стратегий, способных адаптироваться к быстро меняющимся условиям, становится ключевым условием повышения конкурентоспособности строительного сектора и его роли в достижении целей устойчивого развития.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка адаптированной модели стратегического управления для строительных компаний Таджикистана, интегрирующей элементы цифрового проектирования, устойчивых цепочек поставок и региональной диверсификации.

Список использованной литературы

1. Губин В. В. Стратегическое планирование в инвестиционно-строительной деятельности. — М.: Инфра-М, 2019. — 288 с.
2. Миронов В. А. Организация и управление строительным производством. — М.: АСВ, 2016. — 348 с.
3. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. — М.: Альпина Паблишер, 2005. — 454 с.
4. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. — М.: Олимп-Бизнес, 2004. — 320 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
6. Всемирный банк. Country Economic Update: Tajikistan. — Washington, D.C.: World Bank Group, 2023.
7. Азиатский банк развития. Country Partnership Strategy: Tajikistan, 2021–2025. — Manila: Asian Development Bank, 2021.
8. Государственный комитет по инвестициям и управлению госимуществом РТ. Аналитические доклады и инвестиционные меморандумы. — Душанбе, 2022–2024.

9. Агентство по строительству и архитектуре Республики Таджикистан. Государственные программы и отчёты по развитию отрасли. — Душанбе, 2023.

Интернет-документы.

10. Джонсон Г., Скоулз К., Уиттингтон Р. Стратегический менеджмент. — СПб.: Питер, 2011. — 800 с.

11. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. — New York: Crown Business, 2012. — 529 p.

12. Лещев А. С. Цифровая трансформация в строительстве. — М.: КнигаСервис, 2021. — 240 с.

13. McKinsey Global Institute. Reinventing Construction: A Route to Higher Productivity. — McKinsey & Company, 2017.

14. Томпсон А., Стрикленд А. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа. — М.: ИД Вильямс, 2006. — 928 с.

15. Добровольский М. Н. Зелёное строительство: подходы и стандарты. — М.: Стройиздат, 2020. — 192 с.

16. Eastman C., Teicholz P., Sacks R., Liston K. BIM Handbook: A Guide to Building Information Modeling. — 3rd ed. — Hoboken: Wiley, 2018. — 672 p.

УДК 37.377

Джамалбекова А.А.

Докторант DBA, AlmaU

Аширова Г.А.

Заместитель директора по учебной работе

Колледжа индустрии питания и сервиса, г.Шымкент

БЕНЧМАРКИНГ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МЕТОДИК В ТИПО: УПРАВЛЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЯМИ УЧАЩИХСЯ И ПЕДАГОГОВ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются возможности применения метода бенчмаркинга для сравнительного анализа образовательных

программ с целью внедрения зарубежного опыта, определения перспектив развития учебного заведения и развития компетенций педагогов и учащихся. Сравнение проводилось по структуре и содержанию реализуемых образовательных программ, учитывая влияние современных тенденций в образовании, таких как академическая самостоятельность, ориентация образовательных программ на результаты обучения, обновление содержания общеобразовательных дисциплин. Инновационным решением в рамках внедрения зарубежного опыта выступает открытие центров компетенций по рабочим квалификациям, оснащенным современным оборудованием, что должно стать эффективным мотивационным инструментом в повышении престижа рабочих квалификаций, подчеркивая актуальность вопроса в рамках Года Рабочих профессий.

***Ключевые слова:** бенчмаркинг, образовательная программа, кредит, модуль, результат обучения, профессиональные компетенции.*

Актуальность темы: на современном этапе развития система технического и профессионального образования (далее - ТиПО) Республики Казахстан, рассматриваемая в системе непрерывного образования в целом, сталкивается с рядом вызовов, которые связаны с изменениями образовательных программ под воздействием запросов на рынке труда, ростом потребности в адаптации педагогов и обучающихся к изменениям в системе образования.

Актуальность решения проблемы построения стратегии управления компетенциями в таких условиях возрастает в связи с рядом особенностей:

- формирование компетенций обучающихся при динамике и трансформации профессиональных стандартов;
- обновление и актуализация компетенций педагогов в процессе развития системы непрерывного образования и изменениями требований к их профессиональному уровню;
- необходимость в построении системы управления с учетом международного опыта для повышения эффективности управления

и обеспечения конкурентоспособности учебных заведений, их выпускников, что будет соответствовать процессам модернизации образования;

- внедрение академической свободы расширила возможности для участия работодателей в разработке и корректировке образовательных программ, что создает условия для применения гибких и адаптивных методов управления компетенциями.

Цель исследования – разработка эффективной образовательной программы, учитывающей:

- механизмы и инструменты оценки компетенций обучающихся;

- применение метода бенчмаркинга для анализа успешных и зарекомендовавших себя зарубежных образовательных программ;

- анализ факторов влияния академической свободы на формирование и адаптацию образовательных программ;

- применение инструментов мониторинга и обратной связи: цифровые технологии, компетентностные модели, работа с работодателями.

Обзор источников:

- нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность организаций ТиПО;

- обзор международных долгосрочных проектов, влияющих на формирование образовательных программ;

- научные публикации по бенчмаркингу, методам исследования контингента и компетенций педагогов;

- научные публикации построения стратегии управления организациями ТиПО.

Эффективная образовательная методика позволит повысить престиж отечественных организаций ТиПО при условии её разработки с учетом передовых мировых инноваций в образовании через практический анализ.

Среди имеющихся методов анализа и оценки образовательных программ, а также существующего опыта их применения, бенчмаркинг является аналитическим инструментом, отвечающим цели исследования по ряду аспектов:

- сравнение текущих показателей, применяя тем самым качественные и количественные методы исследования имеющихся данных;

- выявление сильных и слабых сторон адаптированных образовательных программ.

- разработка рекомендаций по модернизации образовательных программ и методов их обучения;

- внедрение инновационных образовательных технологий, методов оценки и развития компетенций;

- результаты бенчмаркинга позволят определить направления для долгосрочного развития организации образования, адаптируя международный опыт к региональным особенностям.

При проведении анализа бенчмаркинг позволяет объяснить причины успеха отдельных образовательных организаций, что позволяет восполнить пробелы в эффективности реализации учебных программ [1].

Учитывая возможности применения результатов исследования, бенчмаркинг является инструментом для проведения комплексного анализа, результаты которого помогут в построении стратегических предложений для выбора гибкой системы управления компетенциями обучающихся и педагогов. Сравнительная оценка с лучшими мировыми практиками стимулирует как педагогов, так и обучающихся, что в итоге приводит к построению эффективных национальных образовательных стратегий.

Внедрение зарубежного опыта рассмотрим на примере проекта «Жас маман» на базе Колледжа индустрии питания и сервиса г.Шымкент. Проект реализуется с 2019 года по поручению Главы государства в рамках Года молодежи с целью модернизации колледжей и внедрения международного опыта в рамках подготовки специалистов по 100 востребованным специальностям и 54 образовательным программам в 180 колледжах.

В рамках проекта проведена следующая работа:

- определен перечень профессий;

- осуществлен отбор колледжей по указанным профессиям;

- актуализированы образовательные программы с учетом опыта зарубежных партнеров;
- адаптирована европейская кредитная технология обучения для профессионального образования ECVET;
- обновлен фонд оборудования;
- созданы центры компетенций;
- проводится сертификация центров компетенций по зарубежным отраслевым стандартам.

В качестве зарубежного партнера выступил Soprano Group (Финляндия), все образовательные программы которой основаны на европейских стандартах ECTS и ECVET (Европейская система накопления и перевода кредитов) и кредитно-модульном подходе, сосредоточенном на «обучении, основанном на компетенциях» [2].

Образовательные программы зарубежных партнеров разработаны по принципу непрерывности содержания образования, по кредитно-модульной системе обучения с основой на компетенциях, выраженных в результатах обучения и рассчитаны на овладение обучающимися квалификаций разного уровня в рамках одной образовательной программы: от рабочей квалификации до специалиста среднего уровня. Общий объем образовательных программ составляет 180 кредитов и предусматривает формирование обязательных, общепрофессиональных, продвинутых профессиональных и дополнительных компетенций (рисунок-1) [2].

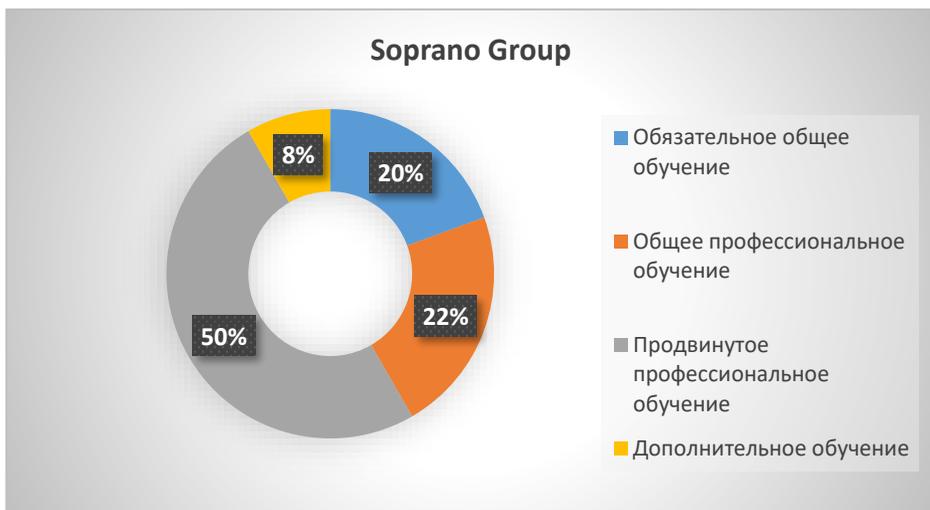

Рисунок 1 – Результаты анализа ОП Group

Примечание: составлено автором на основе данных источников [2]

Структура ОП зарубежных партнеров состоит из следующих разделов, в общей сложности составляющих: обязательное общее обучение (1-2 год обучения) – 35 кредитов, общее профессиональное обучение – 20–40 кредитов, продвинутое профессиональное обучение - 90-110 кредитов, дополнительное обучение – 15 кредитов. Таким образом, доля обязательного общего обучения (1-2 год обучения) составляет 19,4%, общего профессионального обучения – 11,1–22,2 %, продвинутого профессионального обучения - 50–61,1 %, дополнительного обучения – 8,3 %, с преобладанием профессиональных модулей, составляющих 61,1–83,3% от общего объема образовательной программы [2].

В образовательных программах зарубежных партнеров предусмотрены такие модули, как коммуникации и взаимодействия, навыки математики и естественных наук, общения в трудовом коллективе, работы в выбранной индустрии, выполнения работ

различной сложности, навыки сотрудничества и развития трудовой деятельности [2].

Форма обучения построена по принципу чередования теории и практики с целью формирования профессиональных компетенций, которые состоят из следующих навыков: цифровых, естественно-математических, устойчивого развития, предпринимательских, культурных навыков и навыков общения и гражданственности [2].

Производственная практика состоит из двух частей: стажировки в учебном заведении и на базе предприятий, и осуществляется под руководством наставника, который несет ответственность за обучение студента [2].

Обязательное общее обучение по ОП зарубежных партнеров состоит из модулей «Коммуникация и взаимодействие», «Навыки математики и естественных наук», «Общение в трудовом коллективе», что в отечественных ОП соответствует общеобразовательным модулям:

- «Коммуникация и взаимодействие»: русский язык, русская литература, казахский язык, казахская литература, английский язык, самопознание;

- «Навыки математики и естественных наук»: предметы углубленного уровня - физика, химия; предметы стандартного уровня - география, биология, математика, с учетом общественно-гуманитарного и естественно-математического направлений подготовки специалистов по рабочим квалификациям;

- «Общение в трудовом коллективе» в модуле обязательного общего обучения по практике зарубежных партнеров соответствует базовым дисциплинам в отечественных образовательных программах [2].

Также предусмотрен модуль «Дополнительное обучение», который соответствует элективному курсу (курсу по выбору обучающегося) [2].

Форма обучения офлайн и онлайн, с применением различных методов преподавания и учебной деятельности обучающихся при аудиторном обучении, среди которых преобладает владение цифровыми компетенциями в рамках проектной работы по дисциплине/модулю [2].

Оценивание результатов обучения осуществляется в соответствии с дескрипторами, указанными по каждому модулю и результату обучения по шкале от 1 до 5 [2].

Изменениями и дополнениями в стандартах образования, внесенными в 2023 году, в общеобразовательный модуль включены дисциплины глобальные компетенции и графика и проектирование, осуществляя тем самым интеграцию общеобразовательных дисциплин с базовым модулем (рисунок 2) [3].

Рисунок 2 – Результаты анализа ОП по проекту «Жас маман» Колледжа индустрии питания и сервиса г.Шымкент

Примечание: составлено автором на основе данных источников [4, 9].

Различия в объеме обязательных общих и общего профессионального обучения предусмотрены в стандартах образования возможностью интеграции общеобразовательного модуля в базовые и профессиональные модули [3].

Таким образом, сформировались общие требования к структуре и содержанию образовательных программ при кредитно-модульном подходе с ориентацией на результаты обучения следующие:

- разработка в соответствии с европейскими и финскими стандартами содержания профессионального образования, обеспечивая;

- соблюдение общего количества учебной нагрузки в объеме 180 кредитов для образовательных программ, реализуемых на базе общего среднего образования с нагрузкой 60 кредитов/1440 часов в учебном году;

- формирование общеобразовательных, базовых и профессиональных компетенций в соответствии с результатом обучения;

- учитывать принципы непрерывности содержания образовательных программ по модулям;

- рассчитывать на овладение обучающимися квалификаций разного уровня: от рабочей квалификации до специалиста среднего звена в рамках одной образовательной программы;

- в программах предусматривать элементы уровня квалификации, сопоставимых с уровнем образовательных программ прикладного бакалавриата [3].

Отечественные ОП по рабочим квалификациям разработаны с ориентацией на результаты обучения по каждой дисциплине/модулю. Оценивание уровня освоения результатов обучения проводится по 100 балльной системе с применением автоматизированных College Smart Nation и Platonus [3].

Соответствие результатов образовательных программ запросам рынка труда обеспечивается рядом условий;

- разработкой на основе профессиональных стандартов и стандартов WorldSkills, который является конкурсом профессионального мастерства международного уровня;

- согласованием с работодателями, входящими в состав индустриальных советов учебных заведений;

- привлечением работодателей к реализации ОП: элективный курс, преподавание дисциплин базового и профессионального модулей, организация профессиональной практики на базе предприятий города и области.

По рекомендации НАО «Талар» организованы и проведены курсы повышения квалификации педагогов и руководителей организаций ТиПО, участвующих в проекте «Жас маман»:

1) «Роль руководителя в процессе трансформации организации технического и профессионального, послесреднего образования»;

2) «Профессиональное развитие педагогов в использовании международного опыта подготовки квалифицированных кадров» [5].

Колледж индустрии, питания и сервиса города Шымкент один из ведущих организаций ТиПО в РК, который готовит специалистов рабочих квалификаций в сфере организации питания, хлебопекарного, макаронного и кондитерского производства, маркетинг, имеющая прочные связи с предприятиями питания города области. Работа Колледжа основывается на том, чтобы подготовить специалистов, соответствующих текущим и перспективным потребностям рынка труда через взаимодействие с работодателями, организациями среднего образования и с этой целью участвует в реализации нескольких программ: «Жас маман» и «Школа-Колледж» [6]. Для этого организация ставит перед собой цель соответствия образовательной стратегии современной модели образования. В таких условиях бенчмаркинг может выступить как наиболее эффективный инструмент разработки образовательной программы.

Практическое применение метода бенчмаркинга для Колледжа индустрии, питания и сервиса города Шымкент возможно по выделенным исследователями основным этапам проведения исследований по бенчмаркинг-методу, предлагая оформление исследования в соответствии с требованиями к бенчмаркинг-проекту, имеющему четкую структуру, схожую с методикой сравнительного анализа:

- *подготовительный этап*: выбор источников для изучения теоретико-методологической основы сравнительного исследования в области образования и изучения лучшей практики – выявление проблемы, определение объекта исследования: процесса, вида образовательных услуг, определение метода исследования:

стратегия кейс-стади, стратегия реализации бенчмаркинга. Бенчмаркинг-проект можно осуществлять по трем видам исследования: ознакомительное обучение для формирования общих понятий о бенчмаркинге; овладение кросс-функциональными навыками и основами методологии; командные тренинги для сформированных проектных групп;

- *сбор данных*: изучение и фиксация текущей образовательной практики, предварительный анализ и непосредственное взаимодействие с образовательной организацией, выступающей партнером в области исследования; обзор источников: электронные и общедоступные базы данных в сети Интернет, официальные образовательные структуры, информация внешних консультантов, экспертов и аналитиков.

- *анализ результатов*: собственно, сравнение полученных результатов – изучение практикуемых систем образования, поиск общих связей, выявление закономерностей, типологии, характерных особенностей, т.е. поиск общего, особенного и единичного – основы сравнительно-педагогического анализа для системы образования. Цель – определить различия между применяемыми практиками, выделить ключевые факторы успеха партнеров, методы достижения преимуществ, выдвижение собственных идей по совершенствованию. Следует отметить, что разница может быть позитивной, нулевой и негативной. Для адаптации необходимо оценить практическую сторону целесообразности применения, идею совершенствования процессов, корректируя принятые решения и методы с учетом потенциального развития конкурентов, партнеров и отрасли в целом;

- *внедрение изменений*: разработка сценария реализации стратегии изменений и адаптация результатов бенчмаркинга, для чего проводится оценка заимствованной идеи и технологии [7].

Несомненным инновационным решением по результату внедрения проекта является создание центров компетенций на базе организаций образования, задействованных в его реализации, что соответствует задаче модернизации содержания и оснащения организаций ТиПО современным оборудованием. В перспективе предусмотрено продолжение сотрудничества с зарубежными

партнерами по вопросам отраслевой аккредитации, что расширит возможности для укрепления престижа рабочих квалификаций и подчеркнет актуальность в рамках Года рабочих квалификаций, объявленного в 2025 году [4].

Таким образом, использование методологии бенчмаркинга в организациях ТиПО позволит достичь следующих результатов:

- разработать долгосрочную актуальную образовательную программу;

- выявить круг компетенций педагогов и тем самым создать модель компетенций как педагогов, так и учащихся;

- стимулировать научно-исследовательскую активность преподавателей и учащихся;

- эффективно управлять компетенциями обучающихся и педагогов в системе непрерывного образования;

- повысить конкурентоспособность организации [8].

В рассматриваемом аспекте метод интересен для организаций, планирующих самооценку и самосовершенствование для разработки стратегии развития учебного заведения, так как при бенчмаркинговом исследовании изучаются имеющаяся практика, достигнутые результаты и процессы внутри организации и между организациями определенной отрасли, являясь эффективным методом для комплексного исследования рынка [6].

Список использованной литературы:

1. Новикова Е.Л. Бенчмаркинг в образовании. Учеб. Пособие для преподавателей, методистов и руководителей образовательных учреждений. – Ростов-на-Дону: ГБПОУ РО «РКСИ», 2018. – стр 11.

2. Материалы зарубежных партнеров Soprano Group (Финляндия).

3. Государственные стандарты образования Республики Казахстан для организаций образования, реализующих образовательные программы технического и профессионального образования.

4. Инструктивно-методические рекомендации по организации учебного процесса в учебных организациях ТИПО к началу учебного года НАО «Talар».

5. «Трансформация ТиПО начинается с повышения статуса рабочих квалификаций», интервью Н.Оркушпаевой, 2025 год: <https://kazpravda.kz/n/transformatsiya-tipo-nachinaetsya-s-povysheniya-statusa-rabochih-kadrov/>.

6. Есимова Ш.А. Анализ и оценка образовательных программ вузов Казахстана, Астана, 2023 год.

7. Дука Н.А., Бенчмаркинг как метод сравнительного анализа образовательных практик, Академический вестник Института педагогического образования и образования взрослых, РАО, Человек и образование, №2 (31) 2012 год.

8. Ларина Л.Н., Бенчмаркинг как инструмент реализации международного рекрутинга студентов, Университетское управление: практика и анализ, №106 (6), 2016 год.

9. Образовательные программы по проекту «Жас маман» Колледжа индустрии питания и сервиса, г.Шымкент.

УДК 331.08

Махсотова З. Т.
магистрант МВА, AlmaU

Алталиева А. А.
научный консультант, к.э.н., профессор AlmaU

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА В ДОБЫВАЮЩЕМ СЕКТОРЕ (НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ КАРАЧАГАНАК ПЕТРОЛИУМ ОПЕРЕЙТИНГ Б.В.)

Аннотация

В статье анализируется система управления персоналом и мотивации сотрудников компании «Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В.» (КПО), оценивается влияние нематериальных факторов на вовлеченность и производительность работников на основе статистики, корпоративных отчетов и опросов, а также рассматриваются ключевые мотивационные теории, что позволяет

выявить основные факторы привлекательности компании и обоснованность внедренных программ развития персонала.

***Ключевые слова:** нефтегазовая отрасль, управление персоналом, мотивация, нематериальное стимулирование, вовлеченность, забота о людях.*

Цель исследования состоит в анализе системы управления персоналом и мотивации сотрудников в компании "Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В." (КПО), а также влиянии нематериальных факторов на вовлеченность и производительность персонала.

Методология включает изучение и анализ статистики персонала, корпоративных отчетов, опросов мнения работников КПО, а также сравнение мотивационных теорий (Д. Пинк, А. Грант, сети LinkedIn и компании Marksman).

Оригинальность заключается в комплексном анализе факторов мотивации с учетом гендерного и возрастного распределения, карьерного роста и тенденций рынка труда.

Результаты: КПО – многонациональная компания (95% – местные специалисты). Основные факторы привлекательности – зарплата (40%), репутация (38%), стандарты охраны труда (37%). Среди выявленных областей для улучшения и с целью заботы о работниках были внедрены и успешно функционируют программы ротации персонала, развития лидерских качеств, возможности для поддержания баланса между работой и личной жизнью, а также предприняты дополнительные меры по охране здоровья и укреплению вовлеченности персонала в общий бизнес Компании.

«Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В.» (КПО) – международная нефтегазоконденсатная компания, которая осуществляет разведку и добычу нефтегазового сырья на территории Западно-Казахстанской области Республики Казахстан. Компания КПО является оператором Карачаганакского нефтегазоконденсатного месторождения от имени своих компаний-акционеров «Шелл», «Эни», «Шеврон», «Лукойл» и НК «КазМунайГаз» на основании подписанного между ними и Правительством Республики Казахстан Окончательного

соглашения о разделе продукции. Организационная структура КПО разработана для достижения поставленных бизнес-задач и требований Республики Казахстан (представленной Полномочным органом в лице ТОО «PSA») и материнских компаний с учетом постоянной адаптации к внешним экономическим условиям [3].

Для эффективной разработки и эксплуатации Карачаганакского месторождения требуются тысячи высококвалифицированных, целеустремленных и талантливых специалистов различных профессий. КПО – это многонациональная компания, в которой работают сотрудники из всех регионов Казахстана. Согласно данным из Отчета об устойчивом развитии КПО около 82% персонала составляют жители Западно-Казахстанской области, а доля иностранных специалистов из разных стран мира составляет примерно 6% от общего числа работников. На конец 2023 года общее число национальных работников составляло 4080 человек, из них женщины составляют 27% штата Компании, однако преобладание мужчин объясняется спецификой нефтегазовой отрасли (Рисунок 1). Тенденция стабильности сохраняется, и каких-либо резких изменений в численности или гендерном балансе не наблюдается [6].

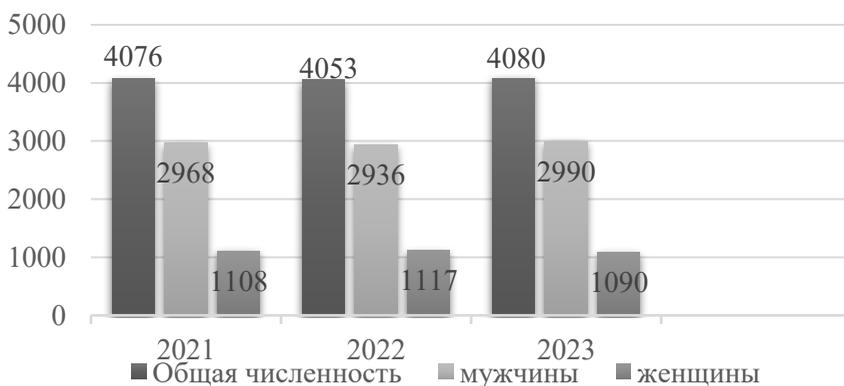

Рисунок 1 - Работники КПО по гендерному признаку

Примечание – составлено автором на основе источников [3-6].

■ Мужчины ■ Женщины

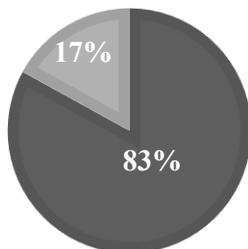

Рисунок 2 – Доля руководителей по полу

Примечание – составлено автором на основе источников [3-6].

В то же время руководство Компании поддерживает принципы равных возможностей для всех сотрудников. Женщины занимают 17% руководящих позиций высшего и среднего звена (рис. 2), при этом КПО продолжает работать над улучшением гендерного баланса [6].

Возрастная структура коллектива показывает, что 67% сотрудников находятся в возрастной группе от 31 до 50 лет. Молодые специалисты (8%) привносят свежие идеи и новый взгляд на процессы, в то время как 24% сотрудников старшего возраста делятся ценным опытом и экспертными знаниями [6].

Таблица 1 – Работники по категориям в разбивке по полу и возрасту в % от общей численности

№	Наименование категории	Доля от общей численности (%)	Мужчины (%)	Женщины (%)	До 30 лет (%)	31–50 лет (%)	От 51 лет (%)
1	Первые руководители и их заместители	0,3	0,27	0,02	0	0,15	0,15

2	Руководители структурных подразделений	20,3	16,8	3,5	0,05	14,2	6,05
3	Специалисты	52,2	29,9	22,3	4,6	40	7,6
4	Квалифицированные рабочие	27,2	26,4	0,8	3,5	14,2	9,5

Примечание – из источника [6].

Исходя из данных таблицы 1 мы видим, что руководящие должности занимают в основном мужчины, что составляет более 80%, женщины чаще встречаются среди специалистов (22,3%) и руководителей подразделений (17,2%), но крайне мало представлены среди рабочих и топ-менеджмента. Молодежи до 30 лет мало во всех категориях, в управлении их **нет**, что говорит о том, что такие должности занимают сотрудники с опытом. Самая многочисленная возрастная группа – 31–50 лет, что говорит о профессиональной зрелости коллектива. Доля работников старше 50 лет среди квалифицированных рабочих - 35% [6].

Учитывая сложную структуру персонала, амбициозные цели Компании, специфику отрасли, перед Компанией стоит не простая задача построения и постоянного совершенствования системы мотивации.

В эпоху стремительных перемен и глобальной конкуренции Компании сталкиваются с необходимостью поиска эффективных механизмов мотивации персонала, способных не только повысить вовлеченность сотрудников, но и обеспечить их устойчивую производительность, профессиональное развитие и лояльность.

Одним из ключевых инструментов управления персоналом в этом контексте является система стимулирования, формирующая у сотрудников осознание собственной ценности, влияющая на их трудовую активность и способствующая реализации стратегических целей Компании. Если раньше система мотивации была преимущественно ориентирована на материальные вознаграждения, то сегодня этого недостаточно. Современные специалисты ожидают

не только достойной заработной платы, но и прозрачных карьерных перспектив, стабильности, гибкости и возможности проявлять инициативу.

Это подтверждают различные исследования в области мотивации, в том числе, проведенные, например, Д. Пинком, А. Грантом, экспертами сети LinkedIn и компанией Marksman. Основные факторы приведены в таблице ниже.

Таблица 2 – Таблица сравнения мотивационных факторов

Источник	Основные факторы мотивации	Пересечения с другими источниками	Отличия
Даниэль Пинк (2009)	Автономия (свобода в работе)	Карьерное развитие (с LinkedIn)	Акцент на внутреннюю мотивацию
	Мастерство (развитие навыков)	Социальное воздействие (с LinkedIn)	
	Цель (смысл деятельности)		
Адам Грант (2008)	Понимание вклада в общие цели организации	Цель (с Даниэлем Пинком)	Ориентация на влияние работы
		Социальное воздействие (с LinkedIn)	
LinkedIn (HR-эксперты)	Психическое здоровье	Карьерное развитие (с Пинком)	Включение ментального благополучия
	Карьерное развитие	Социальное воздействие (с Пинком и Грантом)	
	Социальное воздействие		

Исследование Marksman (2024, Россия)	Масштабные задачи (53%)	Карьерное развитие (с LinkedIn)	Фокус на конкретные ожидания соискателей
	Профессионализм коллег (47%)	Автономия (с Пинком – через гибкий график)	
	Гибкий график (58%)		
	Привлекательный бренд (47%)		
Работодатели (по Marksman)	Заработная плата (95%)	Финансовая мотивация (нигде больше не доминирует)	Игнорирование нематериальных факторов
	Соцпакет		

Примечание – составлено автором на основе источников [1-2], [10-11].

Из представленной сравнительной таблицы можно увидеть, что карьерное развитие (развитие навыков, перспективы роста) объединяет концепции Пинка, LinkedIn и Marksman. Социальное воздействие и смысл работы (осознание вклада, ценности работы) упоминаются и в исследованиях Пинка, Гранта и LinkedIn. Автономия частично отражается в гибком графике (Marksman) и самостоятельности в работе (Пинк).

Что касается финансовой мотивации, работодатели делают на нее упор, тогда как исследования подтверждают важность нематериальных факторов. Психическое здоровье как мотивационный фактор выделяется только в исследовании LinkedIn, но не упоминается в других концепциях.

В продолжение темы о возрастании роли нематериальной мотивации приведем данные из исследования “Great Attrition, Great Attraction 2.0” (Апрель 2022 г.), проведенного McKinsey, которые показывают, что при принятии решения о продолжении работы или уходе сотрудники добывающей отрасли рассматривают не только уровень заработной платы [12].

Большинство сотрудников планируют уйти добровольно, но в

исследование включены все причины увольнения: выход на пенсию, увольнение, окончание контракта [12].

Согласно исследованию, ключевые факторы ухода (помимо зарплаты):

- Отсутствие карьерного роста;
- Низкий уровень вовлеченности;
- Отсутствие баланса между работой и личной жизнью;
- Корпоративная культура и отношение руководства;
- Условия труда и безопасность [12].

А как компания КПО учитывает эти тенденции в своей корпоративной практике работы с людьми?

Стремясь к соблюдению передовых стандартов в области трудовых отношений, компания Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В. продолжает совершенствовать механизмы поддержки работников, создавая условия для стабильного и безопасного труда.

Важную роль в защите и поддержке прав работников играют профсоюзы. Они разрабатывают проекты Коллективного договора, охватывающие различные аспекты социально-трудовых отношений, и ведут переговоры с Компанией для улучшения условий труда. В КПО интересы сотрудников представляют четыре профсоюза. В конце 2024 года был заключен новый Коллективный договор, предусматривающий ряд социальных платежей и льгот. В число таких входят предоставление аванса, социальная поддержка семьям работников, воспитывающих детей-инвалидов, а также помощь семьям с тремя и более детьми школьного возраста, включая детей до 18 лет. Помимо этого, предусмотрен ряд льгот для ветеранов, вышедших на пенсию из АО «Карачаганакгазпром» или Компании, включая повышение премии ко Дню работников нефтегазового комплекса. В соответствии с установленной практикой последних лет, Компания организует специальные мероприятия в честь пенсионеров, сопровождаемые вручением подарков, что является важной частью корпоративной культуры Компании [9].

В рамках Коллективного договора и Трудового кодекса РК от 2017 г. (ст. 52) Компания поддерживает применение Программы добровольного расторжения трудовых отношений, применимой к

мужчинам в возрасте от 58 до 63 лет и женщинам в возрасте от 56 до 61 года [9].

Уровень профессиональной компетенции поддерживается и развивается с помощью действующей в Компании системы обучения и повышения квалификации. Одним из направлений является Программа по увеличению местного содержания в кадрах, так, согласно статистике Компании, в 2023 году 12 должностей, занимаемых иностранными специалистами, были национализированы. По данным на конец декабря 2023 года местные работники составили 95% от общего количества персонала Компании [6].

КПО реализует Программу ускоренного развития кадрового резерва, обеспечивая непрерывность планирования трудовых ресурсов, увеличение местного содержания в кадрах и поддержку программы планирования преемственности кадров. В 2023 году из общего числа участников программы 39% - заняли новые позиции [6].

Ежегодно в Компании реализуются обучающие программы, направленные на развитие персональных компетенций работников для выполнения должностных обязанностей и производственных задач, их карьерный рост, а также на получение обязательных знаний и навыков для работы на опасных производственных объектах. В 2023 году 97% местных сотрудников КПО прошли обучение по программам повышения квалификации, переподготовки, а также участвовали в онлайн-семинарах и конференциях. Компания также продолжила обучение по международным программам (Таблица 3), языковым курсам и профессиональное и обязательное обучение по ОТ, ТБ и ООС [6].

Таблица 3 – Количество работников КПО, прошедших обучение в рамках международных сертифицированных программ

№	Название программы	2020	2021	2022	2023
1	Международный диплом института CIPS в области закупок и поставок по базовому курсу	10	13	19	19
2	Курс по аварийному реагированию		17	17	11

	на чрезвычайные ситуации MEMIR по стандарту ОРТО				
3	Международный сертификат в области охраны здоровья, окружающей среды и техники безопасности (NEBOSH)	12	9		12
4	Дипломированный внутренний аудитор (CIA)	3			4
5	Сертификация по международной финансовой отчетности АССА	3	2		3
6	Магистр делового администрирования	1	1	1	6
7	Сертификация по техническим стандартам API (Американский институт нефти)	6	10	9	8
8	Сертификация по курсу Профессиональное Управление Проектом (PMP)		1		13
9	Международный сертификат IEMA в области экологического менеджмента		1	1	
10	Коучинг в организации и бизнесе (ICF)				12

Примечание – из источника [6].

Компанией также предпринимаются шаги по поддержке выпускников вузов, для этого внедрена и успешно функционирует Программа профессиональной подготовки по специальностям: оператор по добыче, техник-механик, техник-электрик и техник контрольно-измерительных приборов и автоматики, основанных на стандарте Британской Организации по обучению персонала оффшорных компаний нефтегазовой промышленности ОРТО. Основной целью программы является обновление кадрового резерва Компании. По результатам программы уже более 500 выпускников программы трудоустроены в КПО [6].

Как уже было упомянуто выше, в современном мире, где технологии, рынки и ожидания работников меняются с беспрецедентной скоростью, традиционные механизмы мотивации

уже не дают прежнего эффекта. Если раньше ключевую роль играло материальное вознаграждение, то сегодня оно становится лишь одним из элементов комплексной системы мотивации. Главные вызовы лежат в другой плоскости — в сфере нематериальных стимулов, таких как вовлеченность, признание, смысл работы и чувство причастности.

Наряду с тем, что КПО и так находится под пристальным вниманием государства как стратегический объект, является социально ответственной компанией и стремится создать достойные условия труда для своих сотрудников будучи одним из бенчмарков нефтегазовой отрасли в Казахстане, Компания сталкивается с новыми вызовами управления персоналом. Современные сотрудники ищут не только стабильность и достойную оплату, но и возможности для развития, самореализации, гибкости и участия в значимых инициативах.

В Компании действует практика проведения опроса мнения работников, целью которого является выявление ключевых факторов, определяющих привлекательность КПО как работодателя. Работникам предлагается выбрать не более трех основных причин, по которым они предпочитают работать именно здесь. Опрос в 2023 году проходил на протяжении трех месяцев с октября по декабрь, участие в нем приняли 2567 работников, что составляет 68% от общего числа работников [7].

Результаты последнего проведенного опроса наглядно демонстрируют, что работники ценят КПО за:

1. Конкурентную заработную плату – 40% работников;
2. Безупречную репутацию Компании – 38% работников;
3. Строгое соблюдение требований и стандартов ОТ, ТБ и ООС – 37% работников.

Наряду с очевидными преимуществами, опрос также выявил ключевые области для развития, которые в большей степени касаются нематериального стимулирования персонала. Среди приоритетных направлений, требующих внимания, сотрудники обозначили:

- Возможность ротации персонала внутри департаментов;
- Повышение уровня лидерских качеств;

- Расширенные возможности профессионального роста;
- Баланс между профессиональной деятельностью и личной жизнью;
- Дополнительные меры по охране здоровья;
- Укрепление вовлеченности персонала [7].

Следующим шагом после проведения опроса последовал детальный анализ возможностей Компании по устранению выявленных пробелов, ориентируясь на лучшие практики крупнейших нефтегазовых компаний Республики.

По итогам проведенных анализов и исследований Компания реализовала масштабные инициативы в ключевых сферах, требующих улучшения:

Таблица 4 – Улучшения, введенные в результате проведенного опроса

Мера	Результат
Ротация персонала внутри департаментов	Благодаря программе обмена опытом между подразделениями сотрудники получили возможность развиваться в новых профессиональных направлениях. В 2024 году число участников программы выросло до 72 человек по сравнению с 29 в 2023 году, что свидетельствует о ее востребованности среди работников.
Развитие лидерских качеств	Ежегодно проводится "Лидерский день", где лучшие представители департаментов получают возможность развивать управленческие навыки и обмениваться опытом.
Профессиональный рост	1. Работникам предоставляются курсы и тренинги как в Казахстане, так и за рубежом. 2. Работает система наставничества и менторства, что позволяет новым сотрудникам быстрее адаптироваться, а опытным специалистам – делиться знаниями и быть включенными в процессы.
Баланс между профессиональной	Для сотрудников офиса в г. Уральск внедрен гибридный формат работы.

деятельностью и личной жизнью	
Охрана здоровья	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развита программа медицинской поддержки. 2. Запущена психологическая служба, где специалисты оказывают поддержку работникам Компании.
Вовлеченность персонала	<p>Комплексные меры по повышению вовлеченности стали ключевым направлением в стратегии развития КПО.</p> <p>В результате:</p>
	1. В коллективах с высокой вовлеченностью текучесть кадров снижена на 43%.
	2. Команды с высокой степенью вовлеченности на 14 % более продуктивны.
	3. Сотрудники, к мнению которых прислушиваются, в 4,6 раза более уверены в своих возможностях.

Примечание – составлено автором на основе источников [7-8].

КПО, как один из лидеров нефтегазовой отрасли Казахстана, осознает, что залогом успеха является не только технологическое развитие и экономическая эффективность, но и создание комфортной, стабильной и вдохновляющей рабочей среды.

"Стратегия КПО 365" — это не просто программа, а целостный подход, направленный на долгосрочную социальную, экологическую и экономическую устойчивость Компании. В ее основе – люди, их развитие, вовлеченность и профессиональный рост. Инструментом реализации стратегии стала программа "Забота о людях", включающая развитие персонала, национализацию кадров, диверсификацию и усиление взаимодействия сотрудников с руководством [8] (Рисунок 3).

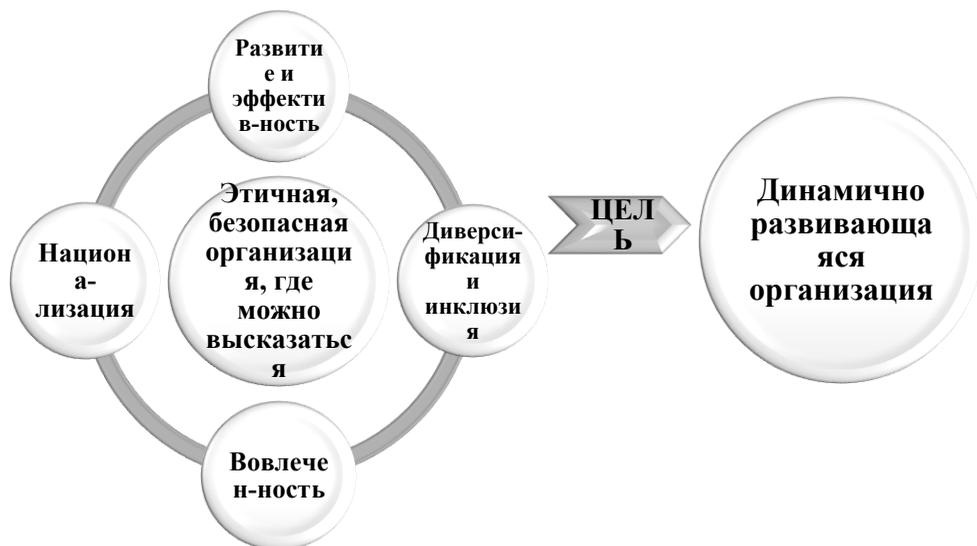

Рисунок 3 – Идея программы КПО «Забота о людях»
Примечание – из источника [8].

Эта инициатива направлена на создание корпоративной культуры, в которой каждый сотрудник чувствует свою значимость, уверенность в будущем и возможность для самореализации. Ведь только там, где у людей есть поддержка, возможности для роста и четкое понимание своей роли в общем деле, рождаются настоящие профессионалы, готовые двигать компанию вперед.

Список использованной литературы

Интернет-документы:

1. Блог про HR-аналитику: 4 вывода из нового отчета LinkedIn о глобальных тенденциях в сфере талантов// <https://edwvb.blogspot.com/2024/11/4-linkedin/>.

2. «Мотивация персонала 2024: что кроме денег интересует российских сотрудников» HR-elearning - современные тренды управления, обучения, оценки, мотивации персонала»,

Рекрутинговая компания Marksman// <https://hr-elearning.ru/motivaciya-personala-2024/>.

3. Официальный сайт компании «Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В.»// <https://www.kpo.kz/>.

4. Отчет об устойчивом развитии КПО 2021// https://www.kpo.kz/docs/sustainability_report_2021/.

5. Отчет об устойчивом развитии КПО 2022// https://www.kpo.kz/docs/sustainability_report_2022/.

6. Отчет об устойчивом развитии КПО 2023// https://www.kpo.kz/docs/sustainability_report_2023/.

Документы Компании:

7. КРО 2023 Employee Opinion Survey. Overall Company Outcomes, С.2-6.

8. КРО HR 2023 Corporate report, С.5-7.

9. Коллективный договор на 2025–2027 гг. (Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б.В. и профсоюзы), С.2-5.

Монографии:

10. Пинк, Д. Х. (2009). Драйв: Удивительная правда о том, что нами движет. Riverhead Books, С.21-45.

Статья из журналов или сборников:

11. Грант, АМ (2008). Подпитывает ли внутренняя мотивация просоциальный огонь? Мотивационная синергия в прогнозировании настойчивости, производительности и продуктивности. Журнал прикладной психологии, 93 (1), С.48-58.

12. McKinsey & Company (2023) “Metals & Mining and People & Organizational Performance Practices. “Has mining lost its luster? Why talent is moving elsewhere and how to bring them back”, С.6-8.

РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

В данной статье автор исследует состояние сферы дополнительного образования Республики Казахстан (прочие образовательные услуги). Для этого автор анализирует развитие системы образования страны и дополнительного образования в денежном выражении, сравнивает их, соотносит друг с другом, определяет долю последних в системе образования и выявляет тенденции их развития.

Целью исследования является, во-первых, определение доли сферы дополнительного образования и влияния изменений объемов системы образования страны на объемы развития сферы дополнительного образования в относительных и абсолютных значениях.

Используемые методы – системный метод, аналитический и синтетический метод, исторический и логический метод, статистический метод, метод абстрагирования.

Оригинальностью (ценностью) исследования является выявление значимости дополнительного образования в системе образовательного процесса страны.

В качестве результатов исследования выступает вывод о том, что сфера дополнительного образования занимает существенные 8–9% от объемов образования страны, а также с ростом объемов системы образования доля дополнительного образования снижается, что приводит к тому, что развитие образования страны уменьшает необходимость в дополнительном образовании.

Ключевые слова: образовательные услуги РК, дополнительные образовательные услуги.

Вопросы образования (подготовки кадров) в Республике Казахстан приобрели особенную актуальность в связи с изменениями, произошедшими в экономике в 90-х годах 20 века. На рынке появился спрос на специалистов, умеющих работать по-новому, с рыночным мировоззрением и с соответствующими компетенциями. Под этот запрос со стороны рынка стало меняться казахстанское образование, когда стали востребованными профессии, соответствующие требованиям бизнеса и удовлетворяющие их. Государство всячески поддерживало подобные преобразования системы подготовки кадров, стали появляться частные учебные учреждения, готовящие необходимых специалистов. Рынок под руководством «невидимой руки» Адама Смита стал подстраиваться под новую реальность [1].

Образование, как процесс подготовки кадров для удовлетворения потребностей экономики, в последние годы приобретает особую значимость. Изменения в экономике, в частности в Казахстане, не могли не повлиять и на образование, которая трансформируется вслед за данными изменениями.

Образовательные услуги выступают как та система, которая обеспечивает знаниями, компетенциями движение экономики, посредством удовлетворения потребностей человека в развитии, прежде всего умственном. Экономические же отношения в сфере оказания образовательных услуг являются рынком образовательных услуг [2].

Принимая во внимание, что развитие рынка образовательных услуг неотделимо от экономического и общественного развития, то вместе с процессами глобализации и цифровизации мировой экономики появляются потребности или спрос на новые формы оказания образовательных услуг [3].

Осуществленный контент-анализ научной литературы по анализу понятия «образовательной услуги» выявил, что это особый товар, производимый в образовательной сфере, который удовлетворяя потребности человека удовлетворяет потребности в этом общества, а значит и экономики в целом. Как отметил А. А. Клименко образовательные услуги имеют особые характеристики,

отличающие их от других услуг [4]. Приведение их в систему выделяет следующие моменты:

1. Особенность образовательных услуг выражается в том, что они, по мнению некоторых исследователей, могут быть отнесены к «общественным благам», т. е. к таким которые организует, обеспечивает и берет за них ответственность – государство. А другие исследователи эти услуги относят к «квазиобщественным благам». Так, например С.Фишер отмечал, что государственная роль в удовлетворении данных потребностей может осуществляться в сотрудничестве со бизнес-сообществом [5]. Другой исследователь, Дж. Стиглиц, дифференцировал образовательные услуги на общественные (начальное и среднее образование) и квазиобщественные (высшее, послевузовское, профессиональное) блага [6].

2. Другой особенностью образовательных услуг, отмечает А.А.Клименко, является трудность непосредственного измерения их в денежной форме. Ценовой механизм как бы не может в полной мере оценить и соотнести все затраты образовательных услуг с результатом. Если в материальном производстве количественные методы измерения затрат достигли совершенства (в штуках, килограммах) на единицу продукции, то в отношении образования это посчитать представляется очень трудным. Полезность оказанной услуги может проявиться как быстро, так и через длительное время спустя, и посчитать их можно лишь посредством косвенных показателей [6].

3. Следующей особенностью образовательных услуг является в том, что их оказание не может в тоже время не порождать некоторые духовные ценности, изменять и развивать учащегося. Эти услуги удовлетворяют естественные познавательные потребности человека, обеспечивают основу для познания человека самого себя, определения своих предпочтений, желаний и способностей и тем самым служат формированию тех компетенций, которые приносят удовлетворение самому человеку и экономике. Таким образом человек может достичь самореализации, в связи с чем образовательные услуги способствуют появлению человеческого капитала.

Следовательно, образовательная услуга – это особая часть образовательной деятельности, которая целенаправленная и осознанная. Ее целью выступает – передача учащимся знаний, умений, навыков для удовлетворения потребности экономики.

В отношении понятия рынка образовательных услуг, то ее особенностью является то, что на рынке предлагается не сама образовательная услуга, а ее образ, когда каждый потребитель видит в ней какую-то свою ценность. Для некоторых ценностью является объем полученных знаний, для других диплом об образовании (сертификат, аттестат), для государства – обеспечение потребностей экономики. А действия субъектов рынка образовательных услуг направлены на изменение рынка, который бы учитывал как данные ценности, так и спрос со стороны рынка.

Однако существующая система образования (школы, ВУЗы) не успевала за изменениями на рынке и не могла полностью обеспечить возникшую потребность в силу громоздкости (бюрократизма) принятия решения. В этой связи на рынке появляются небольшие компании – учебные центры с функцией дополнительного образования, которые могли очень быстро среагировать на спрос со стороны рынка и удовлетворить его.

Конкуренция между субъектами бизнеса проявляла себя, прежде всего, в конкуренции умов, т.е. проявляется зависимость успешности компании от уровня компетентности собственных сотрудников. То состояние, когда в связи с изменчивостью рынка, традиционного образования становится недостаточно и появляется необходимость постоянно повышать уровень компетентности у кадров, стало моментом для появления особенной подотрасли дополнительного образования [7]. При этом бизнес-среда, предоставляющая подобные услуги, должна развиваться настолько, чтобы удовлетворить всю потребность, т.е. соответствовать емкости казахстанского рынка.

Емкость рынка образовательных услуг, в том числе дополнительного образования, прежде всего определяется величиной населения страны. В этой связи следует отметить, что население в Республике Казахстан за последние 30 лет увеличилось на 3 млн. человек.

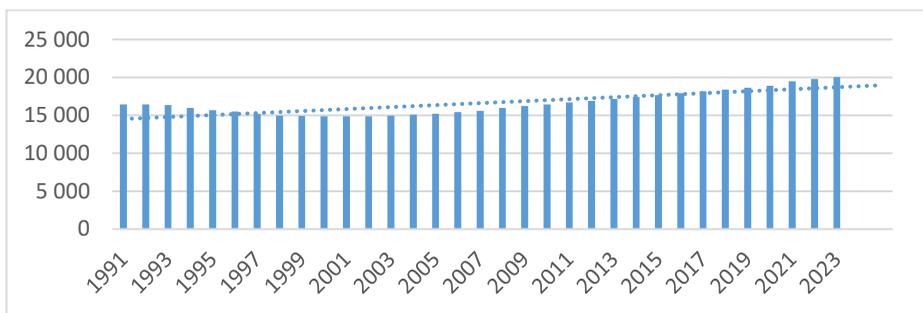

Рисунок 1 – Изменение численности населения в РК на конец периода (года), тыс. человек

Примечание: составлено автором на основе данных источника [8]

Рисунок 1 показывает, что население в Казахстане после кризисных 90-х увеличивается и показывает соответствующую тенденцию. Это, в свою очередь, определяет изменение емкости рынка образовательных услуг и требует от бизнес-среды соответствующего удовлетворения.

В этой статье исследуется развитие рынка образовательных услуг, оказываемые образовательными центрами, т.е. теми, кто не входит в систему образования и не регулируется государством. Данный вид бизнеса в классификаторе видов деятельности (ОКЭД) расположился под кодом – 85599 «Прочая деятельность в области образования, не включенная в другие группировки» (далее – прочие образовательные услуги).

Основным источником информации для анализа рынка этого вида образовательных услуг выступила официальная статистика, которая по нему специально не осуществляет сбор. В отличие от системы образования не имеется данных ни по количеству слушателей, ни по количеству педагогов и их специализации. В тоже время статистика предоставляет косвенные данные (объем доходов и расходов), анализ которых позволяет оценить развитие этого рынка и сделать выводы в сравнении с данными всей образовательной отрасли.

На показатели в национальной валюте (тенге) сильно влияет инфляция, поэтому данные будут также выражены в долларах США (международная валюта менее подвержена инфляции) для того, чтобы в большей степени приблизить к действительному состоянию дел в этой сфере. Сначала будут исследованы значения всей образовательной отрасли РК, а затем значения по прочим образовательным услугам.

Таблица 1 – Развитие рынка образовательных услуг РК за 5 лет (трлн. тг., млрд. долларов США)

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	Изменение 2023-2019 (абс.зн.)	Темп прироста 2023/2019 (%)
Средний курс доллара США, тенге [9]	382,75	412,95	426,03	460,48	456,31	74	19
Доходы образовательных услуг РК, трлн.тг	2,4	2,9	3,7	4,6	5,7	3,3	138
Доходы от образовательных услуг РК, млрд.долл. США	6,3	7	8,7	10	12,5	6,3	100
Расходы образовательных услуг РК, трлн. тг	2,4	2,9	3,7	4,6	5,5	3,1	130
Расходы по образовательным услугам РК, млрд долл.США	6,3	7	8,6	10	12,2	5,8	93
Примечание: составлено автором на основе данных источника [8]							

Следует отметить, что за наблюдаемый 5-летний период курс доллара в тенге увеличился на 74 тенге и темп прироста составил 19%.

Анализ таблицы показывает, что доходы в образовательной отрасли РК в 2019 году составляли 2,4 трлн. тенге, а в 2023 году достигли величины в 5,7 трлн. тенге и приблизилась к 6 трлн. тенге, увеличившись за 5 лет на 3,3 трлн. тенге (темп прироста составил 138%). В долларовом эквиваленте выручка в 2019 году была 6,3 млрд. долларов США, а в 2023 году составила 12,5, т. е. фактически удвоилась, а темп прироста составил 100%.

Расходы по образовательным услугам РК за этот же период также повысились до 5,5 трлн. тенге, увеличившись на 3,1 трлн. тенге (темп прироста составил 130%). В долларовом эквиваленте расходы в 2019 году были 6,3 млрд долларов США, а в 2023 году стали 12,2 млрд. долларов США, т. е. изменились на 5,8 млрд. долларов США, а темп прироста составил 93%.

Графически, в долларовом выражении это выглядит следующим образом.

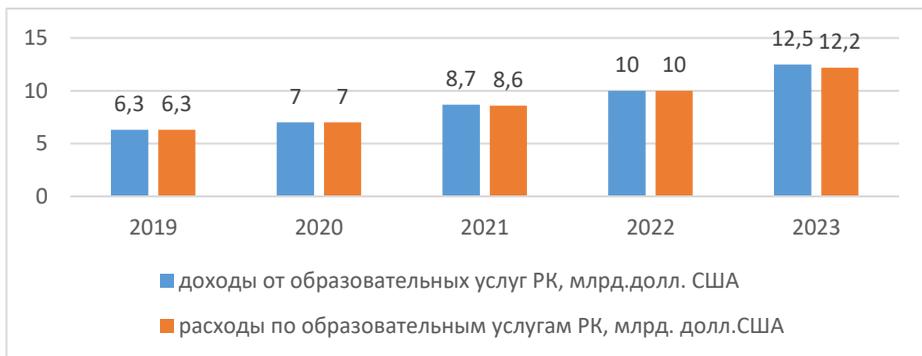

Рисунок 2 – Изменение доходов и расходов образовательных услуг РК, млрд. долларов США

Примечание: составлено автором на основе данных источника

[8]

Рисунок показывает, что доходы образовательных услуг в 2019 году составляли 6,3 млрд долларов США, а в 2023 году достигли 12,5 млрд. долларов США, увеличившись в 2 раза (на 6,3 млрд. долларов США или на 100%). В отношении расходов в 2019 году они равнялись 6,3 млрд. долларов США, а в 2023 году выросли до 12,2 млрд. долларов США, увеличившись на 5,8 млрд. долларов США или на 93%.

Таким образом, рынок образовательных услуг Республики Казахстан за наблюдаемый 5-летний период увеличился почти в 2 раза в денежном выражении, что можно рассматривать как положительное явление. Однако в сопоставлении между показателями в национальной валюте и в долларах США, показатели изменения в последней валюте демонстрируют меньший темп прироста, что, по мнению автора статьи, больше соответствует действительности ввиду большей устойчивости доллара.

Исследование рынка прочих образовательных услуг показывает следующее.

Таблица 2 – Развитие рынка прочих видов образовательных услуг РК за 5 лет

№	Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	Изменение 2023–2019 (абс.зн.)	Темп прироста 2023/2019 (%)
1	Доходы от прочих видов образования, млрд. тенге	221	221	267	344	468	247	112
2	Доходы от прочих видов образования, млн. долларов США	578	536	626	747	1027	449	78
3	Расходы от прочих видов образования, млрд. тенге	212	219	255	331	452	240	113

4	Расходы по прочим видам образования, млн. долларов США	554	531	598	720	991	437	79
5	Доля доходов прочих видов образования от республиканских, %	9,21	7,57	7,22	7,49	8,18	-1	-11
6	Доля расходов прочих видов образования от республиканских, %	8,79	7,56	6,96	7,22	8,16	-1	-7
Примечание: составлено автором на основе данных источника [8]								

Данные статистики показывают, что доходы в тенге от прочих видов образования увеличились за последние 5 лет на 112%, в 2019 году составляли 221 млрд. тенге, а стали в 2023 году – 468 млрд. тенге. В долларовом выражении увеличение составило 78%, и тем самым превысили 1 млрд. долларов США.

Расходы в национальной валюте увеличились на 113%, они равнялись 212 млрд. тенге в 2019 году, а в 2023 году стали составлять 452 млрд. тенге, в долларовом выражении увеличение показало 79% и достигло почти 1 млрд. долларов.

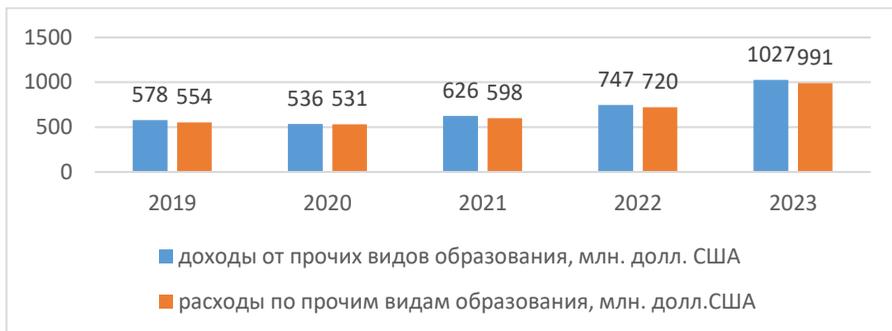

Рисунок 3 – Изменение доходов и расходов прочих видов образования, млн. долларов США

Примечание: составлено автором на основе данных источника [8]

По графику можно отметить, что рынок данного вида услуг активно развивается и за 5 лет (2019–2023 гг.) почти удвоился, и тем самым обладает инвестиционной привлекательностью, что очень важно для развития предпринимательской активности.

Доходы 2019 года составляли 578 млн. долларов США, а в 2023 году достигли 1027 млн. долларов США, расходы же в 2019 году равнялись 554 млн. долларов США, а к 2023 году выросли до 991 млн. долларов США. Используя грубые подсчеты, можно определить, что в 2019 году компании заработали чистую прибыль в размере - 24 млн долларов США, а в 2023 году - 36 млн долларов США, тем самым, демонстрируя 66% роста.

Одним из важных показателей развития какого-либо вида деятельности является его доля в общереспубликанских показателях или какую он играет роль в образовательной отрасли в целом.

Рисунок 4 – Изменение доли прочих видов образования от республиканских показателей образовательной отрасли, %

Примечание: составлено автором на основе данных источника [8]

Рисунок демонстрирует, что доля доходов и расходов прочих видов образования в республиканских показателях образовательной отрасли существенна. В 2019 году она составляла 9,21% от республиканских доходов и 8,79% от республиканских расходов. За последующие 3 года доля доходов и расходов сократилась почти на 2 %, но уже в 2023 году стала восстанавливаться и повысилась на 1%, достигнув значений 8,18 % и 8,16% соответственно.

Таким образом, за 5 лет доля доходов и расходов прочих видов образования от общереспубликанских показателей уменьшилась, что в относительных показателях может показаться отрицательной тенденцией. Следовательно, можно сделать вывод, что вместе с ростом оборотов в традиционной образовательной отрасли (школы, вузы), доля прочих видов образования снижается, т. е. гипотеза не подтвердилась. В то же время данная подотрасль системы образовательных услуг РК все же в объемах увеличилась и продолжает оставаться привлекательной для инвестиций.

Основной вывод

Основной вывод по исследованию: рынок образовательных услуг Республики Казахстан, включающий прочие образовательные услуги, развивается интенсивно. Это подтверждает почти двукратное увеличение оборота в данной отрасли. Следовательно, прочие образовательные услуги в Республике Казахстан обладают инвестиционной привлекательностью, как и вся образовательная отрасль в целом, тем более что в этой нише могут участвовать небольшие инвесторы. Это с одной стороны влечет обострение конкуренции среди поставщиков образовательных услуг [10], а с другой стороны – повышение качества этих услуг, поскольку рынок становится требовательным и достаточно остро реагирует на различия оказываемых услуг.

В то же время следует отметить преимущества для субъектов, оказывающих прочие образовательные услуги по сравнению с традиционным образованием. В связи с тем, что в целом образовательная система представлена школами и ВУЗами, которые из-за бюрократических моментов государственного управления не обладают достаточной гибкостью реагирования на запросы рынка, то небольшие компании, оказывающие прочие образовательные услуги без бюрократии будут становиться все более востребованными. Вместе с тем следует отметить, что гипотеза не подтвердилась и при повышении объема оборота традиционных образовательных услуг (школ и вузов) доля прочих образовательных услуг снизилась.

Список использованной литературы

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А.Смит; (пер. с англ.; предисл. В.С.Афанасьева). – М.: Эксмо, 2007. – 960 с. – (Антология экономической мысли).
2. Исмаилахунова С. М. Теоретические основы рынка образовательных услуг // Вестник КРСУ. – 2020. – Том 9. - №9. – С.158-162.
3. Чаурина Е.В. Теоретические основы рынка образовательных услуг, аспекты управления с позиции рыночных требований // Известия Самарского научного центра РАН. – 2006

4. Клименко, А.А. Рынок образовательных услуг и его место в современной рыночной экономике / Клименко А. А. // Новая экономика. – 2019. – № 7–8. – С. 44–52.

5. Фишер, С. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. – М.: Дело. – 1993. – 304 с.

6. Панкрухин, А. Образовательные услуги: точка зрения маркетолога / А. Панкрухин // Alma mater, 1997. – № 3. – С. 18–32.

7. Герчигова И. Н., Менеджмент: Учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. И доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 511с. – (Серия «Золотой фонд российских учебников.»).

8. По данным сайта Бюро национальной статистики Агентства стратегического планирования и реформам РК, <https://stat.gov.kz/>

9. По данным сайта Национального банка РК, <https://www.nationalbank.kz/>.

10. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Майкл Е. Портер; Пер. с англ. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 454с.

УДК 331.101.3

Работин А.Ю.
Магистрант МВА, AlmaU

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ОБЩЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБОРУДОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается применение геймификации в системах мотивации персонала горнодобывающей отрасли и ее влияние на производительность труда, а также общую эффективность оборудования.

Цель исследования: выявление причин влияния игровых (соревновательных) рейтингов в производственной деятельности на повышение общей эффективности оборудования и вовлечения

персонала в производственный процесс.

Применяются количественные методы исследования, такие как анкетирование, анализ показателей производственной деятельности, а также, проведение экспериментальных сравнений.

Исследуются современные подходы к стимулированию сотрудников, анализируются показатели общей эффективности оборудования (ОЕЕ), критерии S.M.A.R.T., а также влияние антропологических и психологических факторов на вовлеченность работников. Приводятся результаты внутренних маркетинговых исследований и практические рекомендации по внедрению игровых механик в производственные процессы.

Исследование показывает, что при правильном выборе критериев воздействия, возможно увеличение вовлеченности персонала, повышение производительности, а, следовательно и повышение общей эффективности оборудования.

***Ключевые слова:** мотивация, геймификация, ОЕЕ, S.M.A.R.T., маркетинговые исследования, антропология труда.*

Многие из руководителей производственных предприятий задаются вопросом важности мотивации сотрудников и оптимального использования оборудования. Как же связать эти два параметра? Это также остается большим вопросом для управленцев. Чтобы понимать, как связать эти два показателя, для начала необходимо определить для себя, что же подразумевается под значением «оптимальное использование оборудования».

Большинство руководителей производственных отделов считают, что необходимо максимально нагружать оборудование во время рабочего дня, производить максимально возможное количество продукции, обеспечивая себе наибольший запас на тот случай, если оборудование выйдет из строя.

В данной статье автор озвучит свою версию «оптимального использования оборудования» и как этого добиться, внедряя игровые рейтинги среди сотрудников.

Современные горнодобывающие предприятия сталкиваются с комплексом проблем, связанных с человеческим фактором: высокая текучесть кадров, профессиональное выгорание, низкая

вовлеченность персонала и недостаточная производительность труда. В условиях глобализации и цифровизации промышленности традиционные системы мотивации, основанные исключительно на материальном стимулировании, демонстрируют снижающуюся эффективность.

Как показывают исследования Deloitte (2023), до 78% сотрудников добывающих предприятий отмечают недостаточную связь между своими трудовыми достижениями и получаемым вознаграждением. При этом 63% респондентов указывают на отсутствие понятных критериев оценки их работы) [5]. Эти данные подтверждают необходимость пересмотра существующих подходов к мотивации персонала. Всегда возникает сложность в выборе способа мотивации для сотрудников компаний. Их огромное множество, также, как и у сотрудников множество различных потребностей, цели, интересы, ведь все они разные и имеют разный уровень квалификации. К примеру, в данном видео ролике: «Система мотивации и премирования персонала SMART», озвучивается метод мотивирования офисных сотрудников, который, как и многие, имеет свои преимущества и недостатки [1].

Главной сложностью при выборе и внедрении системы мотивации, является оцифровывание показателей, по которым можно судить об итогах внедрения. В свою очередь, в производственной сфере есть все необходимые показатели, которые помогут связать работу оборудования и игровой рейтинг для сотрудников. Данный контекст будет озвучен немного позже.

Часто мы сталкиваемся с ограниченностью традиционных подходов к мотивации. HR менеджеры, а также производственные менеджеры, не хотят исследовать и анализировать потребности персонала. Для мотивации используют стандартные методы, такие как штрафы и премии, хотя данные методы являются скорее методами стимуляции к работе и от них сложно ожидать высоких результатов. На короткий промежуток времени (для каждого сотрудника индивидуально) будет замечен эмоциональный подъем, прирост производительности, но уже через время, монотонность труда просто заставит забыть положительных эмоциях, а отсутствие обратной связи от руководителя, вернет все в исходное состояние.

Возвращаясь к «оптимальному использованию оборудования», или, лучше использовать такой термин, как «Общая Эффективность Оборудования» (OEE, Overall Equipment Effectiveness), который впервые был введен японским инженером Сэйити Накадзимой (Seiichi Nakajima) в 1971 году [2]. Данное понятие позволяет компаниям выйти на новый уровень управления процессом производства. В основе лежат всего три критерия: доступность оборудования, его производительность и качество выпущенной продукции. Несмотря на всю простоту, многие компании не используют показатель Общей Эффективности Оборудования в процессе планирования деятельности и анализе результатов.

Так что же приводит к неэффективному использованию всего потенциала оборудования? Можно выделить несколько факторов: недостаточная прозрачность работы сотрудников; простые и неэффективное планирование; а также параметр, который рассматривается в данной статье – низкая вовлеченность персонала. Но и этот список не является исчерпывающим.

Для построения модели расчета общей эффективности оборудования, необходимо провести анализ критериев, определить их значимость, классифицировать по принадлежности к каждому из критериев (Доступность/Availability, Производительность/Performance, Качество/Quality) и закрепить положением, либо стандартом. Очень часто возникают разногласия между Департаментом ремонтов и Департаментом производства, какие из критериев простоя к ним относить. На данном этапе необходимо прийти к единогласному соглашению. Это поможет избежать споров в последующем процессе.

После того, как планирование производственной деятельности полностью перейдет на использование показателя общей эффективности оборудования, средний менеджмент и департамент управления человеческими ресурсами уже могут переходить к разработке и внедрению системы мотивации персонала. Важно учесть, что система мотивации должна быть не стандартной, которую используют повседневно, а интересной, завлекающей, такой, чтобы сотрудники были увлечены ею.

Если немного углубиться в Антропологию, то деятельность «духа» человека, как трактовал немецкий ученый Макс Шелер, один из основоположников философской антропологии, опирается на силу инстинктов.

Уильям Мак-Дугал, американский психолог, разработал концепцию горме (гормическая психология). Также, он разработал и собственную классификацию инстинктов, одним из которых является инстинкт самоутверждения (воодушевления).

С точки зрения психологии, самоутверждение – это явление, включающее в себя несколько составляющих:

1. Стратегии и тактики, определяющие жизненный путь;
2. Потребности и мотивы, направленные на достижение жизненных целей;
3. Процесс активного взаимодействия индивида с окружающей средой, в ходе которого осуществляется его самореализация, затрагивающая его интересы, эмоции, убеждения и ценности других участников;
4. Тесная связь с самооценкой и внутренней силой личности.

Во многих случаях, когда мы говорим о самоутверждении, зачастую наш ассоциативный ряд приводит нас к негативным мыслям. В воображении представляются личности, готовые на все ради достижения цели, даже на то, чтобы идти по головам, лишь бы почувствовать свою значимость. На самом же деле всем свойственно самоутверждаться, ведь это один из важнейших механизмов развития личности человека.

Самоутверждение неразрывно связано с процессом самореализации, формированием идентичности и осознанием собственного Я. Это понимание своей значимости, своих целей, роли в обществе и возможностей в жизни. Таким образом, люди стремятся к самоутверждению, чтобы гармонично воздействовать с социумом, оставаясь верными себе.

Разделяют два вида самоутверждения – это конструктивное и деструктивное самоутверждение. В данном случае нас больше интересует конструктивный вид.

Конструктивное самоутверждение выражается в созидательной и ответственной деятельности, направленной как на

собственное благо, так и на пользу окружающего мира. Это может включать благотворительность, помощь другим, взаимоподдержку, создание новых идей и вещей, а также творческую активность. Через такую деятельность человек реализует себя, подтверждает свою значимость и получает положительное признание от окружающих.

Таким образом, мы подошли к тому, что, создав соревновательные условия для сотрудников, которые смогут поддерживать дух первенства, мы сможем выстроить эффективную систему мотивации, отвечающую потребностям как компании, так и сотрудника, а также станет мощным двигателем производительности.

Игровой рейтинг в производстве, или, как это часто называют, геймификация, подразумевает применение игровых элементов, таких как баллы, уровни, рейтинги, награды и соревнования, в рабочих процессах для повышения мотивации, вовлеченности и продуктивности сотрудников [8]. Внедрение данного инструмента сопровождается несколькими целями:

1. Мотивация. (Сотрудники получают дополнительный стимул для выполнения задач, так как участие в игре и достижение высоких результатов вызывает положительные эмоции и интерес.)

2. Производительность. (Соревновательный элемент побуждает сотрудников стремиться к лучшим показателям.)

3. Прозрачность оценки. (Игровые механики дают четкое понимание, как оценивается работа, и создают ощущение справедливости.)

4. Совершенствование корпоративной культуры. (Введение игровых элементов может улучшить взаимодействие между сотрудниками и сформировать дух сотрудничества или здоровой конкуренции.)

По данным McKinsey (2021), применение геймификационных подходов в промышленности позволяет:

- Увеличить производительность труда на 25–40%
- Снизить количество нарушений техники безопасности на 60%
- Повысить вовлеченность персонала в 2,5 раза [3].

В горнодобывающей отрасли, где преобладает монотонный физический труд в сложных условиях, геймификация может стать

действенным инструментом решения указанных проблем [4].

Одним из важных аспектов для эффективного внедрения геймификации является следование принципам S.M.A.R.T.:

- Конкретность (Specific) – например, снижение простоев на 15% за квартал.
- Измеримость (Measurable) – использование OEE и KPI.
- Достижимость (Achievable) – реалистичные цели на основе данных.
- Релевантность (Relevant) – соответствие стратегии компании.
- Ограниченность во времени (Time-bound) – четкие сроки.

Геймификация в производственной среде базируется на нескольких ключевых психологических принципах:

1. Теория потокового состояния:

- Четкие цели
- Непосредственная обратная связь
- Баланс между сложностью задачи и навыками работника

2. Поведенческая экономика:

- Эффект немедленного вознаграждения
- Страх потери
- Социальное сравнение

3. Нейробиологические аспекты:

- Выброс дофамина при достижении целей
- Активация системы вознаграждения мозга
- Формирование позитивных ассоциаций с трудовой деятельностью

Практическое применение этих принципов в горнодобывающей отрасли требует учета специфики:

- Высокий уровень стресса
- Физическая усталость
- Ограниченные возможности для творчества
- Жесткие требования безопасности

Одними из важных этапов в создании эффективной системы мотивации, являются исследование внутренних процессов и проведения углубленного статистического анализа воздействующих показателей, собранных в ходе исследования. Говоря другими словами – проведение маркетингового исследования внутри

организации. Данные процессы подробно описывает в своей книге «Маркетинговые исследования. Практическое руководство» Нэреш Малхотра [7].

По данной методике предлагается три основных инструмента для анализа мотивации сотрудников:

1. Опросы сотрудников – анкетирование или интервью, позволяющее выявить их потребности, уровень удовлетворенности, ценности и факторы, влияющие на мотивацию.

2. Фокус-группы – групповые обсуждения, где сотрудники могут свободно выражать мнения, что помогает глубже понять их мотивационные драйверы и проблемы.

3. А/В-тестирование различных систем поощрения – эксперимент, в котором сравниваются две (или более) системы мотивации (например, денежные бонусы vs. нематериальные стимулы), чтобы определить, какая из них эффективнее.

Применение этих методов позволяет:

Выявить ключевые мотивационные факторы – понять, что действительно важно для сотрудников (деньги, карьера, признание, гибкий график и т. д.).

Оптимизировать систему мотивации – внедрить наиболее эффективные способы поощрения на основе данных, а не предположений.

Улучшить вовлеченность и продуктивность – мотивированные сотрудники работают лучше и реже увольняются.

Снизить текучесть кадров – если система мотивации соответствует ожиданиям персонала, люди остаются в компании дольше.

Повысить лояльность – сотрудники чувствуют, что их мнение учитывается, что укрепляет их привязанность к организации.

Этот подход помогает компаниям создавать гибкие и персонализированные системы мотивации, что особенно важно в условиях конкуренции за таланты.

Учитывая описанные выше методы, на предприятии АО «Качары Руда» было проведено исследование, целью которого было выявить ключевые факторы, влияющие на мотивацию сотрудников, а также разработать стратегию по повышению их вовлеченности.

Одним из этапов было анкетирование, которое включало в себя следующие блоки:

Блок 1. Мотивация и удовлетворенность трудом

1. Что для вас наиболее важно в работе? (зарплата, соцпакет, карьера, условия труда, признание).
2. Как вы оцениваете свою загрузку и график работы?
3. Какие факторы снижают вашу мотивацию? (усталость, неясные цели, низкая зарплата и др.).

Блок 2. Знание показателей эффективности

4. Знакомы ли вы с термином "Общая эффективность оборудования" (ОЕЕ)?
5. Можете ли вы объяснить, как рассчитывается ОЕЕ?
6. Как часто вам сообщают о показателях производительности вашего участка?
7. Влияет ли знание этих показателей на вашу работу?

Блок 3. Обратная связь и вовлеченность

8. Получаете ли вы обратную связь от руководства о результатах работы?
9. Участвуете ли вы в обсуждении путей повышения эффективности?
10. Хотели бы вы больше знать о том, как ваша работа влияет на общие результаты компании?

Исследование показало, что осведомленность сотрудников о КПЭ напрямую влияет на их мотивацию и производительность. Внедрение прозрачной системы показателей и их увязка с поощрением способны снизить простои и повысить вовлеченность.

1. Уровень осведомленности об ОЕЕ

А. 68% сотрудников слышали термин "ОЕЕ", но только 23% могли объяснить его значение.

В. 90% операторов техники знали о целевых показателях, но не видели связи с премированием.

С. ИТР и мастера понимали ОЕЕ, но не всегда доносили информацию до рабочих.

2. Влияние знаний о КПЭ на мотивацию

А. В бригадах, где регулярно обсуждались показатели, простой сократился на 14%.

В. Сотрудники, понимавшие связь между своей работой и ОЕЕ, чаще предлагали улучшения.

3. Ключевые мотивационные факторы

А. Зарплата + премии за выполнение плана (главный стимул для 90%).

В. Признание заслуг (20% хотели бы больше обратной связи).

С. Обучение и карьера (особенно важно для молодых сотрудников).

Рассматривая зарубежный опыт внедрения геймификации, можно привести в пример несколько удачных кейсов:

1. Komatsu (Япония) – внедрила систему поощрения за рационализаторские предложения через игровые баллы, что повысило инновационную активность на 30%.

2. Rio Tinto – использует ОЕЕ-дашборды с элементами соревнования между бригадами.

Алгоритм внедрения процесса геймификации довольно стандартный и не отличается от внедрения любого другого проекта или процесса:

1. Анализ текущей мотивационной системы.

2. Определение ключевых KPI (ОЕЕ, безопасность, производительность).

3. Разработка геймифицированной платформы (мобильное приложение, интерактивные дисплеи).

4. Тестирование и корректировка на основе обратной связи.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что идея заключается в том, что внедрение игровых механик (геймификации) в горнодобывающей отрасли может стать мощным инструментом трансформации трудовых процессов. Основная научная мысль в данной статье построена на **психологии вовлеченности** – когда рутинные или сложные задачи переосмысливаются через призму соревновательности, достижений и немедленного вознаграждения, у сотрудников активируются внутренние мотиваторы, выходящие за рамки материального стимулирования.

Полезность такого подхода проявляется в трех ключевых аспектах:

1. Повышение мотивации – геймификация использует естественную человеческую тягу к игре, преодолению вызовов и признанию, что особенно важно в тяжелых условиях труда (например, в шахтах или на карьерах). Вместо принудительной дисциплины формируется добровольная вовлеченность, основанная на азарте и стремлении к прогрессу.

2. Оптимизация производственных показателей (ОЕЕ – Overall Equipment Effectiveness) – игровые элементы (рейтинги, бейджи, уровни) помогают стандартизировать и визуализировать эффективность использования оборудования, что упрощает выявление узких мест. Например, система может начислять баллы за сокращение времени простоя или рационализаторские предложения, превращая технические КРІ в понятные и желанные цели.

3. Снижение текучести кадров – тяжелый физический труд и монотонность часто приводят к эмоциональному выгоранию. Геймификация добавляет смысловой слой в работу: даже рутинные операции воспринимаются как часть "миссии" или "прокачки навыков". Это снижает стресс и укрепляет лояльность, особенно среди молодых специалистов, привыкших к интерактивным форматам [6].

Научная основа успеха внедрения игрового рейтинга заключается в следующих особенностях:

- Учет психологических особенностей – эффективная геймификация строится на теориях мотивации (например, самоопределения Деси и Райана), где ключевую роль играют автономия, мастерство и сопричастность.

- S.M.A.R.T.-критерии (конкретность, измеримость, достижимость, релевантность, ограниченность по времени) превращают абстрактные цели в четкие "квесты", исключая демотивацию из-за неясности задач.

- Мониторинг через внутренний маркетинг – регулярные опросы и анализ поведения сотрудников позволяют адаптировать систему под реальные потребности коллектива, избегая "игрового утомления" (когда механики становятся рутинной).

Итоговая польза строится на следующей теории:

Геймификация в горнодобывающей отрасли – это не просто "игрушки", а стратегия управления человеческим капиталом, которая:

- заменяет принуждение внутренней мотивацией,
- трансформирует данные в осязаемые достижения,
- создает устойчивую связь между работником и компанией через эмоциональную вовлеченность.

Это особенно актуально в отраслях с высокими рисками и низкой привлекательностью труда, где традиционные методы мотивации часто дают сбой.

Список использованной литературы

Интернет-ресурс

1. Система мотивации и премирования персонала SMART// <https://youtu.be/mRRj59Jjnd4?si=g-4xiNJ2loaUwY1N>.

Интернет-документы

2. Overall Equipment Effectiveness// <https://www.oeo.com/>.

3. «Gamification in Industry: Practical Cases» – McKinsey Report (2021)//

<https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/mckinsey%20global%20surveys/mckinsey-global-surveys-2021-a-year-in-review.pdf>.

4. «Psychological Safety in Mining Teams» – Journal of Occupational Psychology (2022)// <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022437524000963>.

5. «Digital Transformation in Mining» – Deloitte Insights (2023)// <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/consulting/articles/digital-transformation-in-mining.html>.

6. «Employee Engagement through Gamification» – Harvard Business Review (2020)// https://hbr.org/2024/03/how-gamification-can-boost-employee-engagement?ab=at_art_art_1x4_s01.

Монографии

7. «Маркетинговые исследования. Практическое руководство» Нэреш Малхотра.

8. Чоу Ю.-К. «Actionable Gamification: Beyond Points, Badges, and Leaderboards» (2015).

АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические подходы к вопросам антикризисного управления предприятием. Автором приводятся результаты контент-анализа развития понятия антикризисного управления. В качестве вывода автор приходит к заключению, что следует уделять достаточно серьезное внимание составлению антикризисного плана, постараться учесть все его нюансы, а главное провести содержательный и обоснованный анализ финансовой и управленческой составляющих деятельности предприятия, чтобы как можно точно выявить бреши и найти соответствующие решения по их устранению. Также автором резюмируется, что план системы антикризисного управления имеет большое сходство со стратегическим планом предприятия, только действовать приходится в более суровых (кризисных) условиях, где цена ошибки может привести к банкротству предприятия.

Цель исследования – проанализировать теоретические аспекты в рамках понятия системы антикризисного управления предприятием.

В качестве методов выбраны следующие: контент-анализ научной литературы, анализ, синтез, сравнение и обобщение.

Ценностью исследования можно определить анализ развития понятия антикризисного управления и выделение направлений антикризисной программы, требующих особого внимания.

Результатами исследования представлены обзор международной практики управления в контексте исследования основополагающих принципов и разделение направлений антикризисной программы по блокам с подробным рассмотрением каждого из них.

***Ключевые слова:** антикризисное управление, предприятие, эффективность, проблема совершенствования, банкротство.*

Управление предприятием в условиях кризиса включает в себя комплексную научную систему методов, принципов хозяйствования и развития на основе инновационной политики, повышения эффективности, конкурентоспособности, гибкой адаптации к внешней среде, которая также пребывает в условиях кризиса и соответственно нужно особое управленческое чутье (интуиция), а также глубокое понимание происходящих в экономике и обществе процессах. Разработка системы антикризисного управления постоянно совершенствуется и как наука на определенной ступени развития производительных сил и производственных отношений дополняется новыми целями и функциональными задачами. От методов хозяйствования зависит устойчивое текущее состояние и развитие предприятия. В этой связи современное функционирование казахстанских компаний в условиях быстроменяющейся реальности выявило актуальность разработки специальной системы антикризисного управления и необходимость выработки новых механизмов принятия управленческих решений. Все это, в свою очередь, создало предпосылки для обращения бизнеса к методам антикризисного планирования и управления.

Совершенствование системы управления предприятием на основе антикризисной программы является актуальной задачей также и потому, что это вызвано изменением условий функционирования, переходом на новые технологии, повышением эффективности хозяйствования и использования инвестиций, прогнозированием, потребительского спроса, конкуренцией, повышением роли разработки антикризисной программы деятельности предприятия в связи с условиями усиливающегося и продолжающегося кризиса.

Необходимо добавить, что (а это еще в большей степени подчеркивает актуальность выбранной темы) проблема совершенствования антикризисного управления казахстанскими предприятиями в условиях рынка, характеризующимся высокой степенью неопределенности факторов развития и кризисными

ситуациями, является на сегодняшний день недостаточно теоретически исследованной и поэтому очень сложной. Особое значение эта проблема имеет в свете существенного воздействия неопределенных факторов развития, связанных с динамикой внешней и внутренней бизнес-среды, изменением социально-экономической и политической ситуации в мире, воздействием партнеров по бизнесу.

Экономический кризис заставляет предпринимателей по-новому взглянуть на свой бизнес. Противодействие негативным факторам будет более результативным, если лучше понять природу кризиса и основных ценностей бизнеса. Работа над совершенствованием предприятия, начатая во время кризиса, не только обеспечит выживание предприятия, но и создаст конкурентное преимущество в посткризисный период.

Проводя ретроспективный экскурс в историю появления понятия «антикризисное управление» необходимо отметить в качестве точки отсчета введение правового регулирования деятельности субъектов экономики, которые содержат в себе черты финансовой несостоятельности. Поэтому базисом для антикризисного управления следует назвать правовые документы, в которых содержится теория и практика специфики антикризисного управления. К таковым можно отнести те, которые разными способами оказывают влияние на предприятие в состоянии банкротства.

Так, контент-анализ развития понятия антикризисного управления позволил согласиться с П.А. Покрытан и выделить следующие моменты:

1. Основной акцент изучения в антикризисном управлении фокусируется на исследовании системы экономических отношений, лежащих в основе и развитии кризисных явлений в процессе осуществления предприятием своей деятельности.

2. Само по себе антикризисное управление представляет экономическую дисциплину, которая включает как экономические, так и правовые аспекты отношений субъекта бизнеса. Данное указывает на главную отличительную особенность в сравнении с юриспруденцией и теорией управления [1].

Как уже отмечалось, теория антикризисного управления – это экономическая дисциплина, но не в чистом виде, она содержит в себе черты политической экономии, экономической теории. Надо сказать, что они являются для нее методологической базой. Также теория антикризисного управления является смежной с такими науками, как финансовый анализ и основы реструктуризации.

Из анализа научной литературы по вопросу исследования стало очевидным, что главная проблема антикризисного управления на современном этапе – это неоднозначность трактовки предмета. Другими словами, несмотря на то, что в последнее время издано большое количество учебных пособий и другой литературы по антикризисному управлению, подготовке антикризисного плана, тем не менее представляет определенную сложность уточнить вопрос, что же изучает антикризисное управление.

Так, ряд учебных изданий определяет антикризисное управление как «совокупность форм и методов реализации антикризисных процедур применительно к конкретному предприятию...» [2].

При этом авторы указанных пособий отмечают, что «антикризисное управление является категорией микроэкономической и отражает производственные отношения, складывающиеся на уровне предприятия при его оздоровлении или ликвидации» [1]. Подобная трактовка антикризисного управления, на наш взгляд, содержит в себе некоторые вопросы.

Так, в частности, являясь микроэкономической категорией, напрашивается вопрос, как же тогда теория антикризисного управления может покрывать проблемы в рамках международных аспектов банкротства, если они указывают на другой – межгосударственный уровень антикризисного управления [1].

А если выделить антикризисное управление в качестве микроэкономической категории, то имеет место рассмотрение следующего тезиса: учитывая тот факт, что антикризисное управление может быть реализовано только на предприятиях, а таковые представляют собой объект рассмотрения микроэкономики, следовательно, антикризисное управление можно смело относить к микроэкономической категории. При этом важно

понимать, что указанное деление достаточно условно, а значит показать (точно) на пределы (где одно заканчивается и начинается другое) очень сложно. Так, к примеру: состояние экономики страны кризисное, тогда в компании, где именно будет проявляться кризис? Также приведенное выше деление наталкивает на неверный вывод о том, что макроуровень отделим от микроуровня, то есть то, что происходит (кризисное) на одном уровне, не должно отражаться на другом. Получается, что возможны варианты, при которых кризис можно избежать.

Таким образом, управление предприятием (организацией) на любом этапе его функционирования должно являться антикризисным, т.е. способным прогнозировать, предотвращать кризисные ситуации и (или) смягчать их отрицательные последствия. В управлении предприятием всегда должна быть антикризисная составляющая. Данная составляющая объективно детерминирована тем, что только в случае ее реализации создается возможность преодоления фатальности жизненного цикла предприятия.

Профессор А. Г. Грязнова в книге «Антикризисный менеджмент» рассматривает антикризисное управление, как систему управления предприятием, которая имеет комплексный, системный характер. Она «направлена на предотвращение или устранение неблагоприятных для бизнеса явлений посредством использования всего потенциала современного менеджмента, разработки и реализации на предприятии специальной программы, имеющей стратегический характер, позволяющей устранить временные затруднения, сохранить и преумножить рыночные позиции при любых обстоятельствах, опираясь в основном на собственные ресурсы» [3].

Другой исследователь, З.А. Авдошина характеризует антикризисное управление, «как совокупность методов, приемов, позволяющих распознавать кризисы, осуществлять их профилактику, преодолевать их негативные последствия, сглаживать течение кризиса» [4]. На наш взгляд, данное определение, несмотря на его краткость представляется очень

емким в рамках данной темы и охватывающим весь формат исследуемого вопроса.

Что касается антикризисного плана, то в качестве такового выступает программа действий предприятия по достижению определенных целей (эти цели в обязательном порядке должны быть направлены на выправление ситуации с финансовой неустойчивостью предприятия или идущее к этому состоянию) в условиях продолжающегося кризиса.

Проведенное исследование международной практики управления позволяет сосредоточить внимание на основополагающих принципах антикризисного управления:

- главным в антикризисном управлении следует выделить процесс постоянных и последовательных инноваций, которые могут происходить по всем направлениям деятельности компании;

- основной идеей антикризисного управления можно назвать быстрый и эффективный ответ на достаточно значимые изменения окружающей среды, которые базируются на предварительных альтернативных решениях, ведущих к реализации разных мероприятий;

- отказ от следования идеям и теориям классических школ менеджмента, которые основывались на постулаты рациональной организации производства со всеми вытекающими из этого действиями. Данное заменяется на важность уметь гибко приспосабливаться к постоянным изменениям;

- активная реализация ситуативного подхода. Это позволяет выстраивать деятельность предприятия согласно вызовам из окружающей среды. Поэтому становится таким значимым применение особенных приемов, которые позволяют воздействовать на те факторы, от которых зависит достижение цели [5].

Таким образом, основываясь на принципы антикризисного управления представляется возможным сформулировать задачи антикризисного управления. К таковым относят:

- изменение (модернизация) осуществления работы производственных механизмов всех направлений деятельности организации;

- изменение (усовершенствование) критериальной платформы принятия управленческих решений;
- создание и внедрение стратегии и тактики компании в условиях быстроменяющейся реальности;
- постоянное внедрение новых технологически инновационных управленческих приемов;
- активное внедрение различных методов экономического маневрирования» [5].

Таким образом, сущность плана системы антикризисного управления составляют, по сути, основные четыре пункта, на которые нужно основываться и в рамках которых действовать. Это:

- клиенты;
- финансы;
- персонал;
- поставщики и партнеры.

То есть это главные направления, на которых важно сосредоточить свое внимание (таблица 1).

Таблица 1 - Направления антикризисной программы, требующие особого внимания

Направления	Характеристика
Клиенты	<p>В качестве клиентов выступают физические лица, которые дают предприятию деньги и формируют его доходы. При построении антикризисного плана необходимо еще раз понять, что нужно этим людям, чтобы они стали клиентами. Нужно ориентироваться на запросы своих потребителей. В настоящее время отсутствует проблема по удовлетворению клиентских запросов. Более того, вопросы приобретают другое значение, а именно, «как можно удовлетворить свою потребность». То есть необходимо внедрить в деятельность предприятия такое, что выгодно бы отличало это предприятие от других, аналогичных ему.</p> <p>Также необходимо разобраться с поведением на рынке. Варианты различны: от спокойного и последовательного развития по ситуации до</p>

	<p>агрессивного захвата. Здесь важно осознавать, что агрессия заставит изыскивать дополнительные немалые ресурсы, но в тоже время это позволит нарастить рыночную долю в достаточно небольшие сроки.</p> <p>Таким образом, в антикризисном плане следует очень обоснованно расписать: кого и за счет чего предприятие сделает своими клиентами.</p>
<p>Финансы</p>	<p>Основное, что должен содержать указанный пункт – это целевой ориентир на прибыль. В данном случае важно, чтобы размеры прибыльности были уже определены. Подходить к этому вопросу специалисты рекомендуют, основываясь на понимание положений пункта «Клиенты». Есть определенный перечень видов бизнеса, которые ограничены по размеры прибыли и это необходимо принимать во внимание.</p> <p>Второе – это издержки и политика по поводу затрат. Такие действия, как агрессивное рыночное поведение, захват доли рынка в регионах, конкурентная борьба требуют вложений. При этом нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что предоставление качественных услуг, как правило, содержит в себе дополнительные затраты. Наряду с этим имеет место и оптимизация затрат, что также является положительным моментов.</p> <p>Привлечение финансов: свои средства и прибыль или кредиты и инвестиции. Данный раздел плана должен содержать конкретное отношение к финансовой составляющей бизнеса предприятия.</p>
<p>Персонал</p>	<p>Во многих сферах бизнеса результат и прибыль очень зависят от персонала. Это направление в антикризисном (как, впрочем, и любом другом) планировании очень важно. Нужно точно определить какой персонал нужен – э то будут инициативные, энергетические машины или исполнители, готовые выполнять работу строго с 9 до 18, но качественно. Учитывать понимание руководства и стиль управления, бытующий на предприятии. Также следует описать требования к квалификации.</p>

	<p>Затем важно выстроить отношения с персоналом, определить требования и то, что предприятие готово дать персоналу в обмен на его работу. Вопрос не только в деньгах, обычно на рынке уровень зарплат средний. Причиной увольнений, текучки кадров, как и желания работать, держаться за место часто являются отношение руководителя к сотрудникам.</p>
<p>Поставщики и партнеры</p>	<p>Бизнес во многом невозможен без участия третьих лиц. Поставщики и партнеры часто являются весомой частью бизнеса, поэтому в условиях кризиса так важно выстроить очень грамотную политику отношений. И, если все хорошо разработать в антикризисном плане в данном аспекте, то будет легче выстраивать политику отношений на тактическом и оперативном уровне, а сотрудникам предприятия, соответственно, также будет легче работать.</p>
<p>Примечание: составлено автором на основании источника [6]</p>	

Таким образом, план системы антикризисного управления, необходимо отметить, имеет большое сходство со стратегическим планом предприятия, только действовать приходится в более суровых (кризисных) условиях, где цена ошибки может привести к банкротству предприятия. В этой связи следует уделять достаточно серьезное внимание составлению антикризисного плана, постараться учесть все его нюансы, а главное провести содержательный и обоснованный анализ финансовой и управленческой составляющих деятельности предприятия, чтобы как можно точно выявить бреши и найти соответствующие решения по их устранению.

Список использованной литературы

1. Покрытан, П.А. Теория антикризисного управления: учебно- практическое пособие. – М.: Изд. Центр ЕАОИ, 2017. – 325 с.
2. Идрисов, А.В. Стратегия: с чего начать и чем закончить? / А. В. Идрисов // Управление компанией. – 2024. – №5. – С. 11–13.

3. Антикризисный менеджмент / Под. ред. проф. А.Г. Грязновой — М.: "Ассоциация авторов и издателей "ТАНДЕМ". — Издательство "ЭКМОС", 2009.

4. Авдошина З.А. Антикризисное управление: сущность, диагностика, методики // Корпоративный менеджмент. – 2016. - №7.

5. Бобылев А.Л. Антикризисное управление. - Учебное пособие для обучающихся по специальностям «Менеджмент организации». - БИЭФ, 2020. - 99 с

6. Петухов Д.В. Антикризисное управление. - М.: МИЭМП, 2021. – 134 с.

УДК 005.334:005.21

Салимбаев Е.А.
Докторант DBA, AlmaU

СТРУКТУРА И МЕТОДОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ АНТИКРИЗИСНОГО ПЛАНА

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические подходы к вопросам разработки антикризисного плана в процессе антикризисного управления предприятием. Для более детального понимания темы автором проводится контент-анализ научных источников по вопросам разработки плана при антикризисном управлении. В качестве вывода автор приходит к заключению, что наряду с содержательными изменениями антикризисный план необходимо вовремя исправлять и обновлять, чтобы данные, которые уже не представляют интерес и не являются актуальными не перегружали антикризисный документ. Также автором резюмируется, что приведенная структура антикризисного плана позволяет составить его наиболее простым и конструктивным способом. Его реализация даст возможность достичь следующих целей: избежать банкротство компании; нивелировать (сделать более мягкими его последствия), а соответственно – выжить; усилить позиции компании на рынке; обрести новые точки роста.

Цель исследования – структуру и методологию разработки антикризисного плана в процессе антикризисного управления.

В качестве методов выбраны следующие: контент-анализ научной литературы, анализ, синтез, сравнение и обобщение.

Ценностью исследования можно определить выделение (укрупнение) основных составляющих разработки структуры антикризисного плана с подробным описанием и инструкцией для чего и как следует это делать.

Результатами исследования представлены наиболее общие черты, которые могут быть присущи любому плану для антикризисного управления независимо от направления деятельности компании.

Ключевые слова: антикризисный план, управление, структура, совершенствование, банкротство.

Технология антикризисного управления включает в себя ряд последовательных шагов по реализации механизма воздействия на систему с целью предупреждения, смягчения и преодоления кризисов разных типов. В этой связи необходимо иметь системное видение, уметь целиком охватить взглядом ряд взаимосвязанных проблем, которые, к примеру, могут привести предприятие к банкротству или резко ухудшить социальное положение людей. Так, на уровне менеджмента предприятия антикризисное управление – это разработка стратегий, позволяющих достигать конкурентных преимуществ на рынке с учетом рисков; формирование антикризисной команды менеджеров и реализация программы по выходу из кризиса; проведение мероприятий, направленных на привлечение финансовых ресурсов в организацию и реструктуризация кредиторской задолженности; своевременное решение конфликтов и выбор оптимальной кадровой политики, проведение реорганизации на сложном этапе банкротства.

Принимая это во внимание, можно сформулировать, что в содержательном аспекте система антикризисного управления, в отличие от системы внутрифирменного, имеет типовую цель (не миссию) – «финансовое оздоровление предприятия», для достижения которой необходимо решить три типовые задачи:

- Устранение неплатежеспособности;
- Восстановление финансовой устойчивости;
- Расчет с кредиторами.

Эти точные ориентиры (цель и задачи) определяют специфику антикризисного управления:

- Четкость, конкретность и целенаправленность содержания всей системы планирования.

- Совпадение стратегической и тактической концепции (в том числе и по срокам реализации).

- Акцентирование внимания на финансовых, реструктурных и маркетинговых мероприятиях.

- Включение новых «шагов» или элементов в процесс планирования таких, как «реструктуризация долгов», «расчет с кредиторами», «программа реализации Плана финансового оздоровления предприятия».

- Повышение удельного веса плана финансового оздоровления предприятия среди других планов.

- Усложнение переплетения и иерархии видов планов: «Плана финансового оздоровления предприятия», «Плана внешнего управления», «Бизнес-планов».

Таким образом, чтобы антикризисное управление было эффективным, необходимо разрабатывать программу, состоящую из нескольких этапов. При этом важно понимать, что современная наука уже накопила достаточно теоретических и практических знаний о том, как этот процесс должен проходить и из каких этапов должен состоять, а также и то, что одинаковых программ для всех предприятий не существует, каждый этап программы может быть видоизменен в зависимости от специфики деятельности конкретной организации, но рассматривая в целом данный процесс становится очевидным, что он, как правило, состоит из следующих этапов:

- Сбор (создание) команды, члены которой будут заниматься антикризисным планированием.

- Поиск и сбор информации, а также проведение специальных диагностических процедур.

- Составление первичного (предварительного) антикризисного плана.

- Осуществление его тестирования.

- Совершенствование антикризисного плана с учетом результатов тестирования и «работы над ошибками» [1].

Подробное изучение каждого указанного этапа позволяет сформировать следующее понимание исследуемого вопроса.

1. Сбор (создание) команды, члены которой будут заниматься антикризисным планированием

Так, антикризисное планирование – это определенная деятельность, которая имеет ответственных лиц в каждой организации. Нельзя, чтобы за этот участок работы в организации никто не отвечал. Только в случае, если правильно распределены задачи и зоны ответственности указанное планирование может быть эффективным. Грамотно собранный коллектив профессионалов представляет собой начальный этап по направлению к эффективному антикризисному управлению.

Главная цель, которую преследует в своей деятельности команда антикризисного планирования – это исследование различных возможных рисков со всех сторон деятельности организации. Это делается для того, чтобы установить самые вероятные ситуации, а также оценить их влияние на деятельность организации (как положительное, так и негативное). Учитывая это, целесообразно включить в состав команды представителей техотделов, которые обладают наиболее достоверными и полными знаниями об этой стороне деятельности компании [2].

При создании команды, члены которой будут заниматься антикризисным планированием очень важно уделять пристальное внимание подбору персонала. Такие исследователи, как В.И. Орехов, К.В. Балдин и Т.Р. Орехова обращают на данный вопрос большое внимание, выступая с инициативой проводить реинжиниринг персонала. Применение реинжиниринга к персоналу предприятия дает возможность создать (собрать) такой коллектив, который будет работать не по отдельности (находясь в разных отделах и структурных подразделениях), а в процессной команде. При этом, утверждают исследователи [3], происходит разделение общей ответственности за выполнение всего процесса. Таким образом, реинжиниринг позволяет развивать способности

сотрудников, ориентируя их на переход от простых узкоспециализированных трудовых задач на многомерные [3].

Другой российский исследователь – Деникаева Р. И. в своих работах уделяет большое внимание тренингу кадров. Другими словами, все, кто отвечают за управление в кризисной ситуации, должны осознавать и понимать на каких принципах базируется антикризисное управление [4].

2. Поиск и сбор информации, а также проведение специальных диагностических процедур

Чтобы грамотно организовать полноценный процесс антикризисного планирования важно провести специальные диагностические процедуры в организации. Делается это для того, чтобы получить определенные результаты, которые станут основой (а точнее ответы на них, решения) для антикризисного планирования. Это, своего рода, алгоритм действий в кризисных ситуациях, то есть то, к чему и стремится антикризисное управление (на первом этапе): выделить проблемные моменты и запустить пошаговую инструкцию нивелирования негативных сценариев. Так, в результате диагностики следует определить:

- возможные рискованные направления деятельности компании;
- самые активные кризисные индикаторы;
- предсказуемые изменения внешней среды, а также их отрицательное влияние на компанию;
- главные принципы политики предприятия в сферах его активности;
- значимые стейкхолдеры и направленность их интересов [2].

3. Составление первичного (предварительного) антикризисного плана

Формальный кризисный план (технология) или руководство по действию в кризисных ситуациях существенно облегчает работу сотрудников в условиях неопределенности внешней среды. В этом случае, важно понимать, что разрабатываемая технология антикризисного управления в действительности будет применяться на практике. Это не просто какой-то документ для того, чтобы показать внешним/внутренним заинтересованным пользователям,

что в компании озабочены ее состоянием или состоянием окружающей среды и что-то с этим пытаются делать. На самом деле, организация должна строить всю свою работу, основываясь на указанную технологию, следуя ей, а не подходить к этому формально. В этой связи имеется необходимость опираться на следующие принципы (таблица 1).

Таблица 1 - Принципы технологии антикризисного управления

Принцип	Характеристика
Антикризисный план должен быть простым и понятным	При наступлении критической ситуации времени на изучение большого количества страниц антикризисного плана не будет. Необходимы понятные и четкие инструкции как поступать в той или иной ситуации с указанием контактных данных ответственных/заинтересованных лиц.
Антикризисный план должен быть актуальным	Актуальность обеспечивается наличием списков ключевых лиц, контактных данных, координат экстренных служб. Данная актуальность должна поддерживаться, то есть необходимы периодические обновления.
Антикризисный план должен быть адресным	Адресность обеспечивается конкретным описанием алгоритма действий для каждой вовлеченной группы сотрудников. Также могут быть отдельные правила, которые прописаны для иных лиц. Важно избегать абстрактных описаний для непонятного персонала.
Примечание: составлено автором на основании источника [4]	

Таким образом, понимание принципов, на которых базируется технология антикризисного управления, позволяет понять, что структура плана (об этом говорилось выше) индивидуальна в зависимости от организации. Тем не менее, можно выделить

наиболее общие черты, которые могут быть присущи любому плану для антикризисного управления. Это:

- введение. Данный раздел призван ознакомить заинтересованных лиц с целью создания антикризисного плана, привести обоснования его необходимости и уделить внимание рычагам, которые сделают исполнение этого плана обязательным для всех работников компании;

- прогноз всех возможных кризисных ситуаций. Данный раздел приводит полное описание случаев, которые могут возникнуть в перспективе. Их перечень, конечно, не может быть исчерпывающим, но описание типичных для предприятия кризисов даст возможность подготовить сотрудников на предмет того, что кризисная ситуация может произойти и в их организации, а это позволит избежать чувства растерянности;

- описание политики предприятия, его ценностей и базовых установок. Данный раздел необходим для того, чтобы в любой нештатной ситуации персонал компании продолжал придерживаться целей и ценностей организации, не теряясь под натиском кризисных обстоятельств. Практика показывает, что базовые установки, в виде внимания к потребностям своих потребителей, забота о сотрудниках, социальная ответственность в условиях кризиса, не должны остаться без внимания. Более того, они могут стать якорными установками, которые помогут преодолеть трудную ситуацию;

- предыдущий опыт. Уроки, извлеченные из прошлого опыта, дают возможность понять, как при помощи слаженных (прописанных, заранее разработанных) действий работников компании можно избежать состояния кризиса или же минимизировать его воздействие;

- разработка (ознакомление с уже имеющимся опытом) стратегий, определение тактики действий в кризисных ситуациях с учетом различных обстоятельств. Чтобы правильно составить данный раздел важно принять во внимание вышеперечисленные элементы технологии кризисного планирования;

- различные формы и образцы документов. Надо понимать, что в условиях антикризисного управления одним из самых дорогих

ресурсов является время, поэтому такие документы, как письма акционерам, пресс-релизы, обращения к клиентам – все это невозможно написать, составить в кризисной ситуации. Учитывая это, нужно подготовить все заранее.

– перечень лиц, которые несут ответственность за действия при антикризисном управлении. Это могут быть сотрудники службы безопасности, отдел по работе с клиентами, акционерами, а также отдел по связям с общественностью и другими коммуникациями). Перечень должен в обязательном порядке быть снабжен номерами контактных телефонов. При этом все позиции указанного списка должны содержать информацию (инструкцию) о том, при каких обстоятельствах важно обратиться к этому сотруднику;

– другие документы, которые также могут быть необходимыми, это: планы эвакуации, схемы пожарных выходов.

При этом необходимо понимать, что антикризисный план – это документ, нуждающийся в систематическом обновлении и пересмотре. Потому что, только находясь в условиях постоянной актуализации антикризисный план может быть действенным инструментом антикризисного управления.

4.Осуществление тестирования. После того как первоначальный вариант антикризисного плана составлен, необходимо проверить, насколько этот документ адекватен для организации и какие изменения в него необходимо внести. Для этого команда антикризисного планирования может использовать ряд методов, позволяющих одновременно протестировать антикризисный план и выяснить степень подготовленности предприятия к кризису [5].

Чтобы провести тестирование антикризисного плана некоторые предприятия проводят тренинги, другие используют диверсионный анализ, смысл которого состоит в составлении негативных сценариев, чтобы быть готовыми к любым нештатным ситуациям и действовать на их опережение. Так, в рамках антикризисного управления немаловажно осуществить диверсионный анализ антикризисного плана. Это следует сделать для того, чтобы заранее выявить все слабые места [6].

5. Совершенствование антикризисного плана с учетом результатов тестирования и «работы над ошибками». Необходимо добавить, что планирование представляет собой непрерывный и постоянный процесс, в связи с чем антикризисный план будет постоянно обновляться и дополняться. При этом анализ реализованных в рамках тестирования мероприятий является значимым информационным источником для того, чтобы данный план совершенствовать. Во избежание создания непонятных ситуаций и выполнения одной и той же работы дважды целесообразно в процессе тестирования плана все проблемы и неожиданные ситуации фиксировать, чтобы позднее можно было к ним вернуться и проработать их. На основании этих данных следует вносить в антикризисный план изменения. Наряду с содержательными изменениями антикризисный план необходимо вовремя исправлять и обновлять, чтобы данные, которые уже не представляют интерес и не являются актуальными не перегружали антикризисный документ. Но самое главное, что является основой плана антикризисного управления – это грамотно, проведенный анализ финансового состояния с использованием различных современных методик, по итогам которого можно принять решение о целесообразности проведения антикризисных мероприятий.

Таким образом, приведенная структура антикризисного плана позволяет составить его наиболее простым и конструктивным способом. Его реализация даст возможность достичь следующих целей: избежать банкротство компании; нивелировать (сделать более мягкими его последствия), а соответственно – выжить; усилить позиции компании на рынке; обрести новые точки роста.

Список использованной литературы

1. Антикризисное управление предприятием: учебное пособие / сост. Т. Н. Рогова; Ульянов. гос. техн. ун-т. – Ульяновск: УлГТУ, 2024. – 200 с.
2. Зуб А. Т., Панина Е. М. Антикризисное управление организацией: учебное пособие / А. Т. Зуб, Е. М. Панина. - М: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М. 2024. – 256 с.

3. Орехов В.И., Балдин К.В., Орехова Т.Р. Антикризисное управление: учебное пособие. - 2-е изд., испр. - М.: ИНФРА-М, 2019. - 540 с.

4. Деникаева Р.И. Механизм антикризисного управления в российской экономике и в зарубежных странах // Экономический анализ: теория и практика. - 2016. - №4 (109). - С. 39 - 45.

5. Попов Р.А. Антикризисное управление: учебник / Р.А. Попов. - М.: Высш. шк., 2021. - 429 с.

6. Вишневская О.В. Антикризисное управление предприятием / О.В. Вишневская. - Ростов н/Д.: Феникс, 2022. - 313 с.

УДК 658.15:330.341

Sapa Andrey
DBA student, AlmaU

INNOVATIVE APPROACHES TO COST MANAGEMENT OF ENTERPRISES IN KAZAKHSTAN BASED ON THE USE OF MULTIPLE OFFSETTING

Abstract

This study proposes an innovative model for cost management among non-state enterprises in Kazakhstan, utilizing a blockchain-enabled multiple offsetting system. In the context of increasing inter-enterprise debts, payment delays, and limited liquidity, traditional cost control mechanisms fall short in delivering efficiency and transparency. By introducing a system that enables the simultaneous cancellation of mutual debts across enterprise networks, this paper examines the integration of blockchain technology to automate, secure, and streamline these processes. Using data collected from 148 financial officers across key economic sectors, Structural Equation Modelling (SEM) was employed to evaluate the relationships between enterprise size, digital and blockchain readiness, and adoption of the system. The results show that all proposed drivers significantly influence the adoption of the offsetting mechanism, which in turn contributes to reductions in

operational costs and improvements in payment cycle efficiency. The findings provide both theoretical and practical contributions to the fields of financial technology, cost management, and enterprise digital transformation. The study aimed to support the scalability and institutionalization of such systems in emerging markets, such as Kazakhstan.

Keywords: *cost management, blockchain, multiple offsetting, financial technology, Kazakhstan*

INTRODUCTION

In recent years, Kazakhstan has actively pursued economic modernization and digitalization as strategic pillars for national growth. Businesses face both opportunities and challenges due to this change, particularly in managing their finances effectively [1]. One of the most significant challenges non-state companies face is maintaining low operating costs and minimizing payment delays in complex, large-scale supply and service networks [2]. Inter-enterprise debts are becoming substantial for many businesses, which is exacerbated by trading systems that do not function effectively and limited access to cash, mainly when the market is unstable or regulations are changing. The real-time demands of contemporary corporate networks are too great for the antiquated approaches to cost management, which depend primarily on human Labor and incompatible financial systems [3]. There is usually more work to perform, less data on financial flow, and fewer choices for dealing with multi-party responsibilities when using these outdated models. These problems are driving an increasing number of people to seek innovative, tech-based cost management solutions that can enhance company collaboration and financial management.

A multiple offsetting system [4] is one approach that may be effective for non-state businesses. A network of participating groups can cancel debts simultaneously using this method, which reduces the need for one-on-one cash settlements. When you integrate blockchain technology into this system, it becomes even more effective. For example, you can keep records safe and secure, utilize smart contracts, and process data in real time. This approach can help capital be used more efficiently, reduce administrative costs, and foster trust between financial

institutions if implemented correctly. Kazakhstan hasn't yet fully explored the potential of a blockchain-based multiple balance system despite the idea's promising nature [5]. There are still some aspects of how a company's digital readiness, size, and debt structure influence its decision to utilize these types of tools with a lack of understanding. Additionally, there have been few real-world studies examining how various balancing methods can save money and expedite the payment process. This is especially true after the fall of the Soviet Union.

Considering this, the goal of this study is to propose and test various offsetting systems that utilize blockchain technology and are designed explicitly for Kazakhstani businesses. By employing structural equation modelling (SEM), this paper aims to investigate the causal relationships between enterprise readiness, offsetting system adoption, and financial outcomes. The **objectives** of this research are threefold: to develop a conceptual model for a blockchain-based multiple offsetting system suitable for non-state enterprises in Kazakhstan, to identify key organizational factors that influence the adoption and success of this system, and to assess the measurable impact of the system on cost reduction and payment cycle efficiency.

To guide the investigation, the following research questions are posed:

- i. What organizational characteristics are most critical in determining the adoption of a blockchain-based multiple offsetting system?
- ii. How does the implementation of such a system affect enterprise-level cost efficiency?
- iii. To what extent can payment cycle delays be mitigated through a digital offsetting network?

This research contributes to the growing body of literature at the intersection of cost management, digital innovation, and financial technology. It also offers practical insights for policymakers and enterprise leaders seeking to enhance competitiveness and economic resilience in Kazakhstan's evolving market economy.

LITERATURE REVIEW

The field of cost management has undergone a significant transformation over the past few decades, evolving from static,

retrospective accounting systems to more dynamic and technology-driven frameworks [6]. In the early stages, corporate cost control primarily focused on budgeting, variance analysis, and financial reporting tools that utilized historical spending data extensively [7]. These traditional models were effective in business settings that were primarily stable and linear, but they didn't provide us with sufficient information to make informed decisions. Because they were reactive, they were less effective for businesses operating in rapidly changing markets, those with high competition, and those with interconnected operations. With the rise of modern technologies, there has been a shift in the way things are done. Today, cost management is all about planning funds, processing data in real time, and integrating systems. Strategic cost management systems utilize digital tools, cloud-based ERP solutions, and advanced analytics to optimize resource utilization, facilitating seamless collaboration among businesses [8]. These systems make things more open and flexible by allowing businesses to adjust their pricing structures instantly in response to market changes and the need to handle more complex operations. Businesses are receiving increasing advice on how to reduce waste and make their money go further. To achieve this, digital transformation has become an integral part of long-term plans to manage costs effectively [9].

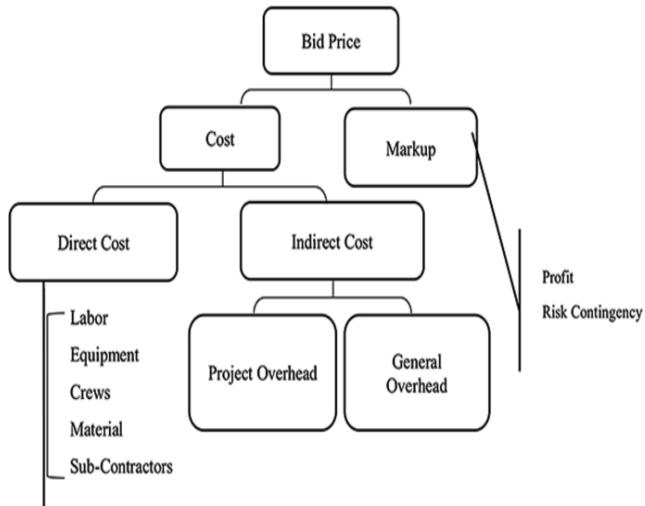

Figure 1- Cost estimation and prediction in construction projects [10-11]

This figure depicts the structure of a bid price, breaking it down into cost and markup components. There are two types of costs: direct costs and indirect costs. Direct costs include items such as labor, tools, and materials. The markup is the amount added for profit and risk, which determines the final bid price. The multiple offsetting method is a novel approach to addressing prices that is garnering significant attention. With this method, a group of business partners can settle each other's bills simultaneously. This helps you pay off your bills a lot faster. With various offsetting methods, the reconciliation process can become circular [12, 13]. This is not possible with traditional bilateral payment arrangements, which require cash to be transferred directly and in a specific order between different entities. This then enables the company to make better use of its resources and reduces the amount of cash exchanged. There are business-to-business (B2B) clearinghouses and trade exchange networks that operate similarly to this idea. These two things help people pay off their bills and move value without exchanging money right away. These systems feature a network-based ledger that companies with open bills and receivables can utilize to balance their accounts. This helps trade go more smoothly and lowers the need for cash on hand. These systems can

work even more efficiently if they are automated and utilize global ledgers, such as blockchain.

Adopting different offsetting methods could be highly beneficial in economies that are still transforming, such as Kazakhstan, where businesses frequently struggle with low cash flow, unstable markets, and late payments from other companies [14-16]. These payment systems can save money, enhance network security, and improve financial management compared to standard systems. When the economy is struggling, securing funding from external sources becomes more challenging, and businesses must rely on their speed and creativity to remain operational. Using traditional methods often leads to significant problems, even though having more than one system that balances each other out can be helpful. One crucial problem is that companies lack trust in each other [17-19]. This is a significant issue when deals are substantial and involve a considerable amount of money or multiple companies. It can also be chaotic and time-consuming to write down deals by hand. For centralized systems, on the other hand, issues can arise or fail in one place, making them less open and less reliable. Blockchain technology may be the most effective solution to address these issues. Blockchain records everything in a way that can't be changed and is available to everyone [20]. It's like a computer record that is spread out. It is spread out, so there is no need for a central power source. People are more likely to trust each other now. Smart contracts are a powerful tool that can be utilized with blockchain. They are pieces of code that, when executed, ensure that specific conditions and rules are met. Deals that don't work out can be tracked through these documents. Everyone can work independently and simultaneously without needing help from anyone else. It's safer, and there's less work to do in the background as a result.

Additionally, the way blockchain is built allows all approved parties in the network to view transactions simultaneously. This feature ensures that all data in the system is stable and in sync, which is crucial for coordinating finances among multiple parties. So, blockchain not only fills the technical and procedural gaps of current offsetting systems but also enables the development of more secure, automated, and transparent financial ecosystems [21]. Recently, an increasing number of academics have been studying the role of blockchain in multi-party financial

environments, particularly in business networks. As it becomes increasingly difficult for businesses to manage their finances, experts are exploring how decentralized technologies can enhance the collaboration between trade networks and supply chains, foster trust, and improve efficiency. There is more than just accurate record-keeping that these ecosystems need to maintain to track shared financial responsibilities. Aside from that, they need automated ways to implement the rules. In a 2016 study, Tapscott and Tapscott argue that blockchain could facilitate the easy sharing of value among businesses [22-23]. According to their research, the permanent ledger and real-time visibility of blockchain can help companies better manage their debts and avoid liquidity traps. This is especially true in industries with tight cash flow and interdependent payment systems. Obtaining credit can be challenging, and bills may be late in countries like Kazakhstan, which are still undergoing significant economic and social transformations. This is especially important for businesses in those places [24].

Using real-life examples, Priya shows how blockchain can be used to pay various suppliers. The blockchain can make things more transparent, ensure that rules are followed, and expedite the settlement of disputes between multiple parties [25]. Their performance is excellent in a system with diverse balancing, where trust and collaboration are crucial. In conclusion, this research suggests that blockchain could be a promising approach to developing tools that enable business networks to control costs and share resources more effectively. They work great in a system with different offsetting, where confidence and working together are both essential. Altogether, these studies demonstrate that blockchain could be a promising technology for developing tools that enable business networks to manage costs and coordinate their finances more effectively. Although blockchain applications for business are gaining popularity worldwide, a clear need remains for more empirical studies that focus on companies in Kazakhstan.

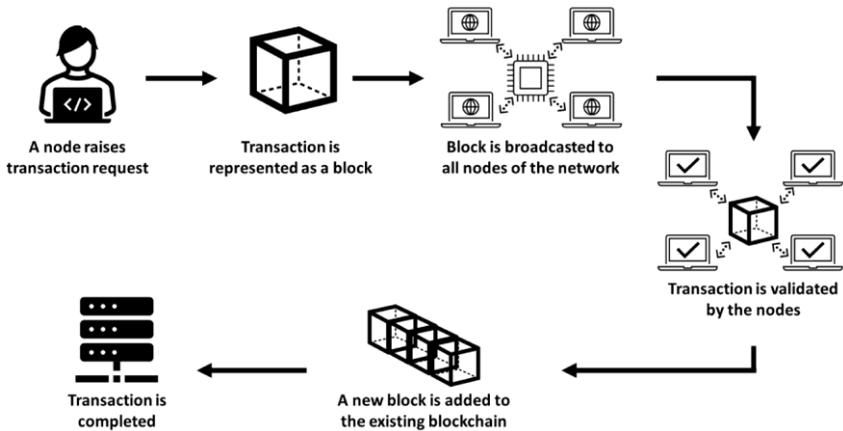

Figure 2 - Traceability platform based on green blockchain transaction process [26]

Figure 2 illustrates the blockchain transaction process, which begins with a transaction request and proceeds through block creation, broadcasting to the network, and validation by nodes. The addition of the verified block to the blockchain ultimately completes the transaction in a secure and decentralized manner. International studies have demonstrated that blockchain has been successfully applied in various fields; however, Kazakhstan's situation presents its unique challenges. Some of these problems include a lack of digital infrastructure, unclear regulations, and companies that are reluctant to adopt technologies that alter their business practices. These types of social and infrastructure issues could hinder and limit the use of blockchain, particularly for small and medium-sized businesses (SMEs). However, as Kazakhstan seeks to establish a digital economy and leverage innovative industry solutions, examining the feasibility and utility of blockchain-based systems is both timely and strategically crucial for informing future financial policies and innovation frameworks. At the same time, Structural Equation Modelling (SEM) has become a powerful approach to studying FinTech, particularly in examining how organizational traits influence the adoption of new technologies. Researchers can use SEM to test complicated models that include both known and unknown factors. They learn more about how

things happen and how to guess what will happen next. Because of the proliferation of digital technology, a new paradigm has emerged. Modern cost management practices center on real-time data processing, system integration, and concurrent financial planning. Organizations can work together more efficiently through strategic cost management systems that leverage digital technologies, cloud-based ERP solutions, and advanced analytics to optimize resource utilization [8]. Businesses can respond to shifting market conditions and operational complexity with real-time adjustments to their cost structures, thanks to these solutions, which provide transparency and flexibility. Businesses are being urged to cut costs and improve efficiency more and more.

METHODOLOGY

This section outlines the research design, data collection process, variable construction, and analytical method used to test the proposed conceptual model. The methodological approach is grounded in structural equation modeling (SEM) to assess the relationships between organizational characteristics and the adoption and impact of a blockchain-enabled multiple offsetting system.

Data Collection

A quantitative survey-based study was conducted to determine if and how a multiple offsetting system utilizing blockchain technology could be effective for non-state businesses in Kazakhstan. They were seeking senior managers, accountants, and financial officers responsible for budgeting and paying bills for their businesses. A total of 148 valid responses were received from companies operating in manufacturing, logistics, and services. Due to the numerous financial transactions and extensive networks between companies in these industries, they are well-suited for offsetting models. Data was gathered in the fall of 2021 using structured email questionnaires and online survey platforms. Questionnaires included details about the organization, signs of readiness for digital and blockchain technology, debt and cost measurements, and individuals' thoughts on how a system with multiple offsets might affect them. Individuals who responded were informed that their answers would be kept secret and unidentified to maintain integrity.

Variables and Model Structure

This study identifies three types of factors: independent, mediating, and dependent. The independent factors are the size of the business (SIZE), its level of digital readiness (DIGI), the amount of debt between businesses (DEBT), and the blockchain readiness index (BRI). The size of a business is determined by the number of employees it has and the amount of money it generates annually. This indicates the number of resources the company has and the volume of transactions it processes. A company is digitally ready when it has adopted key technologies, such as ERP systems, cloud accounting software, and online financial tools. A company's financial records can reveal the amount it owes other businesses, which can be used to calculate its inter-enterprise debt. A debt reduction may result from actions taken in response to this stark economic reality. Information technology (IT) infrastructure, blockchain expertise, experimentation spirit, and experience with digital pilot projects are some of the criteria evaluated by the blockchain-ready index.

Central to the strategy is the implementation of the Multiple Offsetting System (MOS), a mediator. This metric connects the dots between the company's characteristics and its financial performance. This metric assesses both the company's current use of and readiness to implement a blockchain-based accounting system. Alignment of strategy with blockchain-based innovations, interest from key stakeholders, and early implementation testing are all key components of this approach. Mediating between the two parties, the MOS emphasizes the importance of internal capabilities and how well those talents are used through technology adoption in determining results at the company level. The two dependent variables that show the expected monetary results of using the MOS are also established in the model. One is the Cost Reduction Index (COSTRED), which quantifies the degree to which operational and administrative expenses have been cut using the offsetting system. Company finance officers have contributed their forecasts, financial reports, and accounting data to this index. Payment Cycle Efficiency (PCE) is the second outcome, evaluating the promptness of payments, the number of delinquent accounts receivable settled, and the enhancement of the company's liquidity cycle. The combined influence of these dependent factors enables a precise evaluation of the blockchain-based

MOS's ability to support enterprises in Kazakhstan's dynamic economic environment.

Table 1 - Description of Conceptual Model Variables [33]

Variable	Type	Description
Enterprise Size (SIZE)	Independent Variable	Measured by the number of employees and annual revenue, reflecting the firm's resource capacity and transaction volume.
Digital Readiness (DIGI)	Independent Variable	Indicates the extent of digital technology adoption, such as ERP systems, cloud accounting, and online transaction tools.
Inter-Enterprise Debt Volume (DEBT)	Independent Variable	Represents the total accounts payable and outstanding inter-firm invoices, measuring the firm's unsettled obligations.
Blockchain Readiness Index (BRI)	Independent Variable	Index including IT infrastructure, blockchain expertise, openness to innovation, and participation in pilot digital projects.
Adoption of Multiple Offsetting System (MOS)	Mediating Variable	Captures the likelihood or current usage of blockchain-based offsetting systems, based on enterprise interest and implementation readiness.
Cost Reduction Index (COSTRED)	Dependent Variable	Assesses reduction in administrative and transactional costs, based on financial report data and estimated savings.
Payment Cycle Efficiency (PCE)	Dependent Variable	Evaluates improvements in payment speed and reductions in overdue invoices and receivables turnover.

Structural Equation Modeling (SEM)

To investigate the complex relationships proposed in the conceptual model, this study will employ structural equation modelling (SEM) using AMOS 26 statistical software. SEM is a more advanced method for multivariate analysis that enables the examination of both direct and indirect effects of a set of interconnected factors simultaneously. It works exceptionally well for this study because it discusses both observable characteristics (such as firm size and loan volume) and latent factors (like blockchain readiness and digital maturity) that cannot be directly measured but can be inferred from several observed variables. A confirmatory factor analysis (CFA) was conducted to verify the accuracy of the measurement model before the estimation process. CFA ensures that the survey indicators accurately reflect the hidden aspects they are intended to reveal. A set of indicators from previously validated research instruments or newly designed items, which have been tested for internal consistency, is used to describe each latent construct. Convergent validity will be verified by ensuring that factor loadings are more significant than 0.70. For discriminant validity, Average Variance Extracted (AVE) and the Fornell-Larcker criterion are used to make sure that each construct shares more variance with its indicators than with other constructs.

The structural model will be estimated once the measurement model is proven. The model utilizes four independent variables: Enterprise Size (SIZE), Digital Readiness (DIGI), Inter-Enterprise Debt Volume (DEBT), and the Blockchain Readiness Index (BRI). The adoption of the Multiple Offsetting System (MOS) is the variable that will connect the four variables. Afterward, methods will be developed from MOS to two key metrics that depend on it: the Payment Cycle Efficiency (PCE) and the Cost Reduction Index (COSTRED).

The SEM model was assessed using multiple goodness-of-fit indices to evaluate how well the hypothesized structure aligns with the empirical data. These indices will include the Comparative Fit Index (CFI), the Tucker-Lewis Index (TLI), the Root Mean Square Error of Approximation (RMSEA), and the Chi-square to degrees of freedom ratio (χ^2/df). Acceptable thresholds are typically CFI and TLI ≥ 0.90 , RMSEA ≤ 0.05 , and $\chi^2/df \leq 2$, collectively indicating that the model provides a good representation of the data structure. To estimate the effects of

variables, the SEM model will utilize the standardized regression equation form:

$$Y = \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \beta_4 X_4 + \varepsilon Y$$

Where:

Y represents the Adoption of MOS

X_1, X_2, X_3, X_4 Represent SIZE, DIGI, DEBT, and BRI, respectively.

$\beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4$ are the standardized path coefficients

ε is the error term

A second set of equations will estimate the impact of **MOS** on the two dependent outcomes:

$$COSTRED = \beta_5 \cdot MOS + \varepsilon_1$$

$$PCE = \beta_6 \cdot MOS + \varepsilon_2$$

These equations enable the precise quantification of mediated relationships, providing insight into the causal mechanisms that drive cost efficiency and payment improvements.

RESULTS AND ANALYSIS

According to the results of the structural equation modeling (SEM) study that was done to test the proposed conceptual model, all the independent variables have a statistically significant effect on the adoption of the multiple offsetting system (MOS), which in turn has strong positive impact on both cost reduction (COSTRED) and payment cycle efficiency (PCE). The study was conducted using AMOS 26 software, and standardized path coefficients were employed to examine the hypothesized relationships between variables.

Table 2 - Regression Weights (Standardized Estimates) [34]

Path	Coefficient	p-value	Interpretation
SIZE → MOS	0.412	<0.01	Larger firms are more likely to adopt the system
DIGI → MOS	0.356	<0.01	Digital readiness facilitates adoption
DEBT → MOS	0.271	0.02	High inter-enterprise debt motivates adoption.

BRI → MOS	0.439	<0.01	Blockchain readiness strongly predicts use
MOS → COSTRED	0.622	<0.01	The offsetting system significantly reduces costs
MOS → PCE	0.577	<0.01	Offsetting improves payment cycle efficiency

The enterprise size (SIZE) was found to be a strong predictor of MOS adoption ($\beta = 0.412$, $p < 0.01$), indicating that larger enterprises, which typically manage more complex transactional networks, are more likely and better equipped to adopt such systems. Similarly, Digital Readiness (DIGI) has a positive influence on MOS ($\beta = 0.356$, $p < 0.01$), confirming that firms that have already digitized their operations are more open to advanced cost management tools. Inter-enterprise Debt Volume (DEBT) also plays a notable role ($\beta = 0.271$, $p = 0.02$). Firms with higher outstanding inter-organizational debts perceive multiple offsetting as a strategic solution to improve liquidity. The Blockchain Readiness Index (BRI) yielded one of the highest coefficients ($\beta = 0.439$, $p < 0.01$), underlining the necessity of technological and infrastructural preparedness for the successful adoption of blockchain-based systems. The two dependent outcomes, Cost Reduction (COSTRED) and Payment Cycle Efficiency (PCE), exhibited strong positive correlations with the adoption of MOS. The MOS → COSTRED path had the highest coefficient ($\beta = 0.622$, $p < 0.01$), indicating significant operational savings resulting from the automated and simultaneous cancellation of multi-party debt. The MOS → PCE path ($\beta = 0.577$, $p < 0.01$) confirms that the system also improves the pace and predictability of payments.

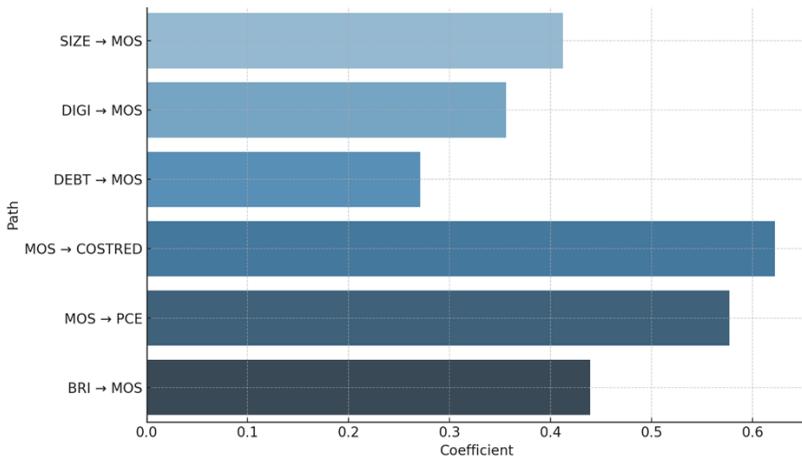

Figure 3 - Standardized Path Coefficients from SEM Analysis [35]

To assess the robustness and validity of the proposed structural model, a set of standard goodness-of-fit indices was employed, consistent with best practices in structural equation modelling (SEM). The results demonstrated an excellent model fit. The Comparative Fit Index (CFI) was recorded at 0.94, and the Tucker-Lewis Index (TLI) at 0.91, both exceeding the commonly accepted threshold of 0.90, indicating strong comparative fit relative to a null model. Additionally, the Root Mean Square Error of Approximation (RMSEA) was calculated at 0.045, which is well below the recommended maximum of 0.06, suggesting minimal error in approximation. The Chi-square to degrees of freedom ratio (χ^2/df) stood at 1.88, also falling within the ideal range of 1 to 2, reflecting a balanced model with both parsimony and explanatory power. Collectively, these indices confirm that the model is statistically sound and capable of reliably explaining the dynamics of blockchain-based multiple offsetting system adoption and its impact on enterprise performance within the Kazakhstani context.

DISCUSSION

A quantitative survey-based study was conducted to determine if and how a multi-balancing system utilizing blockchain technology could be effective for non-state businesses in Kazakhstan. The target audience consisted of financial officers, accountants, and top managers responsible

for managing costs and payments within their organizations. There were 148 valid replies from companies in the service, logistics, and manufacturing sectors. This group of industries was selected because they involve numerous financial transactions and extensive networks between companies, making them ideal for balancing models. Structured questionnaires were used to collect the data in the fall of 2021. The surveys consisted of various parts, including general information about the organization, indicators of digital and blockchain readiness, measures of debt and costs, and respondents' opinions on how a system with multiple offsets might impact them. Participants were informed that their responses would be kept confidential and anonymous to ensure they provided honest answers. The real-world results of this study strongly suggest that the level of inter-enterprise debt, digital readiness, and blockchain readiness all play a significant role in how non-state enterprises in Kazakhstan choose to use a multiple offsetting system (MOS). In a post-Soviet economy that is becoming increasingly digital, where outdated systems and unnecessary spending continue to hinder competitiveness, these results are particularly significant.

A strong positive relationship exists ($\beta = 0.439$, $p < 0.01$) between blockchain readiness (BRI) and the adoption of MOS. This highlights the importance of businesses having the proper digital infrastructure and technical skills to utilize advanced tools for managing their finances. Blockchain is a key component in making business networks open and independent of trust [27]. Another study found that companies that excel in technology adoption are more likely to utilize FinTech solutions to streamline transactions [28, 29]. This illustrates the importance of digital planning.

The effect of Inter-enterprise loan volume on system adoption also highlights the importance for Kazakhstani businesses to improve their liquidity as soon as possible. In other emerging economies with B2B clearinghouse models, firms are motivated to explore mutual debt reconciliation methods due to high transaction costs and late payments [30]. Our research showed that companies with significant debt saw MOS not only as a new technology but also as a strategic necessity for managing business risk. The use of MOS had a substantial impact on both reducing costs (COSTRED) and improving the speed of the payment

cycle (PCE). The results show that balancing systems based on blockchain can accelerate payment processes, eliminate unnecessary settlement steps, and reduce the operational costs of the system. These benefits are particularly beneficial for companies that work with numerous clients, such as those in logistics and manufacturing. Fair and open processes lead to better money management in networked systems [31-32]. The shorter payment cycle times observed are in line with this.

Implications

There are many important lessons that business leaders, lawmakers, and system developers can learn from this study. First, for blockchain-based offsetting platforms to be widely adopted, a substantial investment will be required in digital infrastructure, employee training, and organizational change management. Second, the results support the creation of regulatory sandboxes and legal frameworks that enable businesses to experiment with various approaches to balancing their effects without fear of violating the law. Third, business groups and trade associations may play a crucial role in facilitating network-level deals, which are essential for offsetting ecosystems to function effectively. As this is a new model for Central Asia, future longitudinal studies should be conducted to examine how MOS impacts firms' long-term profits, creditworthiness, and supply chain stability. Comparative studies with other transition economies, such as Uzbekistan, Georgia, or Azerbaijan, could also reveal how adoption drivers and obstacles differ in each area. In the future, researchers may also explore the integration of AI-powered smart contracts into the MOS system to further enhance automation and error detection.

Limitations

Although this study has some merits, it also has some drawbacks. First, the information is cross-sectional, which makes it more challenging to determine how one event leads to another over time. Second, the study utilizes poll data that participants filled out themselves, which may be biased by the way people answered the questions. Third, the sample size may not fully represent all aspects of the Kazakhstani economy, despite being sufficiently ample for SEM analysis. Lastly, the results are based on how ready people thought the blockchain was rather than how it was

used because there wasn't a nationwide blockchain system in place at the time the data was collected.

CONCLUSION

This study examined whether a blockchain-based multiple offsetting system could be a practical and valuable approach for non-state businesses in Kazakhstan to effectively manage their costs. Using structural equation modelling (SEM), the study demonstrates that key organizational factors, including size, digital readiness, blockchain readiness, and debt levels, have a significant impact on their decision to adopt these types of systems. Additionally, utilizing the multiple offsetting method has considerable potential to reduce operational costs and expedite the payment cycle, both of which are crucial indicators of a company's financial health and flexibility in today's business environment. The results demonstrate to business leaders the importance of investing in digital infrastructure and blockchain features to facilitate improved financial coordination. The study demonstrates to lawmakers the importance of establishing regulatory sandboxes, backing pilot projects, and fostering inter-organizational trust frameworks that facilitate the broader adoption of these systems. As Kazakhstan advances its digital transformation, blockchain-based multiple offsetting platforms could prove beneficial as both tools for businesses to enhance their efficiency and as foundational building blocks for a more open, robust, and competitive national economy.

References

1. Turkyilmaz A., Dikhanbayeva D., Suleiman Z., Shaikholla S., Shehab E. Industry 4.0: challenges and opportunities for Kazakhstan SMEs // *Procedia CIRP*. – 2021. – Vol. 96. – P. 213–218// <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212827121001049>.
2. Sekwat A., Tacaura J. W. Challenges of public service delivery in a global era // *Handbook Of Public Service Delivery*. – 2024. – P. 359–376. – Edward Elgar Publishing.// https://www.elgaronline.com/edcollchap/book/9781035315314/chapter2_1.xml.
3. Periyasami S., Periyasamy A. P. Metaverse as a future promising platform business model: Case study on fashion value chain // *Businesses*.

– 2022. – Vol. 2, № 4. – P. 527–545// <https://www.mdpi.com/2673-7116/2/4/33>.

4. Menezes D. R., Couser G., Radkevitch M. Highlighting businesses as key non-state actors in the Arctic: collaboration between Arctic Economic Council and Polar Research and Policy Initiative // Non-state actors in the Arctic region. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – P. 79–110// https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-12459-4_5.

5. Fong I., Yahya M. A. In defense of the free-banking stablecoins // Journal of Technology Law & Policy. – 2022. – Vol. 27. – P. 1// <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/jtlp27&div=4&id=&page=>.

6. Arkhipova D., Montemari M., Mio C., Marasca S. Digital technologies and the evolution of the management accounting profession: a grounded theory literature review // Meditari Accountancy Research. – 2024. – Vol. 32, № 7. – P. 35–64// <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/medar-07-2023-2097/full/html>.

7. Ibrahim A. E. A., Elamer A. A., Ezat A. N. The convergence of big data and accounting: innovative research opportunities // Technological Forecasting and Social Change. – 2021. – Vol. 173. – Article 121171// <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0040162521006041>.

8. Romero J. A., Abad C. Cloud-based big data analytics integration with ERP platforms // Management Decision. – 2022. – Vol. 60, № 12. – P. 3416–3437// <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/md-07-2021-0872/full/html>.

9. Mazzucchelli A., Chierici R., Del Giudice M., Bua I. Do circular economy practices affect corporate performance? Evidence from sizeable Italian manufacturing firms: Corporate Social Responsibility and Environmental Management. – 2022. – Vol. 29, № 6. – P. 2016–2029.

10. Tayefeh Hashemi S., Ebadati O. M., Kaur H. Cost estimation and prediction in construction projects: A systematic review on machine learning techniques // SN Applied Sciences. – 2020. – Vol. 2, № 10. –

Article 1703// <https://link.springer.com/article/10.1007/s42452-020-03497-1>.

11. Abu-Mahfouz E., Al-Dahidi S., Gharaibeh E., Alahmer A. A novel feature engineering-based hybrid approach for precise construction cost estimation using fuzzy-AHP and artificial neural networks // International Journal of Construction Management. – 2025. – P. 1–11// <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15623599.2025.2482207>.

12. Moore D. et al. Offsetting environmental impacts beyond climate change: The Circular Ecosystem Compensation approach // Journal of Environmental Management. – 2023. – Vol. 329. – Article 117068// <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030147972202641X>.

13. Shah S. S., Asghar Z. Dynamics of social influence on consumption choices: A social network representation // Heliyon. – 2023. – Vol. 9, № 6// [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(23\)04354-2](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(23)04354-2).

14. Howie P., Akhmetov D. Socio-economic constraints to low-carbon transitions: insights from Kazakhstan’s Emissions Trading Scheme // Climate Policy. – 2024. – P. 1–14// <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14693062.2024.2337178>.

15. Kazbekova D. et al. Mechanisms of stimulation of small-and medium-sized entrepreneurship: The experience of Kazakhstan // Journal of Risk and Financial Management. – 2024. – Vol. 17, № 7. – Article 257// <https://www.mdpi.com/1911-8074/17/7/257>.

16. Daniya G., Tang D. Green finance and industrial low-carbon transition: A case study on green economy policy in Kazakhstan // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, № 17. – Article 7731// <https://www.mdpi.com/2071-1050/16/17/7731>.

17. Grossmann K. et al. The critical role of trust in experiencing and coping with energy poverty: Evidence from across Europe // Energy Research & Social Science. – 2021. – Vol. 76. – Article 102064// <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2214629621001572>.

18. Shah S. S., Shah S. A. H. Trust as a determinant of Social Welfare in the Digital Economy // Social Network Analysis and Mining.

– 2024. – Vol. 14, № 1. – Article 79//
<https://link.springer.com/article/10.1007/s13278-024-01238-5>.

19. Shah S. S. Behavioral Economics: Insights into Consumer Decision-Making Processes // Premier Journal of Business and Management. – 2024. – Vol. 1. – Article 100001//
<https://doi.org/10.70389/PJBM.100001>.

20. Makkar S. et al. Blockchain Disruption in the Banking Sector// AIP Conference Proceedings. – 2022. – Vol. 2418, № 1. – Article 020019//
<https://pubs.aip.org/aip/acp/article-abstract/2418/1/020019/2822114>.

21. Kumar D. et al. Filling the SME credit gap: a systematic review of blockchain-based SME finance literature // Journal of Trade Science. – 2023. – Vol. 11, № 2/3. – P. 45–72//
<https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/jts-06-2023-0003/full/html>.

22. Aydiner A. S. New approach to a disruptive business model with dynamic capability under the blockchain technology // Management Strategies to Survive in a Competitive Environment. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – P. 17–32//
https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-72288-3_2.

23. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain revolution: How the technology behind Bitcoin and Cryptocurrency is changing the world. – London: Portfolio Penguin, 2016.

24. Fehlings S., Karrar H. H., Rudaz P. Small businesses and new adaptation capacities in Georgia and Kazakhstan // World Development. – 2025. – Vol. 191. – Article 106993//
<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305750X25000786>.

25. Priya N. Analysis of B2B Blockchain Apps Using Hyperledgers and Their Implications in This Digital Era // Bankruptcy and Reorganization in the Digital Business Era. – IGI Global, 2023. – P. 23–37//
<https://www.igi-global.com/chapter/analysis-of-b2b-blockchain-apps-using-hyperledgers-and-their-implications-in-this-digital-era/320301>.

26. Varavallo G. et al. Traceability platform based on green blockchain: an application case study in dairy supply chain // Sustainability. – 2022. – Vol. 14, № 6. – Article 3321.

27. Tan T. M., Saraniemi S. Trust in blockchain-enabled exchanges: Future directions in blockchain marketing // Journal of the Academy of Marketing Science. – 2023. – Vol. 51, № 4. – P. 914–939// <https://link.springer.com/article/10.1007/s11747-022-00889-0>.

28. Stulz R. M. Fintech, bigtech, and the future of banks // Journal of Applied Corporate Finance. – 2019. – Vol. 31, № 4. – P. 86–97// <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/jacf.12378>.

29. Gomber P., Kauffman R. J., Parker C., Weber B. W. On the fintech revolution: Interpreting the forces of innovation, disruption, and transformation in financial services // Journal of Management Information Systems. – 2018. – Vol. 35, № 1. – P. 220–265// <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07421222.2018.1440766>.

30. Bowden J. et al. A taxonomy of fintech innovation // Disruptive Technology in Banking and Finance: An International Perspective on FinTech. – 2021. – P. 47–91// https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-81835-7_3.

31. Challoumis C. The evolution of financial systems – AI'S role in reshaping money management // XVI International Scientific Conference. – 2024. – P. 128–151.

32. Wahab O. A. et al. Federated machine learning: Survey, multi-level classification, desirable criteria and future directions in communication and networking systems // IEEE Communications Surveys & Tutorials. – 2021. – Vol. 23, № 2. – P. 1342–1397.

33. Tönnissen, Stefan & Teuteberg, Frank, 2020. "Analysing the impact of blockchain-technology for operations and supply chain management: An explanatory model drawn from multiple case studies," International Journal of Information Management, Elsevier, vol. 52(C).

34. Tönnissen S., Teuteberg F. Understanding the impact of blockchain technology on inter-organizational relationships and processes in accounting and supply chain management // Journal of Enterprise Information Management. – 2020. – Vol. 33, No. 3. – P. 559–584.

35. Tönnessen S., Teuteberg F. Understanding the impact of blockchain technology on inter-organizational relationships and processes in accounting and supply chain management // Journal of Enterprise Information Management. – 2020. – Vol. 33, No. 3. – P. 559–584.

УДК 336.763:004.738.5

Sapa Andrey
DBA student, AlmaU

USING DIGITAL TOKENS TO ORGANIZE A SYSTEM OF MUTUAL OFFSETS BETWEEN ENTERPRISES IN KAZAKHSTAN

Abstract

This study proposes a novel approach to resolving inter-enterprise financial obligations among non-state enterprises in Kazakhstan by implementing a blockchain-based mutual offsetting system utilizing digital tokens. Motivated by the need to address payment delays, limited liquidity, and inefficient settlement cycles in traditional financial mechanisms, this research introduces a decentralized framework that enhances transparency, trust, and operational efficiency. Utilizing a hybrid methodology—structural equation modeling (SEM) to evaluate behavioural drivers, Markov chain analysis to model settlement transitions, and simulation-based analysis to test system scalability—the study provides a rigorous empirical foundation for the proposed model. The SEM findings emphasize the crucial role of institutional trust and system usability in enhancing transaction speed and financial efficiency. Markov modeling reveals strong long-term system stability, while simulations demonstrate that higher trust and participation rates lead to significantly faster resolution of obligations. This research provides a context-specific, scalable financial solution for enterprise networks in emerging markets, offering actionable insights for policymakers, fintech innovators, and enterprise leaders seeking to implement blockchain-driven financial infrastructures.

Keywords: *Blockchain; mutual offsetting; Markov Chain Analysis; Simulation; Financial efficiency; Enterprise networks*

INTRODUCTION

Kazakhstan's economic landscape, like that of many transitional economies, is characterized by a high degree of inter-enterprise indebtedness, particularly among non-state enterprises operating in the industrial supply chains, trade, and service sectors. Financial payments for these businesses are often delayed due to a lack of cash, faulty credit systems, and inefficient government procedures [1,2]. When this happens, firms' responsibilities to one another are not resolved for extended periods, which can lead to liquidity crises, business cycle disruptions, and a decline in the economy's competitiveness. When the economy is unstable, businesses are less willing to take risks and trust financial intermediaries less, which exacerbates the problem. As a result, many business deals remain unfinished, which hinders operations and reduces the private sector's contribution to the national economy's growth.

The standard financial systems in Kazakhstan do not provide people with a flexible or open way to pay off their bills quickly and affordably [3]. Financial institutions such as banks lack the resources necessary to manage micro-settlement procedures involving dozens or hundreds of enterprises from various sectors [4]. Additionally, companies may not always have the flexibility they need to manage debts that accumulate over time, and the existing rules and regulations do not always encourage timely bill payments. These problems underscore the need for a new approach that does not rely on cumbersome accounting procedures or payments made in foreign currency to ensure sufficient funding. In light of these problems, this research examines the potential of digital currency built on a blockchain as a new method for companies to settle each other's loans. Due to the immutable, transparent, and secure nature of blockchain-based digital tokens, they can facilitate bilateral and multilateral agreements, making monetary transactions unnecessary [5]. This approach can streamline all financial operations, build trust among trading partners, and eliminate unnecessary payment cycles. Tokenization can also make smart contracts more accessible, allowing for

the swift and lawful settlement of disputes between parties through the exchange of digital assets when fulfilled.

More precisely, the study's objectives are to (1) construct a theory that unifies tokenization, (2) investigate the economic and behavioral dynamics of such a system using Structural Equation Modeling (SEM) to find out how institutional trust affects system usability, transaction speed, and financial efficiency, and (3) model changes in an enterprise's debt status using Markov chain analysis and find stable and convergent offsetting behavior. Lastly, simulation-based experiments will be conducted to evaluate the system's performance in various economic scenarios and with different levels of enterprise involvement.

To better understand how blockchain technology can enhance corporate and business finance, as well as fintech innovation in developing nations, this study contributes to existing knowledge. This paper proposes an innovative strategy for enterprise-level mutual settlement systems that utilizes digital tokens. This differs from previous studies, which have mostly concentrated on consumer transactions or Bitcoin trading using tokens. In reality, it is crucial for Kazakhstan, as many small and medium-sized businesses (SMEs) struggle to access funds. In addition to reducing transaction costs and wait times, the proposed approach establishes a transparent structure that fosters confidence without requiring a governing body to oversee it. In addition to serving as an example for other nations with comparable economic systems, this aligns with Kazakhstan's goals to expand its digital footprint. To shape our investigation, this work posed the following questions:

i. How can digital tokens be effectively utilized within a blockchain-based system to facilitate mutual offsetting among enterprises in Kazakhstan?

ii. What are the causal, transitional, and behavioral dynamics that determine the efficiency and stability of such a system under various operational scenarios?

LITERATURE REVIEW

Digital Currencies and Transaction Transparency

The emergence of digital currencies has fundamentally altered traditional paradigms of financial exchange and value storage [7]. Since

the inception of Bitcoin as an autonomous peer-to-peer electronic cash system, digital currencies have evolved from obscure cryptographic innovations to widely recognized financial tools used globally [8]. Blockchain technology is what makes them possible. It allows transaction records to be spread across a network of nodes, with each node maintaining a current copy of the ledger [9]. This system eliminates the need for a central clearing authority, which speeds up transactions, makes them easier to verify, and reduces the likelihood of hacking. Digital currencies help economies that are fragmented or lack sufficient banking infrastructure, as they eliminate the need for intermediaries [10]. This is especially helpful in places where access to official financial institutions is limited.

One of the primary benefits of digital currencies is that they can facilitate transparent transactions. Every action on a blockchain is forever recorded and encrypted, creating a continuous audit trail that can't be changed [11]. This feature significantly reduces the likelihood of fraud, duplicate spending, or altering records. Traditional banking systems, on the other hand, can be challenging to understand, require confirmation from a third party, and are vulnerable to compromise from within or outside the bank. Because the history of transactions is publicly available in blockchain-based systems, users, regulators, and system managers can view how money is moving in real time. Businesses that deal with multiple parties or have long supply chains will benefit from this feature, as it enhances trust and accountability across business networks.

Additionally, the fact that blockchain activities cannot be altered and can be tracked has a direct impact on ensuring that contracts and regulations are adhered to. Digital currencies can be used to write the terms of a transaction directly into smart contracts in places where financial agreements are complex to enforce or take too long to be processed by the government [12]. These deals can only be made when certain conditions are met, which means there is less need for court cases or arbitration. Many businesses in Kazakhstan are in debt and often struggle to settle their outstanding obligations. Cryptocurrencies built on blockchain technology could offer a faster and more transparent way to resolve these disputes without relying on the slow banking or legal systems [13-15]. Lastly, digital currencies help people trust and be open

with each other in the economy, which is essential for building long-lasting business communities [16]. When there is little trust in a business, digital currencies ensure that everyone has access to the same verified data. Payments are not always made on time, transactions are not always legitimate, and individuals may not always have the same information. People who run businesses that utilize these open systems are more likely to find partners they can trust, achieve good credit scores, and reduce their business risks. In this research, digital currencies are more than just helpful technological tools; they are also crucial for supporting the model of mutual offsetting used in Kazakhstan's non-state business sector.

Mutual Credit Systems in Business Networks

Mutual credit systems have long been recognized as effective methods for addressing financial challenges in small or niche economies [17]. Members can trade goods and services by taking money from the network instead of using cash or capital from outside sources. The idea behind these systems is simple yet effective. These kinds of systems are helpful when it is hard or impossible to use traditional banks due to uncertain finances or a decline in the value of the dollar [18]. Every activity in these networks contributes to and detracts from the network's finances. All members' balances stay at zero. This makes sure that credit is given in a way that everyone can control and does not go too far. Even if they do not have cash on hand, this allows them to continue producing goods to meet customer needs and keep the economy going. There are now Local Exchange Trading Systems (LETS) or networks that enable businesses to trade with each other in many places where trade credit systems were previously used [19]. With the help of chambers of commerce or local economic development groups, these plans have been successful in several countries. There are digital platforms that support them, track transactions, manage accounts, and send out regular reports. They are a more formal way to trade than plain old bartering. People in the same business community can trade more quickly and trust each other more with these kinds of tools. It will only work if the network is stable, there are established rules for trading with each other, and accurate information is available about each participant's creditworthiness and their handling of transactions.

This method has been in use for a long time and has been proven effective. However, some issues with it keep more people from using it. This is especially true in Kazakhstan, which has a large market with numerous new products. Most of these issues stem from the lack of safe regulation and real-time visibility. Often, paper or platforms that are only partially digital are used in traditional systems. This can lead to mistakes in accounting, settlement delays, or even fraud. Most of the time, these systems lack the necessary technology to connect with traditional banking systems or expand into other fields. This is an area where blockchain technology could be beneficial. By adding mutual credit reasoning to blockchain-based smart contracts, rules for offsetting can be automated [20, 21]. Balances can be checked at any time, and transactions can be cleared transparently. With these technological advances, mutual credit could transition from being a niche solution to a means for Kazakhstani business networks to manage their finances, scaling as needed.

Blockchain Technology and Decentralized Trust

In many areas, such as healthcare and financial services, blockchain technology has become a crucial component in establishing decentralized trust [22]. At its core, blockchain is a shared, immutable ledger where transactions are recorded in chronological order and confirmed by consensus methods, such as Proof of Work or Proof of Stake [23]. In centralized systems, one authority controls who can access and validate data. Blockchain, on the other hand, distributes this work across a network of nodes, eliminating the risk of failure or manipulation at a single point. Blockchain is not just a means of digitizing things; it's also a new way of operating, where trust is built into the code, mathematics, and network protocol [24]. This shift in thinking is particularly significant in economies where trust in institutions is low, where rules are unclear or scattered, or where financial practices are not transparent.

Blockchain has the potential to transform enterprise-to-enterprise networks in Kazakhstan entirely [25]. Many businesses in Kazakhstan, tiny and medium-sized non-state organizations, struggle to access reliable financial services due to the need to deal with private sector providers. Adding blockchain to these kinds of networks can make records of responsibilities and settlements clear and unchangeable, which means that there is less need for third-party oversight or reconciliation. Smart

contracts can also be used to program blockchain, which means that automatic settlement rules can be set up that cause mutual offsets when certain conditions are met, such as matching invoices or ensuring credit limits are met [26]. Due to these factors, blockchain is an ideal choice for a mutual balancing system that a single party does not control. Businesses with varying levels of technical expertise can all participate in a secure, rule-based financial environment in this manner.

Smart Contracts and Automated Offsetting Mechanisms

Many people are interested in smart contracts because they can automate and enforce financial transactions without the need for intermediaries. Smart contracts are deals written in code that run themselves on blockchain platforms [27]. These digital contracts take effect immediately upon meeting certain conditions. This reduces the likelihood of errors, rule changes, or process delays. Smart contracts can enhance the way businesses interact with each other, particularly in terms of billing, balancing, and settling accounts in real time. Their study shows that incorporating smart contracts into business systems can significantly reduce their processing time and costs [28]. Additionally, smart contracts are particularly beneficial in networks with multiple parties, where diverse legal responsibilities and contractual arrangements complicate coordination.

Pilot projects in regions such as Central and Eastern Europe have demonstrated that smart contracts can be utilized for applications including public procurement, asset tracking, and invoice discounting [29]. However, these technologies have not yet been widely used in Kazakhstan because the country's economy and government are very different. Some problems include businesses often struggling to utilize technology effectively, the law not always recognizing digital contracts, and the challenge of accessing blockchain development tools. Additionally, most studies conducted to date have focused solely on technical execution rather than examining the behavioral, organizational, and systemic factors that influence adoption. This study addresses these problems by incorporating smart contract logic into a comprehensive system model that incorporates Structural Equation Modelling (SEM), Markov chain analysis, and simulation-based testing. To achieve this, it examines both the technical viability and the sociotechnical dynamics

that will determine the effectiveness of automated offsetting systems in Kazakhstan's actual business environment.

Gaps in Literature and Research Contribution

While global interest in blockchain applications and digital tokens has surged in recent years, the academic literature remains notably limited in terms of practical implementations within the **Central Asian context**, particularly in Kazakhstan. Much of the research conducted so far has focused on cryptocurrency markets, trading digital assets, and theoretical models that aren't always connected to the real-world economic and regulatory contexts of developing countries. Non-state businesses in Kazakhstan frequently encounter challenges related to inter-enterprise debt and limited cash flow. There is an urgent need for practical research that takes into account the country's complicated institutions, legal systems, and limited infrastructure. Also, the conversation about blockchain isn't always cohesive. Few cross-disciplinary models combine new financial ideas with institutional and behavioral research, making them useful for informed business decisions.

This study fills these gaps by providing a comprehensive, multi-method framework for analysis tailored to Kazakhstan's business environment. Unlike previous models that only examine blockchain through technical or economic lenses, this research employs structural equation modeling (SEM) to illustrate how behaviors are caused, Markov chain analysis to demonstrate how states change in offsetting behavior, and simulation-based testing to assess the system's performance in various scenarios. Not only does the model verify whether digital tokens can be used for mutual offsetting, but it also provides valuable insights to business managers, fintech developers, and policymakers. By focusing on Kazakhstan's socioeconomic situation and employing rigorous quantitative methods, the study contributes to the understanding of establishing decentralized mutual settlement systems in emerging countries.

METHODOLOGY

This study employs a hybrid quantitative methodology to assess the feasibility, behavior, and effectiveness of a blockchain-based mutual offsetting system utilizing digital tokens among non-state enterprises in Kazakhstan. The three main components of the methodological

framework are Structural Equation Modeling (SEM) for determining the causes of behavior and its underlying mechanisms, Markov Chain Analysis for modeling the states that change during financial settlement cycles, and simulation-based analysis for evaluating the system's stability and scalability when business dynamics are altered.

3.1 Data Collection and Instrumentation

Structured questionnaires were sent to 150 mid-level and top managers at non-state businesses in Kazakhstan to get primary data for the SEM analysis. People from various fields, including manufacturing, transportation, wholesale trade, and IT services, completed the survey. With a 5-point Likert scale, the poll aimed to gather insights into aspects that were not immediately apparent, such as institutional trust, the ease of use people perceived in the system, transaction speed, and financial efficiency. Each construct was operationalized through multiple indicators:

Table 1 - Measurement of constructs [36]

Construct	Measurement Items
Institutional Trust	Trust in blockchain integrity, confidence in data transparency
System Usability	Ease of use, learning curve, platform accessibility
Transaction Speed	Time to process offsets and delays in mutual settlements
Financial Efficiency	Cash flow improvement, reduction in unsettled obligations

Structural Equation Modeling (SEM)

Structural Equation Modelling (SEM), is employed to examine the relationships between key behavioral and system-related factors that influence businesses' decisions to adopt a blockchain-based mutual balancing system. SEM can be used for studies that examine latent variables, such as the trustworthiness of an organization or the ease of use of a product. The structure of the model allows you to perform both measurement (linking observed indicators to latent variables) and structural paths (linking latent variables), making it easier to examine the

entire theory framework. The SEM for this study consisted of four latent factors: Institutional Trust (IT), System Usability (SU), Transaction Speed (TS), and Financial Efficiency (FE). Multiple survey questions, scored on a Likert scale, were used to measure each of these concepts, and confirmatory factor analysis was employed to verify the accuracy of the measurement model. The structural model was created to show the expected directional relationships between these constructs, which are shown by the following system of linear equations:

$$SU = \beta_1 \cdot IT + \varepsilon_1$$

$$TS = \beta_2 \cdot SU + \varepsilon_2$$

$$FE = \beta_3 \cdot TS + \varepsilon_3$$

In these equations, $\beta_1, \beta_2, \beta_3$ Represent the path coefficients that quantify the strength and direction of the causal effects, $\varepsilon_1, \varepsilon_2, \varepsilon_3$ Are the associated error terms that capture variance not explained by the model. The model was estimated using AMOS 24.0, a popular structural equation modeling (SEM) program that enables the creation of path diagrams and provides maximum likelihood estimation methods. To describe the entire model, it is necessary to determine which factors are exogenous (not related to the model) and which are endogenous (related to the model) and then match the covariance structure suggested by the hypothesized relationships to the data collected. Before estimating, the SEM assumptions were checked, including multivariate normality, the absence of multicollinearity, and the sample size ($N = 150$, which is the recommended number of observations per parameter). The following section discusses the real-world results of the estimations, including model fit indices and the statistical significance of the hypothesized links.

Markov Chain Analysis

This study employs Markov Chain Analysis to demonstrate how financial interactions evolve in a system where they balance each other out. When you want to describe systems that change from one state to another over discrete time intervals, you can use a Markov chain. The "memoryless" property is the basis of this method. This means that the chance of moving to a future state rests only on the current state and not on the order of states that came before it. Because of this, Markov chains are well-suited for modelling processes such as financial settlements, where the outcome of each transaction depends on the current settlement

conditions rather than the paths taken in the past. A finite-state Markov model was created to illustrate how a single transaction evolves through separate settlement steps within the context of enterprise mutual offsetting. The balancing process is considered to have three states for this study: Pending, Partially Offset, and Fully Offset. These states illustrate the typical lifecycle of obligations between businesses, from payments that haven't been initiated or settled yet to offset transactions that have been completed and duly settled. Using a map of the changes between these states over time, the Markov model allows us to estimate the likelihood of transactions being in each state at each time step.

The transition probabilities indicate the likelihood of a person transitioning from one state to another. The ideas that went into creating them were based on facts, such as how businesses operate and the laws in Kazakhstan. After combining these probabilities, a transition matrix was created. This is the primary mathematical tool for Markov modeling. To study the system's long-term or steady-state behavior, which can solve the matrix equations that describe the equilibrium conditions. This can be done once we know how the changes are structured. This way, we can determine how the system remains stable over time and how many transactions are likely to stay in each state when everything functions as intended. This study employs Markov Chain Analysis to examine the proposed digital token-based balancing system from a systems perspective and assess its stability and effectiveness. It illustrates how transaction states evolve, how quickly equilibrium can be achieved, and how structural factors, such as trust levels and participation rates, influence the system's overall functioning.

Simulation-Based Analysis

A simulation-based analysis is employed in this study as an additional method to gain a deeper understanding of how the proposed mutual offsetting system operates and its temporal evolution. For controlled lab settings that accurately replicate complex processes found in the real world, simulations are a great approach. Researchers can observe how a system responds to changes in specific factors. A discrete-time computer model was developed to test the key aspects of enterprise-to-enterprise compensation in this work. Changes in behavior, such as trust in groups and participation rates, transferring money from one

person to another, and keeping and breaking vows, are among these factors. They created a computer model to evaluate the effectiveness of the mutual balancing system in various hypothetical scenarios that simulated different market conditions and business practices. The simulation examined multiple factors, including the number of transactions, the initial level of trust businesses had in the system, and the limits on offset settlement. These things were chosen because they have a clear link to how quickly debts can be matched, found, and paid off in a decentralized system. Because the computer observed how the system behaved over a large number of time steps, it was possible to identify patterns such as cycles, bottlenecks, and movement toward balance. The input conditions were changed in a planned way by the simulation. This allowed the study to measure several success indicators. The system tracked key metrics, including the time it took to stabilize, the average number of transaction cycles required for full resolution, and the evolution of the number of unresolved debts over time. These signs indicate how the model can be scaled up and its stability. Some changes to design factors and rules may also impact how things function in the real world. Along with SEM and Markov Chain Analysis, the simulation-based method provides a comprehensive and dynamic framework for evaluating the effectiveness, reliability, and long-term performance of Kazakhstan's blockchain-based mutual payment systems.

RESULTS AND ANALYSIS

Structural Equation Modelling (SEM)

The SEM analysis revealed strong and statistically significant causal relationships between the core constructs modeled in the study. Institutional Trust (IT) had a substantial and positive impact on System Usability (SU), as shown by the path coefficient. $\beta=0.67$. This means that greater trust in the integrity and openness of the blockchain leads to a more positive perception of the offsetting platform's usability. It was also found that Transaction Speed (TS) increased when usefulness increased, with a positive path coefficient. $\beta=0.48$. This means that systems that are easier to use process offsets faster. Finally, Transaction Speed had a positive effect on Financial Efficiency (FE), as indicated by the path coefficient $\beta = 0.72$. This means that faster payments directly lead to better cash flow and fewer unpaid bills. With an RMSEA of 0.04, a CFI

of 0.96, and a TLI of 0.94, the model provides a good overall fit to the data. These measurements demonstrate that the suggested structural links accurately match the data structure, which supports the proposed theoretical framework. The results demonstrate the importance of trust and ease of use in ensuring the effective operation and widespread adoption of blockchain-based mutual balancing systems.

Table 2 - SEM Path Coefficients and Significance [42]

Relationship	Path Coefficient (β)	Significance (p-value)
Institutional Trust $\rightarrow$ System Usability	0.67	$p < 0.01$
System Usability $\rightarrow$ Transaction Speed	0.48	$p < 0.05$
Transaction Speed $\rightarrow$ Financial Efficiency	0.72	$p < 0.01$

The SEM analysis reveals that trust in the system has a significant impact on usability, which in turn accelerates transactions and improves financial efficiency. All paths are statistically significant, confirming the strength of the theoretical model.

Markov Chain Analysis

The Markov Chain model provided insights into the dynamic transitions of enterprise transactions through different stages of financial settlement: pending, partially offset, and fully offset. The transition matrix quantified the probabilities of moving from one state to another in each period, offering a probabilistic view of offset progression. By solving the steady-state equations, the analysis revealed that over time, approximately **58.3% of all transactions** would converge to the Fully Offset state, while 22.9% would remain in the Partially Offset state, and 18.8% would persist in the Pending state. This distribution suggests a high level of maturity and efficiency in the system under typical behavioral conditions, indicating that the proposed offsetting model can resolve a significant majority of transactions with limited external intervention. The Markov model also demonstrated the importance of

behavior depending on its current state. For instance, transactions marked as "Partially Offset" had a 30% chance of being changed to "Fully Offset" in the next cycle. This indicates that there is active progress in the resolution stage of the offsetting cycle.

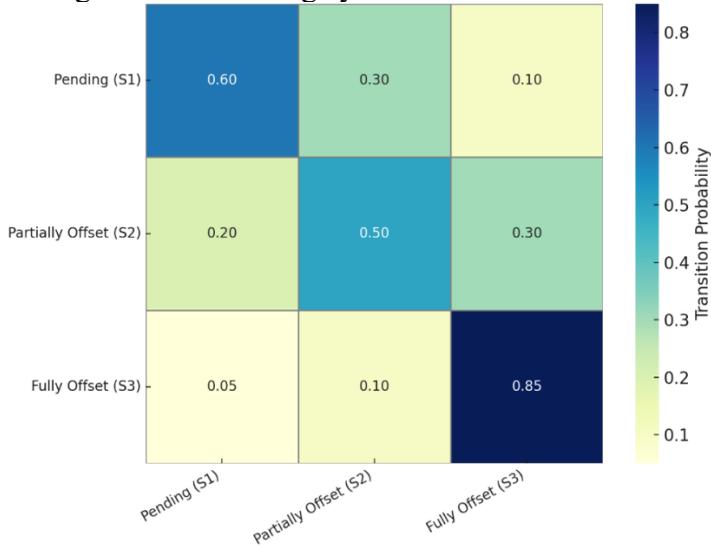

Figure 1- Markov Transition Matrix Heatmap [38]

The transition matrix (Figure 1) illustrates that most transactions initially in the Pending state either remain in this state or transition gradually to the partially offset and fully offset states. Transactions in the fully offset state tend to stay resolved, indicating strong system convergence and low backflow into unresolved states.

Table 3 - Markov Steady-State Probabilities [39]

State	Steady State Probability
Pending	0.1875
Partially Offset	0.2292
Fully Offset	0.5833

In the long run, about 58.3% of transactions will be fully offset. This

steady-state result suggests that the system naturally moves toward resolution over time, ensuring long-term liquidity and reducing the number of unresolved obligations.

Simulation-Based Analysis

Simulation experiments were conducted to understand how the mutual offsetting system would perform under various operational scenarios. Key performance indicators included the time required to reach equilibrium (defined as when 90% of transactions are fully resolved), the average number of cycles per transaction, and the volatility in unsettled transactions. Two contrasting simulation scenarios were tested: (1) **Low Trust, Low Participation** and (2) **High Trust, High Participation**. In the first case, it took 18 cycles to reach equilibrium, and the resolution of transactions was very unstable. The second scenario, on the other hand, changed much less and reached equilibrium after eight cycles. As trust and participation rose, the average number of cycles per transaction dropped again, this time from 5.2 to 2.7. These results support the SEM findings by demonstrating that trust and participation are crucial for the system to function effectively. These models indicate that the proposed offsetting method is effective in various real-life business scenarios, as it is both flexible and scalable.

Table 4 - Simulation-Based System Performance Metrics [40]

Scenario	Time to Reach Equilibrium (cycles)	Avg. Cycles per Transaction	Variance in Unsettled Transactions
Low Trust, Low Participation	18	5.2	0.34
High Trust, High Participation	8	2.7	0.09

The simulations show that systems with high trust and participation stabilize faster and have fewer transactions that remain unsettled. Systems with low trust and participation tend to take longer to settle

obligations and exhibit more significant variability, highlighting the importance of incorporating trust-building mechanisms into blockchain-based financial models.

Figure 2 - SEM Path Diagram [41]

The SEM Path Diagram illustrates how core factors that influence financial outcomes interact with each other in a specific sequence. For example, Institutional Trust improves System Usability, which in turn enhances transaction speed, ultimately driving financial efficiency. This pathway focuses on the behavioral logic behind the widespread use and performance of blockchain-based offsetting systems.

Discussion

The results of this study strongly support the idea that non-state businesses in Kazakhstan could utilize blockchain-based digital coins to establish a system of mutual offsets. SEM was used to demonstrate that institutional trust, system usefulness, and transaction speed are three key behavioral factors that strongly predict improved financial efficiency in business networks [30]. Previous research in the field of digital finance has demonstrated that trust and ease of use are key factors in encouraging people to adopt financial tools [31, 32]. These results back this up. The SEM model is relatively strong, which means that digital offsetting systems should prioritize being open, incorporating features that foster trust, and offering easy-to-use interfaces to encourage businesses to adopt and continue using them.

The Markov Chain Analysis provided us with more information by simulating how business deals progress through the various stages of settlement, including Pending, Partially Offset, and Fully Offset. Even if we assume that people will behave conservatively, the steady-state results show that more than half of all deals will ultimately reach the Fully Offset state. This finding supports the notion that businesses develop behavioral

patterns that facilitate transaction settlement once they join offsetting ecosystems. This aligns with our understanding of social credit and local exchange trading systems (LETS): trust in the network and regular participation contribute to making systems more stable over time [33]. The Markov model also demonstrates that a well-structured token-based system can guide business behavior toward consistent and predictable financial outcomes, even in situations with initial challenges.

A simulation-based study assessed the system's performance in various economic scenarios, serving as a critical stress test. By altering how much people believe and participate, the simulations demonstrated that the system could be scaled up and still function effectively. Things that had a lot of trust and teamwork reached balance more than twice as fast as things that did not have as much confidence. It is clear from this that faith in institutions is a crucial factor in determining the effectiveness of a system. As with other studies on blockchain-based procurement systems [34, 35], the simulation results also demonstrated that digital tokens could help mitigate transaction risk. SEM, Markov analysis, and simulation are all distinct methods used in conjunction to support the theoretical model in this study and provide valuable insights to individuals interested in utilizing these types of systems.

Although the results appear promising, this study has some issues that need to be addressed. First, the data used for SEM estimates were cross-sectional, which made it more challenging to observe how behavior changes over time. Longitudinal data can provide more insight into how enterprise trust and usage habits evolve. Second, the Markov transition odds were based on hypothetical assumptions rather than real-world observational data. These assumptions were based on empirical norms, but they might not entirely reflect differences between sectors or sudden market disruptions. Third, the simulation model only looked at how the system behaved at the macro level. It didn't consider how firm strategies, legal limits, or transaction types that are unique to a sector might affect how offsetting dynamics work. The model also assumes that the setting for adopting technology is neutral. This might not be the case in all parts of Kazakhstan, where digital infrastructure is still being developed. Lastly, this study only looked at non-state businesses. Adding public sector organizations or banking institutions could significantly expand

and enhance the liquidity of the offsetting network. In the future, further study should be conducted on how these groups influence or regulate tokenized offset systems. Adding regulatory simulations, smart contract enforceability, and blockchain interoperability to future models could also enhance the utility of the system we've built here in real-life applications.

Conclusion

This study aimed to investigate the feasibility and effectiveness of utilizing blockchain-based digital tokens to establish a system of mutual offsetting among non-state enterprises in Kazakhstan. The study employs a range of methods, including structural equation modeling (SEM), Markov Chain Analysis, and simulation-based modeling, to demonstrate that this type of system can significantly improve the liquidity, efficiency, and financial coordination of transactions between businesses. The SEM results indicated that institutional trust is a key factor influencing the ease of use of digital platforms. This, in turn, speeds up transactions and results in better financial outcomes. These changes in behavior make it clear that lawmakers and system designers need to build trust by making governance clear and user experiences easy to understand. The Markov Chain model demonstrated that the proposed system was internally stable, predicting that a large number of transactions would naturally converge toward full resolution over time, even without direct intervention. Ultimately, simulations demonstrated that trust and participation rates are crucial factors in enhancing system performance. Environments with high trust reach equilibrium much faster and with fewer unresolved responsibilities. Following these results, several areas for further study are suggested. First, to gain a better understanding of how behavior changes over time, future research should aim to collect longitudinal data on how businesses implement blockchain-enabled offsetting systems in the real world. Second, the current model should be expanded to include dynamics that are unique to each sector. This is especially important in fields such as construction, agriculture, and energy, where offsetting responsibilities are typical but vary significantly in scope and complexity. Third, it may be beneficial for future studies to include actors from the public sector, financial institutions, or central banks in the offsetting ecosystem. This would enable us to examine how

hybrid public-private settlement models can enhance network effects, liquidity, and regulatory compliance. Cross-border offsetting systems, legal frameworks for digital tokens, and the enforceability of smart contracts in different regulatory contexts could be some other areas of interest.

In the real world, the study has significant implications for business leaders, individuals developing fintech products, and policymakers. The study demonstrates to business leaders how to establish decentralized financial systems that reduce the company's reliance on traditional banks and enhance its liquidity. The discovered behavioral pathways offer developers and tech companies insights into creating more compelling user experiences and features that foster trust. Finally, the results demonstrate to lawmakers and regulators how token-based mutual offset systems can help more people access financial services, reduce the risk of small businesses going bankrupt, and support the broader goals of digital transformation and economic resilience. Using digital tokens to cancel each other out is not only a new technology but also a significant shift in how businesses manage their finances. This method could lead to a more reliable, effective, and long-lasting economic system in Kazakhstan and other developing countries if it is carefully implemented.

References

1. Challoumis, C., & Eriotis, N. (2024). The Historical View of the Banking System in Greece During the Financial Crisis. *Journal of Ecohumanism*, 3(8), 991-1011. <https://ecohumanism.co.uk/joe/ecohumanism/article/view/4776>.
2. Raj, P. V. R. P., Jauhar, S. K., Ramkumar, M., & Pratap, S. (2022). Procurement, traceability, and advance cash credit payment transactions in supply chain using blockchain smart contracts. *Computers & Industrial Engineering*, 167, 108038. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0360835222001085>.
3. Nagimova, A. Z. (2023). Islamic finance in Kazakhstan: the view of experts. *Journal of Islamic Accounting and Business Research*, 14(8), 1195-1215.

<https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/jiabr-09-2021-0265/full/html>.

4. Barrett, J. (2021). Tax Determinism and the Cityscape: A Skeptical Approach. *Tax L. Rev.*, 75, 271. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/taxlr75&div=12&id=&page=>.

5. Cappai, M. (2023). The Role of Private and Public Regulation in the Case Study of Crypto-Assets: The Italian Move Towards Participatory Regulation. *Computer Law & Security Review*, 49, 105831. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364923000419>.

6. Oza, V. J., Nikte, A., Bhanushali, V., & Rote, U. (2024, April). Smart Contracts and Tokenization: Revolutionizing Real Estate Transactions with Blockchain Technology. In *2024 International Conference on Inventive Computation Technologies (ICICT)* (pp. 1598-1604). IEEE. <https://ieeexplore.ieee.org/abstract/document/10544886>.

7. Wu, Y., & Zhu, W. (2024). Evolution of Digital Currencies. In *The Fundamentals of Digital Currency* (pp. 15-34). Springer, Singapore. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-97-8261-1_2.

8. Dodd, N. (2018). The social life of Bitcoin. *Theory, culture & society*, 35(3), 35-56. <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0263276417746464>.

9. Antal, C., Cioara, T., Anghel, I., Antal, M., & Salomie, I. (2021). Distributed ledger technology review and decentralized applications development guidelines. *Future Internet*, 13(3), 62. <https://www.mdpi.com/1999-5903/13/3/62>.

10. Cesaratto, S., & Febrero, E. (2023). Central Bank Digital Currencies: a proper reaction to private digital money?. *Review of Keynesian Economics*, 11(4), 529-553. <https://www.elgaronline.com/view/journals/roke/11/4/article-p529.xml>.

11. Vajrobol, V., Jasim, O. M., Aggarwal, N., Pundir, A., Singh, S., & Saxena, G. J. (2025). Blockchain Technology Applications for E-Government and Trust. In *Blockchain Technology for Cyber Defense, Cybersecurity, and Countermeasures* (pp. 174-194). CRC Press. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.1201/9781003449515-11/blockchain-technology-applications-government-trust-vajratiya>

vajrobol-osamah-mohammed-jasim-nitisha-aggarwal-amit-pundir-sanjeev-singh-geetika-jain-saxena.

12. Khan, S. N., Loukil, F., Ghedira-Guegan, C., Benkhelifa, E., & Bani-Hani, A. (2021). Blockchain smart contracts: Applications, challenges, and future trends. *Peer-to-peer Networking and Applications*, 14, 2901-2925. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12083-021-01127-0>.

13. Ramesh, S. (2025). Cryptocurrencies. In *The Political Economy of Contemporary Human Civilisation, Volume II: From Quantum Computing and Nuclear Fusion to War and Conflict* (pp. 93-140). Cham: Springer Nature Switzerland. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-84185-9_4.

14. Shah, S. S., & Asghar, Z. (2023). Dynamics of social influence on consumption choices: A social network representation. *Heliyon*, 9(6). [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(23\)04354-2](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(23)04354-2).

15. Shah, S. S., & Shah, S. A. H. (2024). Trust as a determinant of Social Welfare in the Digital Economy. *Social Network Analysis and Mining*, 14(1), 79. <https://link.springer.com/article/10.1007/s13278-024-01238-5>.

16. Gómez-Carmona, O., Buján-Carballal, D., Casado-Mansilla, D., López-de-Ipiña, D., Cano-Benito, J., Cimmino, A., ... & Bujalkova, N. (2023). Mind the gap: The AURORAL ecosystem for the digital transformation of smart communities and rural areas. *Technology in Society*, 74, 102304. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X23001094>.

17. Fantacci, L., & Lorenzini, M. (2024). Technology versus trust: Non-bank credit systems from notarized loans in Early Modern Europe to cryptolending. *Structural Change and Economic Dynamics*, 69, 83-95. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0954349X23001662>.

18. Catalini, C., de Gortari, A., & Shah, N. (2022). Some simple economics of stablecoins. *Annual Review of Financial Economics*, 14(1), 117-135. <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-financial-111621-101151>

19. Raza, A., Jingzhao, L., Adnan, M., & Ahmad, I. (2024). Optimal load forecasting and scheduling strategies for smart homes peer-

to-peer energy networks: A comprehensive survey with critical simulation analysis. *Results in Engineering*, 22, 102188. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590123024004420>.

20. Zhang, T. Y., Feng, T. T., & Cui, M. L. (2023). Smart Contract Design and Process Optimization for Carbon Trading Based on Blockchain: The Case of China's Electric Power Sector. *Journal of Cleaner Production*, 397, 136509. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0959652623006674>.

21. Boumaiza, A., & Maher, K. (2024). Harnessing Blockchain and IoT for Carbon Credit Exchange to Achieve Pollution Reduction Goals. *Energies*, 17(19), 4811. <https://www.mdpi.com/1996-1073/17/19/4811>.

22. Deng, W., Huang, T., & Wang, H. (2022). A review of the key technology in a blockchain building decentralized trust platform. *Mathematics*, 11(1), 101. <https://www.mdpi.com/2227-7390/11/1/101>.

23. Sriman, B., Ganesh Kumar, S., & Shamili, P. (2021). Blockchain technology: Consensus protocol proof of work and proof of stake. In *Intelligent Computing and Applications: Proceedings of ICICA 2019* (pp. 395-406). Springer Singapore. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-15-5566-4_34.

24. Shah, S. S., Serna, R. J., & Delgado, O. S. (2023). Modelling the influence of social learning on responsible consumption through directed graphs. *Electronic Research Archive*, 31(9), 5161-5206. <https://www.aimspress.com/article/id/64b6854cba35de6aa6340ed9>.

25. Appelbaum, R. P., Cao, C., Han, X., Parker, R., & Simon, D. (2018). *Innovation in China: Challenging the global science and technology system*. John Wiley & Sons.

DOI:<https://www.wiley.com/enus/Innovation+in+China%3A+Challenging+the+Global+Science+and+Technology+System-p-9780745689562>.

26. Srivastava, S. (2023). Prospective Application of Blockchain in the Mutual Fund Industry. In *New horizons for Industry 4.0 in modern business* (pp. 121-148). Cham: Springer International Publishing. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-20443-2_6.

27. Negi, D., Sah, A., Rawat, S., Choudhury, T., & Khanna, A. (2021). Blockchain platforms and smart contracts. In *Blockchain Applications in IoT Ecosystem* (pp. 65-76). Cham: Springer International Publishing. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-65691-1_5.
28. Kirli, D., Couraud, B., Robu, V., Salgado-Bravo, M., Norbu, S., Andoni, M., ... & Kiprakis, A. (2022). Smart contracts in energy systems: A systematic review of fundamental approaches and implementations. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, *158*, 112013.
<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032121012764>.
29. Özkan, E., Azizi, N., & Haass, O. (2021). Leveraging smart contracts in project procurement through DLT to gain sustainable competitive advantages. *Sustainability*, *13*(23), 13380.
<https://www.mdpi.com/2071-1050/13/23/13380>.
30. Masroor, I., Tasneem, S., Alam, M. N., Hossen, S. S., Nabi, M. N. U., & Ghosh, A. (2023). Transaction governance structure, institutional voids and transaction efficiency: An analysis of small and medium-sized enterprises in emerging markets. *Business Strategy & Development*, *6*(4), 724-738.
<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/bsd2.273>.
31. Chong, F. H. L. (2021). Enhancing trust through digital Islamic finance and blockchain technology. *Qualitative Research in Financial Markets*, *13*(3), 328-341.
<https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/qrfm-05-2020-0076/full/html>.
32. Thatthasrani, U. S., & Jianguo, W. (2022). Do digital finance and the Technology Acceptance Model strengthen financial inclusion and SME performance? *Information*, *13*(8), 390.
<https://www.mdpi.com/2078-2489/13/8/390>.
33. Ding, X., & Zhong, D. Y. (2021). Rethinking China's social credit system: A long road to establishing trust in Chinese society. *Journal of Contemporary China*, *30*(130), 630-644.
<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10670564.2020.1852738>.
34. Sunyaev, A., Kannengießer, N., Beck, R., Treiblmaier, H., Lacity, M., Kranz, J., ... & Luckow, A. (2021). Token economy. *Business*

& *Information Systems Engineering*, 63(4), 457-478.
<https://link.springer.com/article/10.1007/S12599-021-00684-1>.

35. Wilson, K. B., Karg, A., & Ghaderi, H. (2022). Prospecting non-fungible tokens in the digital economy: Stakeholders and ecosystem, risk and opportunity. *Business Horizons*, 65(5), 657-670.
<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0007681321002019>.

36. Treiblmaier H. The impact of blockchain on e-commerce: a framework for the digital transformation of trust // *Journal of Electronic Commerce Research*. – 2018. – Vol. 19, No. 1. – P. 1–18.

37. Treiblmaier H. The impact of blockchain on e-commerce: a framework for the digital transformation of trust // *Journal of Electronic Commerce Research*. – 2018. – Vol. 19, No. 1. – P. 1–18.

38. Puterman M.L. *Markov Decision Processes: Discrete Stochastic Dynamic Programming*. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2005. – 668 p.

39. Puterman M.L. *Markov Decision Processes: Discrete Stochastic Dynamic Programming*. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2005. – 668 p.

40. Kwiatkowska M., Norman G., Parker D. *Probabilistic model checking for systems biology* // *Symbolic Systems Biology*. – Jones and Bartlett Publishers, 2010. – P. 31–59.

41. Developed by the author based on SEM results and model specification

42. Puterman M.L. *Markov Decision Processes: Discrete Stochastic Dynamic Programming*. – Hoboken: John Wiley & Sons, 2005. – 660-668.

ИНДЕКС ПРОЗРАЧНОСТИ НКО В КАЗАХСТАНЕ: ВОЗМОЖНО ЛИ ВНЕДРЕНИЕ ПРАКТИКИ GUIDESTAR И CHARITY NAVIGATOR?

Аннотация

В статье рассматривается адаптация международных индексов прозрачности GuideStar и Charity Navigator к специфике казахстанского благотворительного сектора с целью повышения открытости организаций и укрепления доверия общества. В рамках кабинетного исследования проведен контент-анализ отчетности шести казахстанских фондов, которые демонстрируют различные подходы к раскрытию информации. Оригинальность работы заключается в предложении концепции национального индекса прозрачности, адаптированного к особенностям Казахстана на основе международного опыта. Результаты показали значительные различия в уровне открытости фондов, фрагментарность в публикации финансовых данных, информации о руководстве и источниках финансирования. Эти результаты подчеркивают необходимость создания единой платформы для добровольной отчетности.

В статье также делается вывод о том, что внедрение прозрачных практик способствует повышению доверия доноров, укреплению конкурентоспособности организаций, улучшению их репутации и увеличению финансовых поступлений. Реализация предложенных рекомендаций создаст благоприятную информационную среду для развития благотворительности в Казахстане.

***Ключевые слова:** прозрачность НКО, благотворительные фонды, финансовая отчетность НКО, доверие к НКО, добровольная отчетность, подотчетность НКО.*

Некоммерческие организации, составляющие часть неправительственного сектора, занимают ключевое место в

структуре гражданского общества Казахстана.

Развитие НПО представляет собой важную внутриполитическую задачу, связанную с укреплением демократических процессов и активизацией участия граждан в социально-экономической и политической жизни, выступая важным фактором социальных преобразований.

Несмотря на отсутствие отдельного законодательства, полностью регулирующего деятельность НПО, в стране разработаны специализированные нормативно-правовые акты, определяющие правовой статус и регламентирующие работу некоммерческих организаций. В частности, в Казахстане внедрен механизм государственной координации деятельности НПО, который включает систему учета и контроля, направленную на обеспечение прозрачности их работы и повышение доверия со стороны общества.

Комитет по делам гражданского общества Министерства информации и общественного развития РК, выступая уполномоченным органом, несет ответственность за формирование государственной базы информирования общества о деятельности НПО. Данный механизм предусматривает участие некоммерческих организаций в реализации государственного социального заказа, что способствует их более активному вовлечению в общественные процессы [1, с.167-168]. Государственный социальный заказ, принятый Законом «О государственном социальном заказе» в 2005 году, рассматривается как наиболее эффективный экономико-правовой способ реализации приоритетных целевых социальных программ, направленных на решение социально-значимых проблем [2, с. 54]. Однако, несмотря на установленные правовые рамки, министерство сталкивается с рядом проблем, одной из которых является недостаточная готовность многих организаций предоставлять полную информацию о своей деятельности, в том числе по доходам и расходам. Как отмечает К. Черевык, это, в первую очередь, связано с низким уровнем активности значительной части НПО, так как лишь порядка 40% организаций активно функционируют, в то время как остальные не осуществляют полноценную деятельность либо ограничены в возможностях для

полноценного раскрытия информации о своей работе [1, с 168].

В начале 2000-х финансирование деятельности некоммерческих организаций в большей степени приходилось на международные фонды. Однако практика применения государственных социальных заказов привела к замене внутренними источниками [2, с. 55]. Это свидетельствует о необходимости дальнейшей оптимизации законодательных и организационных механизмов, направленных на повышение прозрачности и эффективности работы некоммерческих организаций в стране. Прозрачность является ключевым фактором, обеспечивающим доверие общества к некоммерческим организациям, особенно в благотворительном секторе.

Проблема организационной и финансовой прозрачности актуальна и для американского некоммерческого сектора, где насчитывается более двух миллионов зарегистрированных организаций в налоговой службе США (IRS). [3, с. 1–2]. В США действует крупнейший депозитарий общедоступной информации о некоммерческих организациях GuideStar.org, которая хранит публичные данные организаций, а также может предоставить дополнительную информацию по запросу инвесторов, включая финансовые данные, информацию о воздействии и эффективности, оставаясь при этом «нейтральной». GuideStar.org присваивает организациям уровень прозрачности в зависимости от объема информации, предоставленной помимо обязательной.

Э.Харрис и Д.Нилли в своем исследовании *«О детерминантах и последствиях прозрачности некоммерческих организаций»* отмечают, что только 16 % из 14 000 НКО предоставили дополнительные данные на своем профиле в 2013 году. Авторами описана предложенная в программе градация прозрачности и добровольного раскрытия, так как прозрачность больше связана с общей практикой предоставления пользователям информации и доступа с целью продемонстрировать открытость и подотчетность, в то время как добровольное раскрытие относится к индивидуальным данным организации, предоставленных добровольно [3, с. 3–4]. Выдвинутые Харрис и Нилли гипотезы о прямой зависимости прозрачности и улучшения информационной

среды от эффективного управления организацией, лучших финансовых результатов и профессионализма кадров были подтверждены проведенным исследованием. Более того, было доказано, что организации, зависимые от пожертвований, стремятся быть более прозрачными в своей деятельности.

Информация, раскрытая на GuideStar, синтезируется для доноров в формате, удобным для оценки количества и качества предоставляемой информации. Это позволило программе расширить ее возможности, посредством внедрения измеримых показателей результатов некоммерческих организаций, используемых ими для оценки своего прогресса [3, с. 25].

Проблемы организационной прозрачности становятся предметом исследований многих авторов из различных дисциплин, что по мнению Ф.Детье, С.Делькур и Ю.Виллемса, связано с различными социальными эволюциями, включая развитие технологии, повсеместное распространение информации и как следствие спрос на ощутимый уровень социальности ответственности организаций [4, с. 1]. Некоммерческие организации, несмотря на возможность применения управленческих практик, характерных для коммерческих и государственных организаций, представляют уникальную среду, где прозрачность в организационных контекстах имеет свои особенности:

- Сложная сеть заинтересованных сторон
- Менее иерархичная организационная культура
- Коллективные организации по природе с миссией, ориентированной на общество.

Проблемы прозрачности НКО возникают по причине подрыва доверия заинтересованных сторон, нестабильности государственного финансирования и увеличения конкуренции со стороны коммерческих структур, ввиду их вхождения в сектора, традиционно занимаемые НКО. В связи с этим, исследователи сходятся во мнении о важности разработки специфических интегративных рамок для организационной прозрачности бизнес и государственных структур [4, с. 2]. Именно прозрачность выступает конкурентным преимуществом, на которую НКО могут опереться для укрепления своих позиций и легитимности в конкурентной

среде. Ее реализация требует наличия ресурсов и возможностей, включая публичную осведомленность о действиях организаций, финансовые, технические и человеческие ресурсы [4, с. 5].

Размер, уровень активности, опыт, эффективность, профессионализм и политические связи совета директоров НКО способствуют увеличению прозрачности НКО, ввиду их высокой восприимчивости к политическому давлению в вопросах прозрачности. Другим механизмом управления, помимо эффективного финансового управления, является добровольное принятие программ мониторинга третьими сторонами. Согласно концепции прозрачности и в контексте НКО, доверие представляет собой степень уверенности заинтересованных сторон в том, что организация выполняет свои обязательства, раскрывая как положительную, так и отрицательную информацию и позволяет проводить мониторинг во избежание неудачных практик управления [4, с. 6-7].

Проблема организационной прозрачности исследуется в рамках теории общественных интересов, предполагающая ее регулирование за счет уменьшения информационной асимметрии, защиты или поощрения конкурентного рынка, способствуя распределению ресурсов. Однако, по мнению К.Кордери, регулирование благотворительности и соблюдение нормативных требований могут стать проблемой для малых и средних благотворительных организаций. К данному выводу автор пришел в результате анализа финансовой отчетности 300 благотворительных организаций Новой Зеландии [5, с. 834].

В отличие от Великобритании, где кодифицированы 13 благотворительных целей, Новая Зеландия сохранила четыре основные категории благотворительности. Регистрация организаций позволяет получать налоговые льготы как для благотворительных организаций, так и для доноров [5, с. 841]. Новая Зеландия также испытала «низкий уровень доверия», несмотря на создание регуляторов; респонденты были менее склонны доверять интернет-реестру благотворительных организаций. Следовательно, важно было снизить информационную асимметрию для создания эффективного рынка благотворительных организаций.

Вопрос прозрачности благотворительных организаций в Казахстане продолжает оставаться актуальным. Т.Нежина и А.Ибраева в своем исследовании подчеркивают особенности Казахстана, указывая, что доверие к НКО в стране остается на низком уровне из-за исторической практики государственного контроля и отсутствия традиций добровольной отчетности [6, с. 335]. Хотя существуют отдельные инициативы по публикации годовых отчетов, большинство НКО демонстрируют разный уровень открытости. Отсутствие единой системы оценки прозрачности затрудняет гражданам и донорам оценку надежности организаций, что в свою очередь снижает доверие к сектору и ограничивает приток благотворительных средств.

Цель текущего исследования заключается в анализе возможности адаптации практик GuideStar и Charity Navigator к казахстанским условиям с целью создания концепции национального индекса прозрачности для благотворительных организаций. Исследование основывается на анализе отчетности крупных казахстанских благотворительных фондов и сравнении индикаторов прозрачности международных систем. Ожидается, что результаты позволят предложить Министерству культуры и информации Республики Казахстан рекомендации по созданию платформы добровольной отчетности и внедрению системы оценки прозрачности НКО.

В ходе систематического анализа открытых данных, опубликованных благотворительными организациями, а также контент-анализа отчетов НКО, был определен уровень их прозрачности по ключевым индикаторам, адаптированным из систем GuideStar и Charity Navigator. В выборку включены шесть казахстанских благотворительных фондов: «Добровольное Общество Милосердие», «Қазақстан Халқына», «AYALA», «Харекет», «Дара» и «Фонд Халык» [7-12]. Сайты организаций содержат разделы с отчетностью, что позволяет провести сравнительный анализ степени раскрытия информации. Для оценки прозрачности использованы следующие группы индикаторов, заимствованные из международных практик:

- Финансовая отчетность: наличие аудированных отчетов, публикация балансов, детализация расходов и доходов
- Деятельность и достижения: описание программ, целей, достигнутых результатов
- Структура управления: информация о совете директоров, руководителях, их независимости.
- Источники финансирования: открытая информация о донорах, грантах, спонсорах.
- Политики и обратная связь: контакты, процедуры обработки обращений и жалоб.

Анализ был выполнен через сравнение наличия или отсутствия этих индикаторов на сайтах организаций, с выявлением сильных и слабых сторон в практике добровольного раскрытия информации. Результаты анализа отчетности шести ведущих казахстанских благотворительных организаций показали существенные различия в уровне раскрытия информации:

Финансовая отчетность:

- Фонд “Қазақстан Халқына” публикует подробные финансовые отчеты, включая балансы и распределение расходов по направлениям деятельности и информацию о всех поступлениях.
- Фонды “Қазақстан Халқына”, “Добровольное Общество Милосердие” и “АҮАЛА” публикуют отчеты независимых аудиторских организаций.
- Фонд “Добровольное Общество Милосердие” предоставляет информацию о всех поступлениях, разбитую по проектам и банковским счетам, а также подробные данные о расходах.
- Фонды “АҮАЛА”, “Фонд Халык” и “Дара” публикуют общие сведения о доходах и расходах, но детализированные балансы отсутствуют.
- Фонд “Харекет” не публикует финансовых отчетов.

Деятельность и достижения:

- Все организации описывают реализуемые программы, и публикуют годовые отчеты, однако уровень раскрытия информации очень разный, от подробного описания результатов в финансовом и количественном выражении у фонда “Қазақстан Халқына” до

малоинформативного списка конечных получателей помощи у фонда “Харекет”.

Структура управления:

- Фонды “AYALA” и “Дара” раскрывают состав учредителей, попечителей, руководства и сотрудников фонда.
- Фонд “Қазақстан Халқына” раскрывает состав попечительского совета и состав правления фонда.
- Фонд “Добровольное Общество Милосердие” предоставляет информацию о составе попечительского совета.
- Фонды “Фонд Халык” и “Харекет” ограничиваются информацией об основателях.

Источники финансирования:

- Фонды “Қазақстан Халқына” и “Добровольное Общество Милосердие” предоставляет информацию обо всех поступлениях от физических и юридических лиц оформленную в виде отчета о поступлениях с указанием даты, времени, суммы, жертвователя и другой связанной информацией.
- Другие организации не публикуют полные сведения об источниках финансирования.

Политики и обратная связь:

- Фонды “Қазақстан Халқына” и “Добровольное Общество Милосердие” публикуют более подробную информацию о правилах и механизмах получения помощи.
- Все организации предоставляют контактные данные, однако не раскрывают информацию о механизмах обработки жалоб.

Результаты анализа продемонстрировали, что уровень прозрачности казахстанских благотворительных организаций варьируется. Хотя некоторые фонды, такие как “Қазақстан Халқына”, “Добровольное Общество Милосердие”, “AYALA” и “Фонд Халык”, демонстрируют высокий уровень открытости финансовой отчетности, другие организации ограничиваются общими сведениями. Это свидетельствует о фрагментарности подходов к раскрытию информации в секторе. Публикация финансовых данных остается проблемной для большинства фондов, что снижает возможности доноров для оценки эффективности их работы.

Сравнение с международными практиками, представленных в системах GuideStar и Charity Navigator, показывает, что в Казахстане отсутствует единый стандарт отчетности, который бы стимулировал организации раскрывать информацию о своей деятельности в структурированном и доступном формате [13-14].

В США наличие таких платформ способствует усилению конкуренции между НКО за доверие доноров, что побуждает организации раскрывать всеобъемлющие сведения о финансах, программах и управлении [3, с.3]. В Казахстане же отсутствие подобного стимула приводит к минимальному уровню раскрытия информации.

Кроме того, анализ показал, что информация о структуре управления, источниках финансирования и механизмах обратной связи предоставляется лишь частично, что ограничивает возможности оценки внутренней устойчивости и подотчетности организаций. В странах с развитой благотворительной культурой эти элементы являются обязательными для получения высоких рейтингов прозрачности. Отсутствие таких данных в Казахстане может свидетельствовать о низкой зрелости сектора и недостаточной ориентации на интересы доноров и бенефициаров.

Таким образом, внедрение индекса прозрачности, аналогичного GuideStar или Charity Navigator, могло бы стать катализатором позитивных изменений в секторе. Платформа, объединяющая стандартизированные данные о финансовой отчетности, результатах деятельности, структуре управления и каналах обратной связи, способствовала бы росту доверия к казахстанским НКО и повышению их устойчивости.

Проведенное исследование подтвердило, что уровень прозрачности казахстанских благотворительных организаций является неоднородным. Несмотря на наличие отдельных положительных примеров, таких как фонды "Қазақстан Халқына", "Добровольное Общество Милосердие", "AYALA" и "Фонд Халык", некоторые организаций ограничиваются фрагментарным раскрытием информации. Основные проблемы связаны с недостаточным уровнем финансовой отчетности, отсутствием

данных о структуре управления, источниках финансирования и механизмах обратной связи.

Сравнение с международными платформами GuideStar и Charity Navigator показало, что ключевым фактором повышения прозрачности является создание единого национального индекса, стимулирующего НКО к добровольному раскрытию информации. Такой индекс должен включать оценку по следующим направлениям:

1. Финансовая отчетность: публикация аудированных отчетов, балансов, детальных данных о доходах и расходах.

2. Деятельность и достижения: раскрытие программ, целей, количественных и качественных результатов.

3. Структура управления: информация о совете директоров, руководстве, независимых членах.

4. Источники финансирования: сведения о донорах, грантодателях, партнерах.

5. Политики и обратная связь: контактные данные, процедуры рассмотрения обращений и жалоб.

В качестве рекомендаций для уполномоченного органа РК — Министерства культуры и информации Республики Казахстан:

1. Инициировать создание национальной платформы прозрачности благотворительных организаций, аналогичной GuideStar.

2. Разработать методику оценки прозрачности НКО, основанную на упомянутых индикаторах.

3. Стимулировать организации к добровольному раскрытию информации, предоставляя публичные рейтинги и признавая наиболее открытые НКО.

4. Проводить информационно-разъяснительную работу среди НКО и доноров, подчеркивая важность прозрачности и роли добровольной отчетности.

5. Рассмотреть возможность предоставления грантов или налоговых льгот наиболее прозрачным организациям.

Внедрение этих рекомендаций поможет повысить доверие к благотворительным организациям Казахстана, укрепить их репутацию и привлечь дополнительные ресурсы для реализации

социальных программ.

Список использованной литературы:

1. Черевык, К. А. (2023). Неправительственные организации Казахстана: Некоторые правовые основы функционирования. *Международный научно-исследовательский журнал*, (5), 167–170.
2. Diachenko, S. (2007). The government and NGOs in Kazakhstan: Strategy, forms, and mechanisms of cooperation. *Central Asia and the Caucasus*, 1(43), 44–56.
3. Harris, E., & Neely, D. (2018). Determinants and consequences of nonprofit transparency. *Journal of Accounting, Auditing & Finance*, 1–26. <https://doi.org/10.1177/0148558X18814134>.
4. Dethier, D., Delcourt, C., & Willems, J. (2021). Transparency of nonprofit organizations: An integrative framework and research agenda. *Journal of Philanthropy and Marketing*, 1–14. <https://doi.org/10.1177/0899764020971040>.
5. Cordery, C. (2013). Regulating small and medium charities: Does it improve transparency and accountability? *International Society for Third Sector Research and The John Hopkins University*, 831–851. <https://doi.org/10.1007/s11266-013-9381-6>.
6. Nezhina, T., & Ibrayeva, A. (2012). Explaining the role of culture and traditions in functioning of civil society organizations in Kazakhstan. *International Society for Third Sector Research and The John Hopkins University*, 335–358. <https://doi.org/10.1007/s11266-013-9354-9>.
7. Фонд “Добровольное Общество Милосердие”. (2023). Отчеты. <https://detdom.kz/reports>.
8. Фонд “Қазақстан Халқына”. (2023). Отчеты. <https://qazaqstanhalqyna.kz/ru/reports.html>.
9. Фонд “AYALA”. (2023). Отчеты. <https://www.ayala.kz/ru/reports/>.
10. Фонд “Харекет”. (2023). Отчеты. <https://xareket.kz/rus/reports>.
11. Фонд “Дара”. (2023). Отчеты. <https://dara.kz/about/reports/>.

12. Фонд “Халык”. (2023). Годовой отчет. <https://halykfund.com/wp-content/uploads/2024/11/Godovoj-otchet-2023.pdf>.

13. GuideStar. (2024). About Us. <https://www.guidestar.org>.

14. Charity Navigator. (2024). About Us. <https://www.charitynavigator.org>.

УДК 37.078

Тастанқызы Ажар
Докторант DBA, AlmaU

ФАКТОРЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Современный рынок образовательных услуг развивается под воздействием множества факторов, среди которых экономические, социально-демографические и технологические детерминанты играют ключевую роль.

В данном исследовании анализируются основные факторы, влияющие на привлекательность образовательного рынка, включая государственное финансирование, уровень платежеспособности населения, цифровизацию образовательных процессов и демографическую структуру общества. Особое внимание уделяется анализу работ зарубежных исследователей, что позволяет выявить современные тренды и закономерности в области образовательного менеджмента.

Полученные результаты имеют практическую значимость для образовательных учреждений, государственных структур и частных инвесторов, заинтересованных в развитии образовательного сектора в условиях цифровой трансформации.

Цель исследования – выявить ключевые экономические, социально-демографические и технологические факторы, влияющие на рынок образовательных услуг.

Методология исследования включает в себя комплексный

анализ факторов, влияющих на рынок образовательных услуг, с применением сравнительных методов. Данное исследование направлено на анализ влияния экономических факторов на рынок образовательных услуг с использованием актуальных данных и научных подходов. Особое внимание уделено работам современных зарубежных исследователей, которые раскрывают динамику взаимосвязи между уровнем доходов населения, объемами государственных инвестиций и доступностью образования в различных странах.

Ключевые слова: образовательные услуги, цифровизация, государственное финансирование, социально-демографические факторы, экономические факторы, управление образованием.

Современный рынок образовательных услуг находится под влиянием множества факторов, определяющих его привлекательность и доступность. Среди них экономические детерминанты, такие как доходы населения, государственное финансирование и ценовая политика, играют ключевую роль в формировании спроса и предложения на образовательные программы.

В условиях глобализации и цифровой трансформации образовательные учреждения вынуждены адаптироваться к меняющимся экономическим условиям, что требует пересмотра стратегий ценообразования и государственных механизмов поддержки.

Экономические факторы, такие как доходы населения, государственное финансирование и ценовая политика, играют ключевую роль в формировании спроса и предложения на рынке образовательных услуг.

Автор John Field (2020) в статье «Lifelong Learning and the Economy: The Challenges of the Fourth Industrial Revolution», исследует влияние экономических изменений, вызванных IV промышленной революцией, на систему образования. Он отмечает, что рост автоматизации и цифровизации требует увеличения инвестиций в образование и переподготовку кадров. Однако ограниченные государственные бюджеты и неравномерное

распределение доходов среди населения создают препятствия для реализации этих инициатив, что снижает доступность качественного образования для широких слоев общества [1].

Marcos Perez & Lucia Gomez (2021) в статье «Economic Inequality and Educational Opportunities: A Cross-Country Analysis», рассматривают влияние экономического неравенства на образовательные возможности в разных странах. Они обнаруживают, что в странах с высоким уровнем экономического неравенства доступ к качественному образованию ограничен для значительной части населения. Это связано с недостаточным государственным финансированием и высокой стоимостью обучения, что усиливает социальное расслоение и препятствует социально-экономической мобильности [2].

Emily Chen & Robert Lee (2022) в работе «Tuition Fees and Enrollment Rates: A Study of Policy Impacts», исследуют влияние изменений в ценовой политике на показатели зачисления студентов. Они подчеркивают, что повышение платы за обучение приводит к снижению числа поступающих, особенно среди студентов из малообеспеченных семей. Авторы рекомендуют внедрение гибких моделей оплаты и увеличение объемов стипендиальных программ для поддержания уровня доступности образования [3].

Claudia Reyes & Pedro Martinez (2023) в исследовании «Government Expenditure on Education and Its Effects on Economic Growth», анализируют взаимосвязь между государственными расходами на образование и экономическим ростом. Они приходят к выводу, что увеличение инвестиций в образование способствует повышению производительности труда и стимулирует экономический рост. Однако недостаточное финансирование и неэффективная ценовая политика могут привести к снижению качества образования и ограничению его доступности, что негативно сказывается на долгосрочном экономическом развитии [4].

Исследователь	Основная тема	Ключевые выводы	Методология исследования
John Field	Lifelong Learning and Economic Changes	Автоматизация требует роста инвестиций в образование	Анализ макроэкономических факторов
Xu, David & Kim	The Fourth Industrial Revolution and Education	Цифровая трансформация создает вызовы для образования	Статистический анализ влияния цифровизации
Margins on S.	Higher Education as a Public Good	Высшее образование способствует социальному развитию	Социологические исследования и сравнительный анализ
Barr N.	Higher Education Funding and Policy	Финансирование образования влияет на доступность	Эконометрический анализ образовательных систем
Psacharopoulos G. & Patrinos H.A.	Returns to Investment in Education	Экономическая отдача от образования остается высокой	Оценка ROI (возврата инвестиций) в образовании

Рисунок 1 - Матрица факторов, влияющих на привлекательность рынка образовательных услуг

Примечание: составлена автором на основе источников [1-5].

Таким образом, современные исследования подчеркивают критическую важность экономических факторов в формировании доступности и качества образовательных услуг. Доходы населения, объемы государственного финансирования и ценовая политика образовательных учреждений являются ключевыми детерминантами, влияющими на возможности получения образования и, следовательно, на социально-экономическое развитие общества.

Современные системы образования находятся под влиянием

различных социальных и демографических факторов, которые определяют уровень спроса на образовательные услуги, доступность обучения и его развитие в долгосрочной перспективе. Численность населения, уровень урбанизации, миграционные процессы, а также изменения в социальной структуре общества непосредственно влияют на образовательные стратегии государств.

В условиях глобализации и цифровой трансформации страны адаптируют свои образовательные системы, ориентируясь на меняющиеся потребности населения и экономическую ситуацию.

Представленная аналитическая матрица анализирует ключевые социальные и демографические аспекты, влияющие на рынок образовательных услуг в 5-ти странах, выявляя их уникальные особенности и основные тренды в сфере образования.

Страна	Численность населения (млн)	Спрос на образование	Тренды в сфере образования
США	331	Высокий, особенно в высшем образовании	Рост онлайн-образования, международная мобильность студентов
Китай	1412	Очень высокий, экспоненциальный рост вузов	Государственные инициативы по глобальному лидерству в образовании
Германия	83	Стабильный спрос, ориентация на дуальную систему	Акцент на техническое и профессиональное образование
Индия	1408	Огромный спрос, значительный рост частного сектора	Расширение доступа к образованию через цифровые технологии
Бразилия	213	Растущий спрос, усиление дистанционного обучения	Инвестирование в EdTech и цифровизацию университетов

Рисунок 2 - Аналитическая матрица социальных и демографических детерминант образовательных систем

Примечание: составлена автором на основе источников [6,7].

Социальные и демографические факторы оказывают значительное влияние на системы образования различных стран.

В странах с высоким уровнем урбанизации, таких как США и Германия, наблюдается стабильный спрос на высшее образование, что связано с концентрацией образовательных учреждений в городах и доступом к разнообразным ресурсам. Согласно данным ООН, к 2050 году степень урбанизации достигнет почти 70%, что будет способствовать дальнейшему росту спроса на образовательные услуги в городских районах.

В развивающихся странах, таких как Индия и Бразилия, наблюдается значительный рост численности молодежи, что приводит к увеличению спроса на образовательные услуги. Однако ограниченные ресурсы и инфраструктурные проблемы могут препятствовать удовлетворению этого спроса.

В Китае, несмотря на замедление роста населения, правительство активно инвестирует в образование, стремясь повысить качество и доступность обучения. В исследованиях, подчеркивается, что демографические факторы, такие как возрастная структура населения и миграционные процессы, существенно влияют на состояние рынка образования и требуют адаптации образовательных стратегий [8].

Исследователи уделяют внимание влиянию социальных и демографических изменений на рынок образовательных услуг. Например, американский экономист Norris M. Haunes в своей работе подчёркивает важность понимания школьного климата и его влияния на образовательные результаты. Автор отмечает, что создание позитивной школьной среды способствует улучшению академических достижений и социального поведения учащихся [9].

В условиях стремительного роста цифровых технологий образовательные учреждения адаптируют свои программы, расширяя доступ к образовательным ресурсам и повышая их качество.

Онлайн-образование стало неотъемлемой частью глобального образовательного процесса, позволяя студентам со всего мира получать знания независимо от географического положения.

Кроме того, внедрение искусственного интеллекта, адаптивных систем обучения и виртуальной реальности способствует персонализации образовательного опыта и повышению эффективности усвоения знаний.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровой трансформации образования сопровождается рядом вызовов, включая цифровое неравенство, кибербезопасность и необходимость постоянного обновления методических подходов.

Анализ технологических факторов, влияющих на рынок образовательных услуг, является ключевым для определения стратегий его дальнейшего развития и обеспечения доступности качественного образования для всех категорий обучающихся.

Цифровизация расширяет доступ к образовательным ресурсам, позволяя обучающимся из разных регионов получать качественное образование без необходимости физического присутствия. Инновационные методики, включая использование интерактивных платформ и адаптивных технологий, способствуют повышению эффективности обучения и удовлетворению индивидуальных потребностей студентов.

Однако внедрение этих технологий сопровождается вызовами, такими как необходимость обеспечения цифровой грамотности преподавателей и студентов, а также поддержание качества образовательного процесса в онлайн-среде.

Исследования показывают, что успешная интеграция технологических инноваций в образовательный процесс требует комплексного подхода, включающего обновление инфраструктуры, разработку новых педагогических стратегий и постоянное повышение квалификации преподавательского состава.

Кроме того, важно учитывать социальные и культурные аспекты, влияющие на восприятие и принятие новых технологий в образовании.

Анализ ключевых факторов, влияющих на рынок образовательных услуг, выявляет их взаимосвязи и степень воздействия на развитие образовательной сферы.

Экономические факторы, такие как государственное финансирование образования, уровень платежеспособности

населения и инвестиционная привлекательность сектора, играют решающую роль в формировании спроса и предложения на образовательные услуги. Например, увеличение государственного финансирования способствует повышению доступности образования и улучшению его качества, что, в свою очередь, привлекает большее число студентов. С другой стороны, высокий уровень платежеспособности населения позволяет большему числу людей инвестировать в свое образование, повышая общий спрос на образовательные услуги. Инвестиционная привлекательность сектора стимулирует приток частных инвестиций, способствуя развитию инфраструктуры и внедрению инноваций в образовательный процесс.

Фактор	Влияние на спрос	Влияние на предложение	Текущие тренды	Перспективы	Риски
Государственное финансирование образования	Определяет доступность бесплатного образования	Определяет финансирование государственных вузов	Рост государственных инвестиций в образование	Увеличение финансирования STEM-дисциплин	Зависимость от бюджетных решений правительства
Уровень платежеспособности населения	Формирует уровень спроса на частные образовательные услуги	Формирует ценовую политику учреждений	Рост образовательных кредитов и программ субсидий	Рост финансовой доступности за счёт цифровых платформ	Неравенство в доступе к образованию
Инвестиционная привлекательность сектора	Привлекает частные инвестиции в образование	Способствует развитию частных образовательных проектов	Расширение инвестиций в EdTech проекты	Рост частных инвестиций в онлайн-образование	Риски окупаемости инвестиций в образовательные стартапы

Демографическая структура населения	Определяет возрастную структуру обучающихся	Определяет потребности в учебных местах	Старение населения в развитых странах	Рост спроса на специализированные программы для пожилых	Дисбаланс в подготовке специалистов
Социальные тренды в образовании	Влияет на предпочтения студентов и родителей	Влияет на модернизацию учебных программ	Популяризация смешанного обучения	Развитие индивидуальных образовательных траекторий	Отставание традиционных программ от потребностей рынка
Цифровизация образовательных услуг	Повышает доступность и разнообразие образовательных программ	Создаёт новые модели обучения	Развитие адаптивного обучения и AI в образовании	Рост автоматизированного персонализированного обучения	Цифровое неравенство и проблемы кибербезопасности

Рисунок 3 - Структурная матрица влияния ключевых факторов на рынок образовательных услуг

Примечание: составлена автором на основе источников [1-5].

Социальные и демографические факторы также оказывают значительное влияние на рынок образовательных услуг. Демографическая структура населения определяет количество потенциальных студентов, а социальные тренды в образовании влияют на предпочтения в выборе форм и методов обучения. Например, в регионах с высоким уровнем рождаемости наблюдается рост числа учащихся, что требует расширения образовательной инфраструктуры и увеличения числа педагогических кадров.

Технологические факторы, такие как цифровизация образовательных услуг и развитие онлайн-образования, меняют традиционные подходы к обучению, делая его более гибким и доступным. Однако это также ставит перед образовательными учреждениями новые вызовы, связанные с необходимостью адаптации к новым технологиям и обеспечения качества онлайн-обучения.

Таким образом, структурная матрица влияния ключевых факторов на рынок образовательных услуг позволяет комплексно оценить воздействие различных элементов на развитие образовательной системы. Понимание этих взаимосвязей помогает разработать эффективные стратегии управления и адаптации к меняющимся условиям, обеспечивая устойчивое развитие образовательного сектора и удовлетворение потребностей общества в качественном образовании.

Таким образом, интеграция экономических, социальных и технологических факторов является ключевой для понимания динамики рынка образовательных услуг. Зарубежные исследования подчёркивают необходимость комплексного подхода к анализу этих факторов для разработки эффективных стратегий развития образовательного сектора.

Результаты исследования показывают, что сочетание экономических, социально-демографических и технологических факторов оказывает значительное влияние на развитие рынка образовательных услуг.

В итоге государственное финансирование и уровень платежеспособности населения напрямую связаны с доступностью образования, тогда как цифровизация образовательных процессов расширяет возможности для индивидуализации обучения.

Демографические изменения, в свою очередь, требуют адаптации образовательных стратегий к изменяющимся потребностям общества. Исследование также выявило существующие барьеры, включая цифровое неравенство и риски недостаточного финансирования.

Список использованной литературы

1. Field J. *Lifelong Learning and the New Educational Order*. Stoke on Trent, UK: Trentham Books. 2006.
2. Xu M., David J. M., & Kim S. H. The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges. *International Journal of Financial Research*, 2018. 9(2), 90-95. <https://doi.org/10.5430/ijfr.v9n2p90>.
3. Marginson S. Higher Education and Public Good. *Higher Education Quarterly*, 2011. 65(4), 411-433. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2273.2011.00496>.
4. Barr N. Higher Education Funding. *Oxford Review of Economic Policy*, 2004. 20(2), 264-283. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grh015>.
5. Psacharopoulos G., & Patrinos H. A. Returns to Investment in Education: A Decennial Review of the Global Literature. *Education Economics*, 2018. 26(5), 445-458. <https://doi.org/10.1080/09645292.2018.1484426>.
6. United Nations (UN). *Shifting Demographics and Their Impact on Global Development*. 2023. <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics>.
7. Экспорт образовательных услуг на мировом рынке образования. 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/eksport-obrazovatelnyh-uslug-na-mirovom-rynke-obrazovaniya>.
8. Г.В. Семеко Образование как фактор экономического роста <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta-1/viewer>.
9. Norris Haynes School Climate as a Factor in Student Adjustment and Achievement Journal of Educational and Psychological Consultation 1997. 8(3):321-329 https://www.researchgate.net/publication/232482029_School_Climate_as_a_Factor_in_Student_Adjustment_and_Achievement.

